АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Н. Жуковскій.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник V

Памяти В. А. Жуковского

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1960

ВВЕДЕНИЕ

5 мая 1958 г. исполнилось сто лет со дня рождения выдающегося русского ираниста Валентина Алексеевича Жуковского (1858—1918).

Воспитанник факультета восточных языков Петербургского университета, ученик К. Г. Залемана, В. Р. Розена и И. Н. Березина, Жуковский вошел равноправным членом в славную семью русских востоковедов конца XIX — начала XX в. Он оставил нам ряд трудов по истории, лингвистике, литературе и фольклору Ирана, не потерявших своего научного значения до сегодняшнего дня. По его трудам учились и учатся советские иранисты. Среди непосредственных учеников Жуковского в первую очередь необходимо отметить А. А. Ромаскевича, продолжателя его дела в области языка и народного творчества Ирана, издавшего посмертно ряд его работ, а также таких талантливых ученых, как Ю. Н. Марр, И. А. Орбели, И. Ю. Крачковский, Е. Э. Бертельс, И. И. Зарубин, И. И. Умняков, С. М. Шапшал.

Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук СССР и Восточный факультет Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова провели 5 и 6 мая 1958 г. научную сессию своих ученых советов, посвященную столетию со дня рождения В. А. Жуковского. Доклады, зачитанные на этой сессии, и положены в основу настоящего сборника.

В статьях сборника, помимо биографических данных о жизни Жуковского, дается оценка различных сторон его деятельности в свете достижений современного востоковедения. Большой интерес представляют впервые публикуемые материалы о рукописном наследстве Жуковского.

Ю. Е. БОРЩЕВСКИЙ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ В. А. ЖУКОВСКОГО

Бумаги и рукописи В. А. Жуковского, составляющие фонд № 17 Архива востоковедов Института востоковедения Академии наук СССР, впервые были разобраны и описаны учеником Жуковского проф. А. А. Ромаскевичем, который взялся за эту работу по предложению акад. С. Ф. Ольденбурга. В небольшом предисловии к составленной им описи[1] Ромаскевич указывает, что рукописные материалы Жуковского поступили в Азиатский музей двумя партиями. Первая и основная часть их (241 единица хранения) была передана в Азиатский музей вдовой ученого В. А. Жуковской вскоре после кончины ее супруга (4 января 1918 г.). Кроме собственных материалов Жуковского, среди бумаг находились и весьма интересные документы из архива бывшего русского консула в Иране Ф. А. Бакулина, частично использованные В. А. Жуковским в статье «Российский императорский консул Ф. А. Бакулин в истории изучения бабизма»[2]. Эти бумаги были также разобраны Ромаскевичем, и описание их (41 единица хранения) вошло в общую опись архива Жуковского.

После кончины В. А. Жуковской, последовавшей 30 августа 1928 г., Ромаскевич предпринял, как он отмечает в том же предисловии, «шаги по отбору и изъятию всех бумаг и рукописей, хранившихся у умершей и имеющих научный интерес», передал их (91 единица хранения) в Азиатский музей и присоединил к уже находившимся там материалам. Но, поскольку документы и бумаги первой партии к тому времени были систематизированы и перенумерованы, Ромаскевичу пришлось включить новые поступления в «Дополнения» к составленной ранее описи, сознательно пожертвовав для ускорения работы стройностью всей описи, в значительной степени утратившей из-за

---

[1] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 42 (690-а).

[2] ЗВОРАО, т. XXIV, 1917, стр. 33—90.

этого хронологическую последовательность в распределении материалов.

Таким образом, опись бумаг Жуковского, завершенная Ромаскевичем в 1932 г., состоит из двух частей — основной и дополнительной — и разбита на следующие разделы:

1) «Доклады и статьи» (№ 1—17 и 201—207) [3];

2) «Копии рукописей» (№ 18—41 и 208—211);

3) «Описания рукописей Учебного отделения восточных языков Министерства иностранных дел» (№ 42—43; в «Дополнениях» соответствующего раздела нет);

4) «Переводы» (№ 44—51; в «Дополнениях» соответствующего раздела нет);

5) «Материалы по диалектологии» (№ 52—60 и 216—225);

6) «Материалы по археологии» (№ 61—66 и 226);

7) «Материалы по фольклору» (№ 67—68; в «Дополнениях» соответствующего раздела нет);

8) «Разное» (№ 69—104 и 227—248);

9) «Письма» (№ 105—154 и 251—259);

10) «Документы и деловые бумаги» (№ 155—173; по этому и нижеперечисленным разделам в «Дополнениях» материалов нет);

11) «Учебное отделение восточных языков Министерства иностранных дел» (№ 174—184);

12) «Практическая восточная академия» (№ 185—196);

13) «Проект Военного министерства» (№ 197—200).

Следует отметить, что в первый раздел — «Доклады и статьи» включены не только завершенные работы, но и предварительные материалы, собранные Жуковским. По своему содержанию эти статьи и материалы относятся к разным областям иранистики: истории, фольклору, суфизму, литературе и языкознанию; это справедливо также и по отношению ко второму и четвертому разделам описи.

При таком распределении материала затруднительно составить отчетливое представление о его характере, так как связанные по содержанию и часто дополняющие одна другую бумаги и рукописи находились не только в разных частях описи, но и в различных разделах.

Для устранения этого неудобства архив Жуковского было решено перегруппировать: «Дополнения» были ликвидированы и материалы из них перенесены в соответствующие разделы,

---

[3] Номера, стоящие в скобках впереди, относятся к единицам хранения, занесенным в основную часть описи Ромаскевича, а следующие за ними — к «Дополнениям».

укомплектованные по систематическому принципу; материалы же разделов 1, 2 и 4 включены во вновь созданные разделы «Материалы по истории», «Материалы по суфизму» и «Материалы по литературе». Остальные разделы описи Ромаскевича остались почти без изменения, если не считать значительного сокращения раздела «Разное», из которого большая часть бумаг также была перенесена в соответствующие разделы. В ходе этой работы удалось обнаружить бумаги, документы и персидские рукописи Жуковского и Бакулина, не помещенные в опись Ромаскевича.

Все сказанное ни в какой мере не умаляет значения большой и важной работы, проведенной Ромаскевичем. Составленные им описания каждой отдельной единицы хранения в почти неизменном виде вошли в новую опись архива.

I

Прежде чем приступить к характеристике рукописного наследия В. А. Жуковского, необходимо хотя бы коротко рассказать о первой поездке ученого в Иран, которая так много дала ему с точки зрения изучения страны и сбора материалов, в значительной части вошедших в его фонд, рассматриваемый в данной статье.

Трехлетнее (1883—1886) пребывание Жуковского в Иране, куда он был командирован Факультетом восточных языков Петербургского университета, не только помогло ему глубоко изучить жизнь и культуру страны, но и в значительной мере определило его дальнейшие научные интересы. Документы и письма, хранящиеся в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР и в Архиве АН СССР, освещают этот важный и плодотворный период деятельности Жуковского.

«Отчет о пребывании в Персии» [4], составленный ученым в марте 1884 г., дает ясное представление о первых месяцах его жизни в Иране. Как видно из отчета, основное внимание Жуковский уделял усовершенствованию в персидском языке. Здесь уместно упомянуть о его тегеранских учителях. В письме от 4 декабря 1883 г. к акад. В. Р. Розену он писал [5]: «Ахундом

---

[4] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 10-а/427. — Выдержки из «Отчета» приведены в приложении № 1.

[5] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 162. — Впоследствии Жуковский прекратил занятия с этим ахундом, однако не порвал с ним отношений, оставив его «своим агентом по книжной части, так как он связан с литографиями» (там же, № 163. — Письмо к В. Р. Розену от 15.II.1884 г.).

(имя его, к сожалению, не удалось установить. — *Ю. Б.*) я доволен: человек очень ученый, поэт, писатель, за неимением средств хранящий пока все в рукописях. Он, между прочим, принимает участие в издании «نامهٔ دانشوران»[6]. О своем другом учителе, Молле Ибрагиме Мазендерани, Жуковский в письме к Розену от 11 мая 1884 г.[7] сообщал, что он «очень образованный человек, хороший знаток «Месневи»[8], но в то же время страшный чудак и оригинал».

Однако не только совершенствованием в персидском языке занимался Жуковский в Тегеране. Стремясь расширить свои познания в области принятого тогда мусульманского образования, он следовал совету Розена, который писал ему в Тегеран 9 января 1884 г.: «...советую продолжать во все время пребывания в Персии также (хотя бы и в уменьшенной дозе) и прием мусульманской науки, как бы она подчас ни надоедала»[9].

Жуковский завязывал связи с видными иранскими учеными и политическими деятелями, знакомство с которыми сохранилось на долгие годы. Среди его тегеранских знакомых были и такие, как мирза турецкого посольства Шевкет, «люти, поэт, страшная шельма, известный во всем Тегеране знаток персидского языка и поэзии»[10]. Жуковский пытался сблизиться с тегеранскими поэтами, но, к сожалению, это ему не удалось, так как «они все-таки видят в нас (т. е. европейцах. — *Ю. Б.*) неверных и сторонятся»[11].

Много времени и внимания уделял Жуковский поискам и покупке книг и литографий для библиотеки Факультета восточных языков Петербургского университета.

По приезде в Иран Жуковский приступил к сбору образцов стихов на различных языках и диалектах Ирана. Уже в феврале 1884 г. он писал Розену, что ему удалось переписать «очень важное... сочинение муллы Мухаммада Паришана на

---

6 نامهٔ دانشوران ناصری — Биографический словарь выдающихся деятелей ислама составлялся коллективом авторов под руководством Али-Кули-мирзы Этезад ос-Салтане (см. приложение № 1, прим. 113), при жизни которого вышли два первых тома. С 1881 г. работу над словарем возглавил Мохаммед Хасан-хан Этемад ос-Салтане (см. Приложение № 1, прим. 116). Издание не окончено, всего вышло 7 томов.

7 Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 163.

8 «Мансави-йи маанави» — наиболее известное произведение Джелал ад-Дина Руми (1207—1273) — поэта и основателя дервишского ордена моулави.

9 Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 10/105—154.

10 Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 163, письмо 3.

11 Там же.

курдском языке» и «четверостишия Баба Тагира Гамаданского в наречии лурийском»[12].

Весьма интересны замечания В. А. Жуковского в его отчете о детской сказочной литературе в Иране. В. А. Жуковский был одним из первых европейских ученых, понявших огромную роль этой литературы в жизни населения Ирана. В своих исследованиях он неоднократно возвращался к этой теме.

В октябре 1884 г. Жуковский выехал из Тегерана в Исфаган, где прошел наиболее плодотворный период его деятельности в Иране. В Исфагане он занимался в основном изучением местных диалектов и бахтиарского наречия, а также собирал образцы народного творчества. Он работал много и упорно, неделями подряд записывая слова и тексты. Жуковский не раз сообщал Розену о трудностях, которые ему приходилось преодолевать. Розен же не оставлял своего ученика советами и помощью: он показал К. Г. Залеману материалы, присланные Жуковским из Ирана, просмотрев которые Залеман сделал свои замечания и составил для Жуковского инструкцию для записывания текстов.

При сборе фольклорных произведений верной помощницей Жуковского была его жена.

5 января 1885 г. Жуковский писал Розену: «Примусь за песни мутрибов, которые можно смело отнести к разряду персидских народных. Слагаются они самим мутрибом и долго не остаются в употреблении — два-три года, а затем забываются, заменяясь новыми. Каждая новинка в этом роде, появившаяся в Тегеране или другом месте, быстро распространяется по прочим городам»[13]. В письме к Розену от 2 февраля 1885 г. Жуковский отмечал, что ему удалось записать песни «у одного «таклидчи», или «муккалида», нечто вроде балаганного шута: мутрибы низкого разбора, бродящие по деревням и по домам незажиточных горожан, всегда имеют в своей среде одно такое лицо для потехи публики... Иногда предметом рассказа (таклидчи. — *Ю. Б.*) служит жгучая правда, горькая действительность, выраженная в стихах, сложенных подчас грубовато, но зато сильно и выразительно»[14]. Этот народный певец навел Жуковского на мысль собрать народные стихи о голоде 70-х годов XIX в. в Иране. О ценных материалах такого рода, сохранившихся в архиве Жуковского, подробнее будет сказано ниже.

---

[12] Там же, письмо 1.—Копия «Паришан-наме», содержащая 351 бейт, хранится в Архиве ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, 5/426-60.
[13] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 164, письмо 1.
[14] Там же, письмо 3.

В Исфагане Жуковский пытался записывать народные сказки, но вскоре отказался от этой мысли, так как, во-первых, все его информаторы знали лишь опубликованные в многочисленных литографиях произведения, а во-вторых, потому что «самая суть прелести (сказок. — *Ю. Б.*), — писал Жуковский 17 декабря 1885 г., — заключается в передаче, способе рассказа. Живая речь, переполненная остротами, крепкими словцами (без них перс, как и русский человек, немыслим!), на бумаге превращается в наисухое повторение گفت و رفت. Знай я стенографию, было бы другое дело. А что персы мастера рассказывать, несомненно, особенно дервиши. Я целыми часами заслушивался...» [15].

21 марта 1886 г. Жуковский вместе с женой выехал в Шираз. Во время этой поездки ему удалось пополнить свои диалектологические материалы записями образцов текстов из деревень Сивенд, Абду и Келюн, а также курдскими текстами из деревни Талахедешк. О существовании секты «ахл-и хакк» он впервые узнал от жителя Талахедешка, курда «рода Казиекенд, колена Кальхани, племени гуран» [16]. Жуковский сообщал Розену: «Данные о секте الحق я пополнил, — много любопытного» [17]. Как известно, впоследствии В. Ф. Минорский, узнавший о существовании этой секты от В. А. Жуковского, посвятил ей обстоятельное исследование [18].

Поездка в Шираз пополнила и собрание народных произведений Жуковского. Ему удалось записать поэму о голоде, а его жене — ряд колыбельных песен.

Уехал Жуковский из Ирана обогащенный новыми знаниями, с коллекцией материалов, принесших ему в дальнейшем заслуженную славу.

II

Среди материалов Жуковского по истории прежде всего следует отметить его неопубликованную студенческую работу «Сведения Али-Эфенди о славянах в сравнении с прочими турецкими историками (со времени Мурада I до Мухаммеда II

---

15 Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 164, письмо 12.

16 Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 165, письмо 8.

17 Там же, письмо 9.

18 В. Ф. Минорский, *Материалы для изучения персидской секты «Люди истины» или Али Илахи* («Труды по востоковедению, изд. Лазаревским институтом восточных языков», ч. I, вып. 33, М., 1911). См. также: V. Minorsky. *Etudes sur les Ahl-i Haqq* («Revue de l'histoire des religions», vol. 97, 1928, p. 90—105); V. Minorsky, *Notes sur la secte des Ahlé-Haqq* («Revue du monde musulman», № 40—41, 1920, p. 19—97; № 44—45, 1921, p. 205—302).

включительно)»[19], за которую он получил золотую медаль. Работа включает: 1) введение с характеристикой Али-Эфенди как историка и изложением задач, поставленных автором перед собой; 2) текст и перевод из «Кюн-гуль Ахбар» Али-Эфенди, сделанный по рукописи Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, причем некоторые места сличены с тремя другими рукописями (лейденской, венской и константинопольской); 3) «Примечания к переводу Али-Эфенди и сравнение его сказаний со сказаниями других османских писателей...»; 4) «Материалы для «Истории славян» по турецким источникам. Извлечения из османских, персидских и арабских летописей...» и др.

Несмотря на то что эта работа была написана Жуковским еще в студенческие годы и что с тех пор наши знания по истории славян обогатились многочисленными новыми сведениями, она до сих пор не утратила своего значения как тщательный и полный свод материалов по данному вопросу. Необходимо также отметить, что многие комментарии Жуковского к приведенным им текстам носят характер самостоятельного исследования. Поражает тщательность отделки и каллиграфический почерк, которым написаны тексты.

Материалы Жуковского по средневековой истории Ирана представляют собой выписки из различных сочинений иранских авторов. В основном они носят характер подсобных материалов. Однако две работы заслуживают более подробного рассмотрения.

Первая из них — перевод легенды о Тимуре и Насир-и Хосрове. Сочинение, с которого сделан перевод, впервые было кратко отмечено Б. Дорном, который назвал его «Тимур-наме»[20], не указав имени автора.

Изучая это сочинение, Жуковский установил, что его написал некий Абд ар-Рахман Сират и что «Тимур-наме» является в действительности первым томом задуманного автором обширного труда, который должен был охватить период от рождения Тимура до времени создания сочинения в 1124 г. х. (1712), названного самим автором «Кунуз ва-л-аазам»[21]. Этот том представляет собой историю Тимура, скомпилированную из многих источников, и обнимает время от рождения Тимура до его смерти.

---

[19] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 15/754—201.

[20] «Mélanges asiatiques», vol. V, SPb., 1868, p. 457.

[21] В рукописи Учебного отделения восточных языков Министерства иностранных дел № 549, ныне находящейся в Институте востоковедения

В незаконченном введении к своим переводам Жуковский пишет, что сочинение это не имеет ценности как исторический источник, но «литературных легенд интересных содержит очень много» [22]. Две из них Жуковский перевел по сводному тексту, составленному им по трем рукописям, ныне хранящимся в собрании Института востоковедения АН СССР. Это «Рассказ о притязании Муканны [23], т. е. Насир-и Хосрова, на пророчество в Шахрисябзе и отправление Сахиб-кырана (Тимура. — *Ю. Б.*) к автору «Хидая» [24] и обнаружении веры мухаммедовой» и «Рассказ об отправлении Сахиб-кырана к сочинителю «Хидая», приход его в область Шахрисябз и словопрение с Насир-и Хосровом и умертвление его мерою Сахиб-кырана».

В незаконченном введении к переводам Жуковский пишет: «Эта легенда, в которой при богатом вымысле ее автора причудливо смешаны лица исторические, иногда с их исторической обрисовкой, и лица несомненно вымышленные, лица разных веков — от II до VIII в. х. — создана автором «Тимур-наме»

АН СССР (С 1927), оно названо также «Тарих-и Тимури». В отрывке из введения к этому сочинению, опубликованному Валидовым (ЗВОРАО, т. XXIII, вып. 3—4, 1915, стр. 246), также приведено название «Кунуз ва-л-аазам»; там же говорится о делении его на два тома и дается краткое содержание их.

В собрании Института востоковедения АН СССР имеется шесть рукописей «Кунуз ва-л-аазам»; 1) С378 (566а), 428 л., 1235 г. х. (1819/20), упомянута Б. Дорном; 2) С379 (566в), л. 86—181а, 1273 г. х (1856/57), упомянута в «Mélanges asiatiques», vol. X, 1894, p. 291, под № 28, сокращенная по сравнению с С378 редакция, без предисловия; 3) С1927 (Уч. отд. МИД № 549), 584 л., 1276 г. х. (1859/60), нет 6 листов в конце, та же редакция, что С378; 4) D67 (566 ав), 476 л., 1303 г. х. (1885/86), упомянута Валидовым; предисловие отличается от других списков; 5) С1636 (Nov. 1348), л. 98б—188б — извлечения; установлено О. Ф. Акимушкиным; 6) С2336, 279 л. — сокращенная редакция, но с обширным предисловием; установлено О. Ф. Акимушкиным.

В каталоге А. А. Семенова («Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР», т. I, Ташкент, 1952) описаны четыре рукописи «Кунуз ва-л-аазам», но под названием «Тимур-наме» (№ 185, 186, 187, 188), причем автором ошибочно назван Мирза Румуз.

Следует внести соответствующие исправления в справочник С. А. Storey, *Persian literature. A bio-bibliographical survey*, vol. I, sec. II, fasc. 2, London, 1936, p. 290, № 359(2), где отмечена только наша рукопись С378, как анонимное сочинение «Тимур-наме».

[22] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 1/426—17.

[23] Восстание Муканны происходило в 776—783 гг. См.: А. Ю. Якубовский, *Восстание Муканны* («Советское востоковедение», вып. V, 1948).

[24] هدايه («Руководство») представляет собой составленный знаменитым законоведом Бурхан ад-Дином Али аль-Маргинани ар-Риштани (ум. в 1197 г.) комментарий к его собственному юридическому трактату بداية المبتدى («Первоосновы начинающего»). Этот комментарий получил

единственно для вящего прославления Железного Хромца, как ревностного поборника правоверного ислама и жестокого врага всяких еретических учений. Но автор, вероятно, не предполагал, что, отождествляя Насир-и Хосрова с Муканной, главою «одетых в белое платье», он свидетельствует о том, что в XII в. х., во время составления книги, в Средней Азии память о сторонниках идей Абу-Муслима, а стало быть, и самих идеях была жива и свежа, а противопоставляя Насир-и Хосрова Тимуру, он подчеркивает лишний раз мощность фигуры исмаилитского проповедника... далеко за пределами глухих уголков, где он до сих пор пользуется обаянием среди своих последователей. Эта мощность усматривается, кроме приведенной легенды, еще из того, что автор «Тимур-наме» с именем Насир-и Хосрова связывает в ранние годы жизни Тимура выступление в Кухистане близ Казвина Хаким-и Низари, товарища Насира, с проповедью учения о переселении душ и, незадолго до восшествия Тимура на престол, появление в Кашгаре сына Насир-и Хосрова Мансура, который проповедовал, что он, Мансур, — Махди, а эмир Тимур — антихрист».

Введение и сам перевод Жуковским не отделаны окончательно, но работа эта заслуживает того, чтобы быть доведенной до конца и опубликованной.

Перевод еще одной легенды из известного сочинения «Кандийа»[25] был предпринят Жуковским в связи с пробудившимся у него интересом к истории архитектурных памятников Средней Азии.

«В этом отношении, — писал он во вступлении к переводу легенды о «Шах-и Зенде», — весьма распространенные в Туркестане, но весьма мало изученные в литературе — русской и иностранной — сочинения, посвященные истории Самарканда, — «Самарие»[26] и «Кандие».

«широкое распространение по всему мусульманскому Востоку, особенно в странах ханифитского толка законоведения, как в Средней Азии...» (см. «Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР», т. IV Ташкент, 1957, № 3083, стр. 217).

[25] قندیه [Сахарная (книга)]; полное название «Сахарная книга по истории Самарканда» — агиографическое сочинение, содержит сведения по топографии и истории Самарканда. Историю написания и содержание сочинения см.: Н. Д. Миклухо-Маклай, *Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения АН СССР*, вып. I, Л., 1955, № 4, стр. 15—18. Использованная Жуковским для перевода легенды рукопись B673 описана там же (стр. 20, № 8).

[26] ثمریه — историко-топографическое описание Самарканда и округ, составленное в начале XIX в. (см. Н. Д. Миклухо-Маклай, *Описание таджикских и персидских рукописей...*, стр. 95, № 82).

Извлечь из них все, относящееся до истории самаркандских древностей, — задача благодарная и отнюдь не головоломная.... Предложенная заметка есть первая попытка такого рода работы».

Жуковский дал перевод легенды о скрывшемся в колодце патроне города Самарканда Шах-и Зенде (Живом шахе. — *Ю. Б.*) [27].

Материалы по истории Ирана XIX в. представлены в архиве гораздо полнее, и среди них имеются уникальные и очень редкие памятники, как, например, рукопись на французском языке — дневник военного инженера Семино, французского подданного, долгое время находившегося на иранской службе.

История находки этой рукописи такова. Разыскивая в книгах и бумагах библиотеки Российской миссии в Тегеране сборники персидских слов, писал Жуковский Розену 4 декабря 1883 г. [28], «я нашел одну вещь, не знаю, как туда попавшую: записки Бертелеми Семино, французского инженерного офицера, состоявшего на персидской службе и во время последней войны с Россией находившегося в главной квартире Аббас-Мирзы; он же был вторым уполномоченным от Персии при проведении русско-персидской границы в силу Туркманчайского договора. Рукопись в высшей степени интересна, помимо истории, и в географическом отношении, потому что весь его маршрут снят топографически». Розен отвечал: «Весьма удачна Ваша находка в библиотеке миссии! По возвращении Вы могли бы ее напечатать в Записках Географического общества. Подобные записки всегда очень интересны» [29].

Некоторые биографические сведения о Семино мы находим в его собственных записках. В письме к французскому послу в Турции, отправленном из Урмии 1 июля 1827 г. (его черновик имеется на л. 110б—111а рукописи), Семино сообщает о себе, что в 1814 г. он служил офицером в итальянской армии принца Евгения Богарне и что он уже четыре года (т. е. с 1823 г.) находится в Иране. Из них он «три с половиной года состоял на службе английского правительства Индии в качестве инженера-топографа, находясь в подчинении майора Монтейт (Monteith)... но навсегда оставил английскую службу и поступил на персидскую службу в качестве военного инженера».

Во время русско-иранской войны 1826—1828 гг. Семино находился при ставке Аббас-Мирзы и выполнял его различ-

---

[27] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 4/426—45.

[28] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 162, письмо 9.

[29] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 10/427—127, письмо от 9.I.1884.

ные поручения. После заключения Туркманчайского мира Семино был назначен вторым комиссаром персидской стороны комиссии по установлению границы между Россией и Ираном.

После убийства полномочного министра-резидента в Иране А. С. Грибоедова (11 февраля 1829 г.) Семино в составе свиты Хосров-Мирзы побывал в Петербурге и вместе с ним вернулся в Иран[30].

И. Ф. Бларамберг, путешествовавший по Ирану в 1837—1840 гг., упоминает Семино в списке иностранных офицеров, состоящих на службе в персидской армии[31].

В канун 1843 г. И. Н. Березин познакомился с Семино на встрече Нового года в русском посольстве в Тегеране[32].

В 1868 г. Семино находился еще в Иране, о чем свидетельствует запись, сделанная им на л. 1а нашей рукописи: «6 мая 1868 г. мой сын родился в Тегеране (Б. Семино)»[33].

Таковы скудные биографические данные о Семино, которые нам удалось установить. Можно полагать, что внимательный просмотр трудов многочисленных путешественников, побывавших в Иране за период с 1823 по 1870 г., позволит обнаружить новые и более полные сведения об авторе записок.

Рукопись Семино[34] представляет собой тетрадь в оклеенном кожей картонном переплете, содержащую 234 листа размером 24,2×20,3 *см;* бумага русская, с водяным знаком «УФКПК, 1823»; в тетрадь вложен отдельный лист размером 35,5×22,2 *см.* Листы 129б—219а чистые, остальные заполнены с обеих сторон, причем л. 3а—93а пронумерованы самим Семино постранично (181 стр.) Текст написан очень мелким, убористым и часто трудноразбираемым почерком, черными чернилами. На

---

[30] См.: «Акты, собранные Кавказской археологической комиссией», т. VI, ч. II, Тифлис, 1875, стр. 391 (где он назван «Семино, французский инженер, греческого происхождения»); т. VII, 1878, стр. 704, 710—711.

[31] «Капитан Семино, француз, инженер — 500 туманов в год. (После гератского похода он получил от шаха чин сартипа, или генерал-майора, с 1000 туманами жалованья и до сих пор находится в Персии.)» [И. Ф. Бларамберг, *Статистическое обозрение Персии, составленное в 1841 г.* («Записки РГО», кн. 7, 1853, прибавление IV, стр. 82)].

[32] «Французское общество (в Тегеране. — *Ю. Б.*) состояло из генерала персидской службы Семино, ездившего в Петербург с Хосров-Мирзой, занимающегося съемками разных местностей Ирана и поездками в мало посещаемые области» (И. Н. Березин, *Путешествие по Северной Персии*, Казань, 1852, стр. 161—162).

[33] Это был третий ребенок Семино, родившийся в Тегеране. На том же листе имеются еще записи: «4 сентября 1833 г. — Мари родила...»; «1 января 1844 г. — мой сын родился в Тегеране».

[34] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 36/367.

л. 2а имеется рисунок: набросок развалин Персеполя с двумя человеческими фигурками в иранской одежде на переднем плане.

В этой тетради автор делал записи самого различного характера: от названий книг, «которые следует добыть при первой возможности» (л. 3а), и текстов различных прокламаций Наполеона (л. 13а—14б) до черновиков писем и связных повествований о пережитых им событиях. Приводимое ниже оглавление рукописи дает представление о ее характере [35].

1. «Копия моего собственного письма из Сараба (Сараб — ныне центр одноименного шахрестана, в 124 *км* к востоку от Табриза. — *Ю. Б.*) от 1 июля 1826 г. господину Константину Грегуару (Constantin Gregoire) в Тифлисе» (л. 18а—25а). Письмо посвящено путешествию Семино по Гиляну, где он производил топографические съемки в долине р. Кызыл-Узен (Сефидруд) в том же 1826 г.

2. «Журнал моего маршрута от города Табриза до впадения реки Кызыл-Узен (Сефидруд) в Каспийское море...» (л. 26а—60а). Журнал содержит данные топографических съемок Семино. Путь, пройденный автором за полтора месяца (со 2 апреля по 15 мая 1826 г.), описан подробно; против каждого населенного пункта указываются его координаты, высота над уровнем моря и другие сведения; дается краткая характеристика с указанием численности населения.

3. Запись о выезде автора 22 сентября 1828 г. из Табриза к месту работы русско-иранской разграничительной комиссии. 1 октября 1828 г. Семино, направлявшийся в Нахичевань, встретился на берегу Аракса с А. С. Грибоедовым (л. 61б), который ехал в Табриз. На л. 62а—76а имеются лишь топографические сведения, оформленные в виде журнала.

4. «Письмо Мехмед-хану — вождю одного из шахсевенских племен, от 1 декабря 1828 г. из Ленкорани в его лагерь на Мугани» (л. 77а—77б). Письмо касается вопросов, связанных с установлением русско-иранской границы.

5. «Письмо господину Мустоуфи Мирза Масуду [36], первому комиссару разграничительной комиссии, в Ардебиль. Ленкорань, 1 декабря 1828 г.» (л. 78а—79а). Письмо касается тех же вопросов, что и предыдущее.

[35] Записи на л. 3а—17б не имеют прямого отношения к Ирану и не содержат автобиографических данных. В кавычках приводятся заглавия, данные самим Семино; отсутствие кавычек означает, что в рукописи эта запись не имеет заглавия.

[36] Мирза Мас‘уд — министр Аббаса-Мирзы; участвовал во всех конференциях, завершившихся подписанием Туркманчайского мирного договора, сопровождал Хосрова-Мирзу при его поездке в Петербург. А. С. Гри-

6. «Описание границы между Россией и Персией, проведенной и установленной в 1828 г. комиссарами обеих держав» (л. 80а—91а). Французский текст русско-иранского соглашения о границе с подробным ее описанием.

7. Роспись налогов, получаемых с различных районов и отдельных городов и племен Ирана, в харварах зерна и денежных единицах (туманах). Приведены данные о 38 районах и городах; сюда же включены сведения о нескольких племенах (например, о курдах-шеккаки) Иранского Азербайджана. Источник сведений не указан. Для района «Дохерган» (Даххваркан) отмечается только общая сумма налогов (л. 92а).

8. «Маршрут из Тавриза в Петербург. Путь персидского посольства (Хосров-Мирзы), выехавшего из Тавриза 22 апреля 1829 г.» (л. 105б—106б). Указаны пункты остановок посольства и расстояния между ними.

9. «Список членов правящего рода Каджаров: сыновья Фатх Али-шаха» (л. 107а—108а). Перечислены 57 сыновей Фатх Али-шаха с указанием должностей, занимаемых восемнадцатью из них.

10. «Список зятьев Фатх Али-шаха» (л. 108а—109а). Названо 26 человек.

11. «Главные чины двора» (л. 109а—110а). Приведены имена 45 придворных Фатх Али-шаха.

12. «Семья наследного принца Абасса-Мирзы» (л. 110а—110б). Перечислено 27 человек.

13. «Письмо его превосходительству господину графу де Гийемино (de Guilleminot), послу Франции в Турции. Из города Урмия в Азербайджане; 1 июля 1827 г.» (л. 110б—111а).

Письмо это, сведения из которого о Семино приводились выше, было отправлено им по просьбе иранского правительства совместно с письмом уже упоминавшегося Мирзы Мас'уда. Цель посылки писем заключалась в том, чтобы с помощью французского посла в Турции добиться публикации в европейской периодической прессе выгодного Ирану объяснения причин, вызвавших русско-иранскую войну. Письмо Мирзы Мас'уда, очевидно, представляло собой своего рода полуофициальное заявление по этому поводу. Семино характеризует Мирзу Мас'уда как хорошо известного друга Франции и просит посла оказать содействие в его просьбе.

боедов хорошо отзывался о Мирзе Мас'уде. Он писал 23 августа 1829 г.: «Я только что получил официальное сообщение, что комиссар по разграничению уже назначен: это Мирза-Массуд, честность и прекрасные манеры которого хорошо известны» (А. С. Грибоедов, *Путевые записки Кавказ — Персия*, Тифлис, 1932, стр. 88).

2 Заказ № 2197

14. «Отъезд из Урмии для соединения с главной квартирой в Хое. 1 июня 1827 г.» (л. 111б—115б). Описание достопримечательностей оз. Урмия (Резайе), въезда Фатх Али-шаха во главе персидских войск в военный лагерь, расположенный близ города Хой; детальное описание вооружения и обмундирования различных родов иранских войск (кавалерии, вьючной артиллерии, военного оркестра, пехоты, обоза).

15. «Письмо госпоже Луизе де ла Мариньер (Louise de la Marinier) от 9 июля 1827 г.» (л. 116а—123а).

Подробное описание иранского военного лагеря; поведение иранских войск на собственной территории; строевые и тактические учения иранских войск.

16. Записки о военных действиях под Аббасабадом: разгром русскими войск Аббас-Мирзы на правом берегу Аракса, около Аббасабада; беспорядочное бегство иранских войск; возвращение Аббас-Мирзы в лагерь Чорсу; поездка Семино в Хой с целью укрепления города; свидание А. С. Грибоедова с Аббас-Мирзой; отъезд Аббас-Мирзы в Дахарреган (Дахварган — ныне центр бахша, расположен в 51 *км* к юго-востоку от Тавриза. — *Ю. Б.*) для ведения мирных переговоров с Паскевичем; переговоры в Дахаррегане; план офицера-поляка на русской службе, через Семино предлагавшего Аббас-Мирзе захватить Паскевича и всех высших русских офицеров, находившихся в Дахаррегане, отвергнутый Аббас-Мирзой как нереальный; срыв переговоров и возобновление военных действий; переговоры в Туркманчае и подписание мира.

Записки неожиданно обрываются на следующей фразе: «В вечер подписания трактата я находился в одной комнате с Аббас-Мирзою и Паскевичем и их главными чиновниками. Когда вся церемония окончилась...» (л. 123б—129а и вкладной лист).

Достаточно этого оглавления, чтобы увидеть, какой интерес представляют записки Семино для историков. Не менее интересны они и для географов. Автор весьма основательного и подробного исследования, посвященного истории географических открытий в Иране, известный путешественник по Ирану австриец Альфонс Габриель[37] не упоминает Семино в своем труде, хотя и отводит в нем несколько страниц Монтейту, совместно с которым Семино работал. А. Габриеля нельзя обвинять в этом, ибо сам Монтейт не упоминает имени Семино ни

---

[37] Alfons Gabriel, *Die Erforschung Persiens. Die Entwicklung der abendländischen Kenntnis der Geographie Persiens*, Wien, 1952. О Монтейте — стр. 146—148 и др.

в одной из своих посвященных Ирану работ. Записки Семино дают основание полагать, что он расстался с англичанами далеко не в дружеских чувствах. Как бы там ни было, топографические и географические изыскания Семино в Иране дают ему право занять достойное место в ряду географов, ликвидировавших белые пятна на карте этой страны.

Жуковский прекрасно понимал значение найденной им рукописи. Он перевел из нее наиболее интересные места, однако не довел работу до конца и не отделал перевод. Подлинник перевода Жуковского [38] занимает 44 исписанных с обеих сторон листа форматом 36×22,5 *см*. Он содержит письма Семино к Грегуару и де ла Мариньер, большую часть описания маршрута Табриз — устье Сефидруда и записки о военных действиях и мирных переговорах.

Для того чтобы читатель мог получить представление о содержании записок Семино, приводим в приложении № 2 с незначительными сокращениями отрывок из его письма к Луизе де ла Мариньер от 9 июля 1827 г. в переводе Жуковского.

Записки Семино следовало бы издать, с тем чтобы завершить начатую В. А. Жуковским работу.

Из материалов по истории Ирана конца XIX в. заслуживает внимания неопубликованная рецензия [39] Жуковского на книгу Евгения Белозерского «Письма из Персии» [40]. Жуковский сурово и по достоинству критикует эту книгу, однако эта рецензия интересна для нас прежде всего потому, что представляет собой исторический документ: записки очевидца о положении в Иране вообще и в Исфагане в частности.

Показав, насколько «дутая и искаженная» (по выражению Жуковского) картина Ирана нарисована в книге Белозерского, он переходит к рассмотрению действительного положения в стране и дает меткую и беспощадную характеристику правителю Фарса и Исфагана Зилл ос-Султану Каджару, описывает голодные бунты в Ширазе и Исфагане, произвол и спекуляцию правительственных чиновников, грабежи, чинимые войсками, разрушение исторических зданий и т. д.

Рецензия эта была зачитана Жуковским на заседании Восточного отделения Русского археологического общества 24 сентября 1887 г., но по соображениям политического характера не была опубликована [41].

---

[38] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 4/426—48.
[39] Там же, № 1/426—4 (на 48 страницах).
[40] Евгений Белозерский, *Письма из Персии*, СПб., 1886.
[41] ЗВОРАО, т. II, вып. 3—4, 1888, стр. V.

Интересна, несмотря на неполноту данных, работа Жуковского «Роспись государственных доходов Персии за 1861 и 1856 гг.»[42]. Это — извлечение из книги Мохаммед Хасан-хана Этемад ос-Салтане «Китаб ал-маасир ва-л-асар», хроники событий времени правления Насер эд-Дин-шаха, одной из сравнительно немногих персидских книг XIX в., в которой имеются статистические сведения по Ирану. Для сравнения и проверки данных Жуковский привлек другие, как русские, так и персидские источники. Работа эта свидетельствует, насколько ясно он видел необходимость изучения экономики страны для понимания ее истории.

Работа «Европейцы и дом наук — „Дарольфонун" в Персии»[43], посвященная истории первого иранского университета, к сожалению, осталась незавершенной.

О неизвестной до сих пор «Краткой верной и правдивой истории» Али-хана Каджара Захира од-Доуле[44] говорится в нашей статье, опубликованной в этом сборнике. Здесь же приведен перевод отрывка из рукописи Али-хана Каджара, сделанный Жуковским.

В архиве Жуковского содержатся переводы из многих иранских газет о политическом и экономическом положении страны, переводы шахских манифестов, материалы об иранской прессе.

В особую группу материалов по новой истории Ирана следует выделить многочисленные письма к Жуковскому из Ирана. Многие его ученики по Учебному отделению восточных языков Министерства иностранных дел и Восточному факультету Петербургского университета были назначены на дипломатическую работу в Иран. Жуковский не порывал с ними связи и стремился из Петербурга руководить их научными занятиями. К сожалению, его письма к ученикам не сохранились. Можно, однако, смело утверждать, что указания Жуковского воспринимались ими как программа научной деятельности[45].

В то же время Жуковский был во многом обязан своим ученикам, попавшим в Иран. Со свойственной ему добросовестностью он всегда отмечал это, так как они способствовали успехам в его научной работе: наводили справки среди иранских ученых и «адибов», выясняли значения отдельных слов, встречавшихся

---

[42] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 1/426—13.

[43] Там же, № 1/426—14.

[44] Там же, № 2/426—21, 4/426—46.

[45] Н. Бравин в письме от 5.II. 1908 г. из Сеистана (Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 10/427—107) так и пишет: «...Вы по пунктам даете мне определенную программу».

в таснифах, которые Жуковский готовил к публикации, присылали газеты, книги и даже рукописи, регулярно осведомляли обо всех важных событиях, происходивших в Иране.

Благодаря обилию материалов о политической и культурной жизни Ирана в конце XIX—первом десятилетии XX в. письма учеников Жуковского являются важными источниками для исследователя, изучающего этот бурный в истории Ирана период. Особую ценность им придает то обстоятельство, что авторы писем часто бывали очевидцами и даже участниками описываемых ими событий.

Письма учеников Жуковского содержат также сведения о состоянии книжного рынка в Иране, о наиболее популярных литературных произведениях, характеристики видных политических и культурных деятелей того времени. Крайне интересны материалы по иранской периодической печати, заметки о персидских говорах, сведения о дервишских орденах, о народных сатирических произведениях, в которых высмеиваются ненавистные правители, и т. п.

Наибольшее значение имеют письма А. Р. Барановского, Г. Д. Батюшкова, Д. Д. Беляева, Н. З. Бравина, М. М. Гирса, Н. Дубровина, А. Я. Миллера и В. П. Никитина.

Так, в письме консула А. Я. Миллера от 17 мая 1905 г.[46] содержится характеристика религиозной жизни Кермана. Описав возглавлявшего дервишский орден ниʽматуллахи в Махуне некоего Хаджи Махмуд-хана, Миллер продолжает: «В самом Кермане дервишей почти нет, ибо сами керманцы не верят ни в черта, ни в кочергу и религиозными и философскими вопросами интересуются мало... Как бы в насмешку над «би масхабным»[47] характером керманцев, волею судеб, в Кермане имеются шииты, шейхӣ[48] со своим папой Хаджи Мухаммед-ханом Каджаром Серкари-ага, немного бабидов и атеистов, гебры, евреи, протестанты и мы, православные. Шейхӣ, боготворящие своего главу, составляют сплоченную партию. Все богатейшие помещики — шейхӣ. Шииты жили с ними в дружбе, пока не придрались к случаю, чтобы устроить им скандал из-за одного назначения. С Серкари-ага, которого грозились убить и прах его развеять по ветру, я в наилучших отношениях. Просил его до-

---

[46] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 10/427—121. — О печатных работах А. Я. Миллера см.: М. П. Петров, *Библиография по географии Ирана*, Ашхабад, 1955, стр. 119—120.

[47] Т. е. нерелигиозным.

[48] Шейхӣ — одна из шиитских сект, доктрины которой в значительной мере способствовали возникновению бабизма (см. Cl. Huart, *Essai sur le cheikhisme*, Paris, 1911).

стать мне почитать книги шейхй... Керманские бабиды никакой роли не играют...

В последнее время среди шиитов появился некий шейх Ахмед, обладающий исполинским ростом и красивою наружностью, но... почти безграмотный. Он фанатичен, конечно, ради шантажа, чтобы сорвать с шейхй и гебров, коих он громит с Кораном в правой и саблей в левой руке, хороший куш... Кроме того, ввиду большого успеха среди женщин, тащащих ему деньги, браслеты и серьги, можно быть уверенным, что и правоверные шииты уберут этого молодца подальше от Кермана, дав ему, в виде отступного, подъемные и прогонные».

Интересное описание народных волнений в Мешхеде дает в своем письме М. М. Гирс[49]:

«В конце апреля (1903 г.) произошли в Мешеде беспорядки, слух о которых попал даже в европейскую печать, а в газете «Хабл ул-Метин»[50] появилось пространное и довольно правдоподобное описание событий. В самом Мешеде беспорядки эти породили целую литературу, два образчика коей при сем прилагаю... Брошюрки эти раскупались нарасхват.

Дело в том, что правитель Хорасана Нейир уд-Доуле, будучи самым крупным землевладельцем области (ему, например, принадлежит целый город Нишапур с округом), заставил остальных купцов устроить во главе с ним синдикат, который выпускал ежедневно на мешедский рынок минимальное количество зерна и притом по самой высокой цене. К концу апреля фунт хлеба печеного дошел до 10 копеек. Многотерпеливый народ не выдержал и потребовал от правителя хлеба. Тот пригрозил суровыми мерами. Тогда огромная толпа во главе с женщинами, которые оказались храбрее мужчин, двинулась к арку (цитадели. — *Ю. Б.*). По дороге их встретил беглербеги со своими фаррашами и стал стрелять, убив двух женщин и одного ребенка. Толпа озверела, бросилась на дом своего полицеймейстера, сожгла и разрушила его до основания. Та же участь постигла еще дом одного богача. Тем временем все ба-

---

[49] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, 23/429—255.

[50] حبل المتين — иранская газета, основанная сейидом Джелал эд-Дином аль-Хусайни Муаййад аль-Ислам в Калькутте в джумади II 1311 г. х. (декабрь 1893 г.), пользовалась большим влиянием в Иране. См.: محمد صدر هاشمی، تاریخ جرائد و مجلات ایران، جلد دوم، اصفهان، ص ۲۰۸—۲۰۰

В 1907 г. начало выходить также тегеранское издание «Хабл оль-Матин», редактором которого был Хасан Кашани. См. также: М. С. Иванов, *Иранская революция 1905—1911 годов*, М., 1957, стр. 538.

зары закрылись, хлеба нигде нельзя было получить, а правитель стал стягивать к городу войска и окружил себя пушками... Такое положение продолжалось около недели. В один прекрасный день около 1000 человек расположились на улице против нашего консульства и стали кричать, прося защиты. Муштеиды же прислали своих представителей, которые умоляли Богоявленского довести их жалобу до шаха. Богоявленский поехал к правителю и, видя, что с ним ничего нельзя сделать, согласился на просьбу духовенства... Тем временем, по взаимному соглашению с управляющим отделения Банка[51], русско-подданным пекарям приказано было печь хлеб из муки, принадлежащей Банку... Хлеб этот... бесплатно раздавался беднейшим жителям... Еще через неделю пришло радостное и для народа и для нас известие об отставке Нейир уд-Доуле и назначении на его место двоюродного брата шаха, Рукн уд-Доуле...»

В письме от 26 октября 1902 г.[52], посланном Жуковскому из Исфагана, Барановский сообщал: «...Я достал очень злую повесть, насмешку надо всеми здешними властями, начиная с Зилли-Султана; пробирают всех здесь стоящих у власти, не щадя и известнейших ахундов и муштехидов. Ее теперь переписывают...»

Отправляя Жуковскому эту «повесть», Барановский писал: «Для большего наслаждения нужно знать всех фигурирующих там лиц: муштехидов Ага Неджефи и Ага Нурулла, их помощников — разных шейхов и прочих. Остальные типы — каргузар Фатх уль-Мульк, личный секретарь Зилли-Султана — Мирза Багыр-хан, наиб уль-хукуме Рукн уль-Мульк — выведены там очень правдиво, но беспощадно. Брошюра составлена лицом, хорошо осведомленным со всеми имевшими за последние десять лет место в Исфагане событиями, и расходится здесь нарасхват, хотя, конечно, тайно. Нужно видеть бравых исфагани, передающих отрывки из этой брошюры, подражая действующим лицам, их жестам, манере говорить»[53].

Брошюры, высланные Гирсом и Барановским, послужили основным материалом для прочитанного Жуковским 20 ноября 1903 г. на заседании Восточного отделения Русского археологического общества доклада «Черты современного положения Персии в ее литературных произведениях»[54].

Среди вновь обнаруженных и не вошедших в опись Ромаскевича бумаг Жуковского сохранились его черновые наброски

---

[51] Имеется в виду русский Учетно-ссудный банк Персии.
[52] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 23/429—252.
[53] Там же, письмо от 14.XII.1902.
[54] ЗВОРАО, т. XVI, вып. 1, 1904, стр. XVI.

к этому докладу: перевод отрывка из брошюры, присланной Гирсом, выписки из цитированного выше письма Барановского и заключение, в котором Жуковский благодарит своих друзей и учеников, находивших «время и охоту... по крохам собирать ценный материал». Заключение это полностью опубликовано Бартольдом в его некрологе «Памяти В. А. Жуковского».

III

Большая часть фольклорных материалов, хранящихся в архиве Жуковского, была им издана, а его заслуги в области изучения народного творчества получили заслуженную оценку. Однако, как отмечал В. В. Бартольд, в этой области Жуковский «выполнил не все, что им было намечено: между прочим, не появился в свет предположенный им к изданию сборник персидских романсов из коллекции Ханыкова, находящейся в Публичной библиотеке» [55]. Жуковский не успел завершить подготовку к печати этого интересного и, очевидно, уникального сборника народных песен-таснифов, который хранится в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

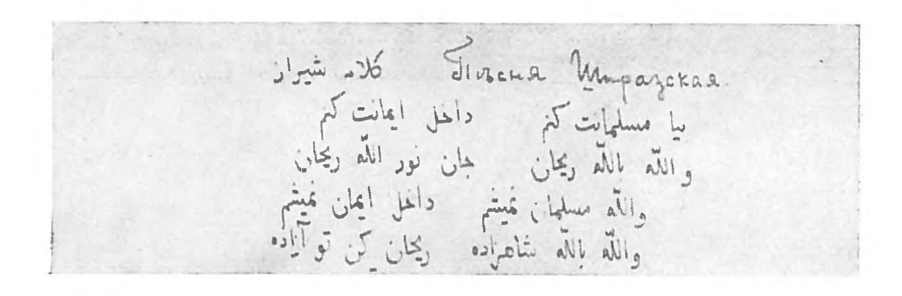
В архиве имеются два списка, сделанных Жуковским с этой рукописи. Черновой список занимает тетрадь в 48 страниц большого формата [56], чистовой список [57], предназначавшийся, по всей вероятности, для сдачи в набор, занимает 112 листов большого формата, на каждом из которых каллиграфическим насхом Жуковского выписано по одному таснифу (рис. 1). На некоторых листах имеются глоссы, выписанные каллиграфическим шекасте, без сомнения, рукой перса.

Всего в сборнике 104 таснифа, причем для подавляющего большинства из них указано место происхождения (в скобках приводится количество таснифов):

Арделан (1), Азербайджан (1), Багдад (1), Бехбахан (1), Боруджерд (3), Джахром (1), Дизфуль (2), Герат (1), Гилян (1), Зенджан (1), Йезд (1), Исфаган (3), Кабул (1), Казвин (1), Кашан (2), Керман (3), Керманшах (1), Курдистан (1), Луристан (1), Мазендеран (1), Мешхед (1), Табриз (2), Тегеран (19), Урмия (1), Хамадан (2), Хешт (1), Хоррамабад (1), Шираз (26), Шуштер (4); без указания места (4); «лаки» (1), «араби» (1), «хинди» (1).

---

[55] ЗВОРАО, т. XXV, вып. 1, 1921, стр. 410.
[56] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 2/426—19.
[57] Там же, № 2/426—20.

Давай я сдѣлаю тебя мусульманкою,
Введу тебя въ вѣру правую.
Заклинаю богомъ, Рейханъ.
Душа Нурулла Рейханъ.
Клянусь богомъ, мусульманкою я не стану,
Въ вѣру правую я не войду.
Заклинаю богомъ, царевичъ,
Освободи ты Рейханъ

Рис. 1. Отрывок из текста и перевода ширазского таснифа по рукописи Н. Ханыкова «Маджма ат-таснифат» *(Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 2/20, л. 106).*

Как видно из этого перечня, в сборнике представлены образцы таснифов почти всех областей Ирана. Ценность рукописи увеличивается еще и потому, что таснифы, как известно, довольно быстро выходят из моды и забываются. Вполне возможно, что содержащиеся в сборнике таснифы больше нигде не записаны [58].

В сборнике преобладают лирические таснифы, но есть и несколько героических песен. Многие из них проникнуты мягким юмором, иногда издевкой; все они очень интересны как своей формой, так и подлинной поэтичностью содержания.

Жуковский перевел 31 тасниф, причем во время работы он встретился со значительными трудностями; судя по письмам

[58] Жуковский писал: «...намеченный мною для издания сборник «романсов»... из коллекции Ханыкова № 52 сделан, вне всякого сомнения, по заказу европейца» («Образцы персидского народного творчества», СПб., 1902, стр. 111, прим. 1). Это обстоятельство позволяет считать сборник уникальным.

его русских друзей из Ирана, даже ученые персы часто не могли истолковать то или иное слово из таснифов, разъяснить которое просил Жуковский.

Персидский текст таснифов, переписанный Жуковским, и его переводы вполне подготовлены к печати. Для публикации этого ценного памятника персидского народного творчества нужно перевести этот сборник до конца и снабдить издание комментариями.

Жуковский считал, что фольклорные произведения являются не только литературными памятниками, но и своеобразными документами, отражающими реальные исторические события. Стремясь глубже изучить жизнь Ирана, он собрал богатую коллекцию персидских песен и стихов, повествующих о страшном пятилетнем голоде, постигшем страну в семидесятых годах XIX столетия. Основная часть коллекции была составлена Жуковским во время его первой поездки в Иран, но некоторые образцы он получил от своих друзей и знакомых в последующие годы.

Со стихами о голоде Жуковский впервые столкнулся в Исфагане в 1885 г. Он писал Розену 20 января 1885 г.: «Из города является субъект с предложением сообщить стихи, которые народ сложил о бывшем в Персии в 1870 г. голоде и о терьяке (опиуме), которым, нужно сказать, только и поддерживается теперь Исфаган. Прослушал я и то и другое, вижу, что вещи очень серьезны, приказал прийти на послезавтра»[59].

Вскоре Жуковский записал эти стихи. Уже в письме от 2 февраля 1885 г. он сообщил Розену: «Песнь о голодовке, записанная со слов „таклидчи“, навела меня на мысль пуститься в поиски за произведениями, относящимися к этой эпохе: голодовка, вызванная вначале распоряжением властей, а потом явлениями физическими, продолжалась около пяти лет в общей сложности и представляет собою явление, выходящее из ряда обыкновенных, которое никоим образом не могло пройти бесследно в памяти народной. Поиски мои в самом деле оправдали мои предположения: я получил два списка, не особенно длинных, но очень интересных».

Постепенно Жуковский собрал много стихов, из которых в его архиве сохранились следующие:

1) рассказ о голоде в Кашане, мусаддас в 68 бейтов. Персидский оригинал и копия с него Жуковского[60];

---

[59] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 164, письмо 2.

[60] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 7/427—61 с и 68. — Сообщения Жуковского о собираемых им стихах о голодовках см. в его письмах к Розену (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 9, № 164, письма от 20.I, 24.III, 21.IV, 19, V. 1885 г., 29.IV. 1886 г.).

2) два маснави о голодовках в Исфагане, Йезде, Кермане, Тегеране, Куме и Кашане в 1871—1873 гг. Первое имеет 99 бейтов, второе — 33. Оба маснави переведены Жуковским [61];

3) три газали и одно маснави о голоде без названия [62];

4) песня о голоде 1867—1868 гг. из Шираза; маснави из 175 бейтов. Переведена В. А. Жуковским, но не полностью [63];

5) стихи о голоде 1898—1900 гг. Персидский оригинал и копия с него Жуковского, всего 30 бейтов. Переведены Жуковским, но не полностью [64];

6) маснави о голоде, на одном из диалектов района Исфагана [65];

7) маснави о голоде, без особого названия, 85 бейтов [66].

В стихах описываются потрясающие народные страдания, когда население целых районов вымирало от голода, рассказывается о случаях людоедства. В некоторых стихах приводятся цены на хлеб, ячмень, рис, мясо, бобы, сыр. Все это, как и чисто литературные достоинства стихов, делают их заслуживающими издания.

Среди бумаг Жуковского имеется небольшая рукопись, озаглавленная «Несколько отрывков из народной поэзии Гиляна» [67]. Она содержит 21 стихотворение на гилянском наречий (в транскрипции), собранное бывшим русским консулом в этой провинции В. П. Никитиным, и сделанные им же переводы этих стихов.

IV

К числу неопубликованных работ по персидской литературе принадлежит законченный Жуковским 23 июня 1897 г. перевод персидской версии «Повести о Б. л. в. х. ре и Юзас. фе (Варлааме и Иосафе)».

Этот «знаменитый роман, индийское происхождение фабулы которого, — по словам Розена, — уже давно не подлежит сомнению» [68], дошел до нас в различных версиях (греческой, арабско-христианской, арабско-мусульманской, еврейской, эфиоп-

---

[61] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 7/427—67а, 69, 75.
[62] Там же, № 7/427—70.
[63] Там же, № 7/427—71, 76.
[64] Там же, № 7/427—74, 77.
[65] Там же, № 7/427 — 72.
[66] Там же, № 7/427—73.
[67] Там же, № 9/427—97.
[68] ЗВОРАО, т. II, вып. 3—4, 1888, стр. 166.

ской, сирийской, армяно-грузинской и др.). Как известно, он привлек внимание таких крупных востоковедов, как В. Р. Розен, Н. Я. Марр и С. Ф. Ольденбург, и вызвал к жизни обширную научную литературу на русском и западноевропейских языках.

На существование персидского извода этой повести впервые обратил внимание европейских ученых С. Ф. Ольденбург[69]. Он же опубликовал начало и конец повести, а также текст и перевод нескольких притч из нее, использовав рукопись Британского музея[70].

Жуковский приступил к переводу по настоянию своего учителя Розена. Он использовал лубочное персидское издание повести, выпущенное в Тегеране в 1269 г. х. (1852/53), и текст ее в сочинении известного шиитского теолога Мохаммеда Бакира Маджлиси «Айн аль-хайат» («Источник жизни»)[71].

Перевод Жуковского был просмотрен Розеном. Подлинник перевода занимает 126 страниц. Он снабжен кратким предисловием и несколькими примечаниями и может быть издан в таком виде[72].

Остальные материалы по персидской литературе, сохранившиеся в бумагах Жуковского, неотделимы от материалов по суфизму, для изучения которого он так много сделал, опубликовав важнейшие памятники суфийской литературы.

«Главным предметом занятий В. А., со времени его первого путешествия в Персию до конца жизни, была религиозная жизнь персидского народа в прошлом и настоящем, но и в этом отношении опубликованное им в печати составляет только часть задуманного, отчасти даже обещанного», — писал В. В. Бартольд в некрологе «Памяти В. А. Жуковского». Из таких неизданных работ Бартольд упоминает, в частности, доклад, прочитанный Жуковским 8 ноября 1896 г. на заседании Восточного отделения Русского археологического общества, в котором он «дал необыкновенно яркий, художественно очерченный образ

[69] В. Р. Розен, *Персидский извод повести о Варлааме и Иосафе* (ЗВОРАО, т. III, вып. 1—2, 1889, стр. 273—276).

[70] С. Ф. Ольденбург, *Персидский извод повести о Варлааме и Иосафе* (ЗВОРАО, т. IV, вып. 1—2, 1890, стр. 229—265); описание рукописи см.: Ch. Rieu, *Supplement to the catalogue of the persian manuscripts in the British Museum*. London, 1895, № 380, p. 238.

[71] Мохаммед Бакир ибн Мохаммед Таки Маджлиси, *Айн ал-хайат*, Тегеран, 1240 г. х. (185/26), 268 листов.

[72] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 4/426—47. — Жуковский сделал доклад «О персидском лубочном издании повести о Варлааме и Иосафе», но текст доклада не сохранился в архиве (см.: ЗВОРАО, т. XVII, вып. 4, 1907, стр. XXXI—XXXII).

одного из главных хорасанских суфиев XI в., шейха Абу Са'ида Мейхенейского»[73].

В архиве Жуковского сохранился черновик этого доклада[74] на шести страницах большого формата, к которому приложено подробное описание гробницы Абу Са'ида в Мехне на четырех страницах такого же формата. Кроме того, в архиве имеется перевод первой главы из «Асрар ат-Таухид...», озаглавленный Жуковским «Начало жизни нашего шейха Абу Са'ида бен-Аби-л-Хейра»[75] и соответствующий страницам 12—45 и 85—96 изданного текста[76]. Сохранились также выписки об Абу Са'иде, его наставниках, соратниках и учениках, о суфийских терминах и т. п., сделанные Жуковским из различных персидских рукописей и изданий[77].

К житиям суфийских старцев примыкают материалы о мусульманских подвижницах, собранные Жуковским по арабским и персидским источникам; всего в архиве имеются тринадцать составленных Жуковским биографий деятельниц суфизма[78].

Сохранились также материалы, на основании которых Жуковский сделал 16 ноября 1899 г. упомянутый В. В. Бартольдом[79] доклад «Беседы с дервишами современной Персии». Они состоят из заметок о различных дервишских толках: ни'матуллахи, увейси, рафаи, хаксар и др.[80]. Материалы эти были собраны Жуковским в основном во время его второй поездки в Иран в 1899 г. Так, 25 июля он писал Розену из Зергендэ: «Беседами с дервишами, которые будут продолжаться и в городе, я очень доволен. Мне перепадает довольно много характерного материала, который свидетельствует о полном вырождении дервишизма...»[81].

Некоторые материалы о дервишах были, однако, получены Жуковским раньше. Так, А. Р. Барановский прислал ему из Исфагана рукопись с изложением учения дервишского ордена хаксар «Рисала-йи хаксар»[82].

---

[73] ЗВОРАО, т. XXV, вып. 1—4, 1921, стр. 407—408.

[74] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 1/426—9.

[75] Там же, № 4/426—44.

[76] «Тайны единения с Богом в подвигах старца Абу Са'ида. Толкование на четверостишия Абу Са'ида. Персидские тексты», СПб., 1899.

[77] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 2/426—25, 8/427—87, 8/427—89.

[78] Там же, № 1/426—16.

[79] ЗВОРАО, т. XXV, вып. 1—4, 1921, стр. 408.

[80] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 8/427—88.

[81] Архив АН СССР. ф. 777, оп. 2, № 167, письмо 9.

[82] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 2/426—36. — В Архиве ИВ АН СССР, в фонде В. А. Иванова (ф. 19, оп. 1, № 5/924), хранятся

Направляя Жуковскому в числе других сочинений эту рукопись, Барановский писал: «Наконец-то могу переслать Вам давно обещанные рисале, — быть может, они будут Вам интересны. Они в сущности вписаны были в маленькую книжку, причем в большом беспорядке, так что переписчику пришлось ныне не только переписать текст, но и внести в оный некоторый порядок — боюсь, что он внес тут немало отсебятины» [83].

Жуковскому не удалось выпустить в свет обещанную им еще в 1895 г. [84] монографию о жизни и творчестве видного поэта и суфийского деятеля Абдаллаха Ансари (1006—1088). Однако материалы, сохранившиеся в архиве, свидетельствуют о большой работе, проведенной им по изучению произведений поэта. Так, в архиве имеются две копии, сделанные Жуковским с рукописей «Мунаджат» (молитвенных воззваний) Ансари, написанных блестящей художественной прозой, пересыпанной стихами, причем одна копия сверена с тремя списками сочинения [85]. По этой копии Жуковский сделал перевод «Мунаджат» [86].

Наибольший интерес из материалов по Ансари представляют два списка (черновой и переписанный набело) его четверостиший, составленных Жуковским по многим рукописям и изданиям [87]. Всего он собрал 124 четверостишия Ансари, причем некоторые из них снабдил переводами и примечаниями, указывающими на наличие данного стихотворения в диванах других поэтов (Аттара, Хафиза, Руми, Хайяма и др.).

Имеется в архиве и жизнеописание («Нур ал-улум») муршида и наставника Абдаллаха Ансари, шейха Абу-л-Хасана

еще две рукописи رسالهٔ خاکسار. Первая из них приобретена В. И. Ивановым в Бирдженде (Иран) в 1913 г. и написана «дервишем Гулшен-Али-Шахом в гор. Бирдженде осенью 1912 г. со списка, имевшегося у него, с печатями его муршида и других лиц» (запись В. А. Иванова на л. 1а рукописи). Указанный трактат занимает стр. 1—125 рукописи (на стр. 125—246 находится «Рисала-йи ниʻматуллахи»). Второй список «Рисала-йи хаксар» переписан В. А. Ивановым с неуказанного источника, содержит 375 стр. (187 л.), переписка окончена 11.X.1914 г. в Ширазе. По содержанию списки отличаются друг от друга.

[83] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 23/29—252, письмо от 5 января 1903 г. См. также письма Барановского от 26.X.1902 г. и 14.XII.1902 г. из Исфагана (там же).

[84] В. А. Жуковский, *Песни Хератского старца* («Восточные заметки», СПб., 1895, стр. 113).

[85] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 2/426—22 и 23.

[86] Там же, № 4/426—61.

[87] Там же, № 2/26—38, № 8/427—846. — К сожалению, нам не удалось установить, какие именно рукописи использованы Жуковским, так как они обозначены только сиглами (А, Б, В и т. п.).

Харакани, которое Жуковский готовил к печати. Эта работа была продолжена Е. Э. Бертельсом, который опубликовал текст и свой перевод «Нур ал-улум», снабдив их введением и комментарием. Описание хранящихся в архиве материалов Жуковского о Харакани [88] дано в работе Бертельса [89].

Чрезвычайно интересны хранящиеся в архиве материалы о творчестве одного из популярных классических поэтов Ирана Баба Тахира Хамадани (XI в.). Жуковский заинтересовался им еще во время своей первой поездки в Иран. Он сообщал Розену 15 февраля 1884 г., что переписал «четверостишия Баба Тагира Гамаданского в наречии лурийском» [90]. Список состоит из 57 четверостиший [91].

В 1888 г., критикуя издание четверостиший Баба Тахира, выпущенное Хюарсом [92], Жуковский писал: «Не могу не заметить, что самое издание текста четверостиший Баба Тахира, предпринятое с филологической целью, сделано несколько поспешно и без надлежащей осторожности. Баба Тахир, если можно так выразиться, диалектологический поэт Персии. Мазендеранец, курд, бахтияр, седеец и др. считают его своим национальным поэтом, причем каждый, конечно, читает его по-своему.

Он, кроме того, народный и любимый поэт обыкновенных персов... Благодаря этому новейшие списки четверостиший и большое количество их литографий... с массою вариантов не отвечают требованиям филологии: нужно отыскать древнейший, если не современный список Баба Тахира, или же составить текст путем самого тщательного сравнения возможно большего количества списков» [93].

Однако все попытки Жуковского достать древний и надежный список стихов Баба Тахира не увенчались успехом [94], и ему пришлось приступить к составлению текста по имевшимся

---

[88] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 17/754—208.

[89] Е. Э. Бертельс, *Нур ал-улум. Жизнеописание шейха Абу-л-Хасана Харакани* («Иран», вып. III, Л., 1929, стр. 155—224).

[90] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 163, письмо 1.

[91] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 2/436—18.

[92] Cl. Huart, *Les quatrains de Bâbâ Tahir Uryân, en pehlevi musulman* («Journal asiatique», 8 ser., t. VI, 1885, p. 502—545).

[93] В. А. Жуковский, *Материалы для изучения персидских наречий*, ч. I, СПб., 1888, стр. V—VI, прим. 4.

[94] Письма Н. З. Бравина, А. Р. Барановского и др. в Архиве ИВ АН СССР содержат указания на то, что Жуковский неоднократно просил их добыть для него рукописи стихов Баба Тахира; не удалось Жуковскому достать их и во время его второй поездки в Иран в 1899 г. (см.: В. А. Жуковский, *Кое-что о Баба Тахире Голыше* (ЗВОРАО, т. XIII, вып. 4, 1901, стр. 0106).

в его распоряжении сравнительно новым рукописям [95] и опубликованным произведениям поэта.

Жуковский привлек не менее пятнадцати источников, из которых удалось установить далеко не все, так как рукописи и издания, привлеченные к работе, обозначены Жуковским сиглами без расшифровки их [96].

В результате кропотливой работы он собрал 279 четверостиший, приписываемых Баба Тахиру, причем 262 из них перевел. Каждое четверостишие Жуковский выписал на отдельном листе и снабдил указаниями разночтений (рис. 2); к некоторым четверостишиям он составил примечания [97].

Кроме четверостиший Баба Тахира, в архиве имеются: описание могилы поэта, присланное Жуковскому из Хамадана консулом Д. Д. Беляевым в 1903 г., выписки биографического характера о Баба Тахире, сделанные для Жуковского П. Мелиоранским в рукописных хранилищах Вены, Берлина и Парижа, и список 46 четверостиший Баба Тахира, присланный Жуковским из Ирана в 1908 г. [98].

Материалы о Баба Тахире и особенно составленный Жуковским текст четверостиший с разночтениями представляют особую ценность, так как до сих пор еще не вышло критического издания стихов поэта [99].

Как известно, в последние дни своей жизни Жуковский работал над стихами видного суфийского поэта Баба Кухи Ширази (XI в.). В архиве сохранился составленный им список текста стихов Баба Кухи (всего 284 стихотворения), над которым и застала его смерть (рис. 3) [100].

---

[95] В собрании ИВ АН СССР имеются три рукописных сборника, в которых содержатся стихи Баба Тахира: А 67 (переписан в 1789—1790 гг.) — 35 робаи (наличие стихов Баба Тахира в этой рукописи установлено О. Ф. Акимушкиным); А98 (без даты) — 59 робаи; В1210 (без даты) — 96 робаи (использован Жуковским). Описание В1210 см.: V. Rosen. *Les manuscripts persans de l'Institute des langues orientales*, vol. III, SPb., 1886, p. 281, № 99.

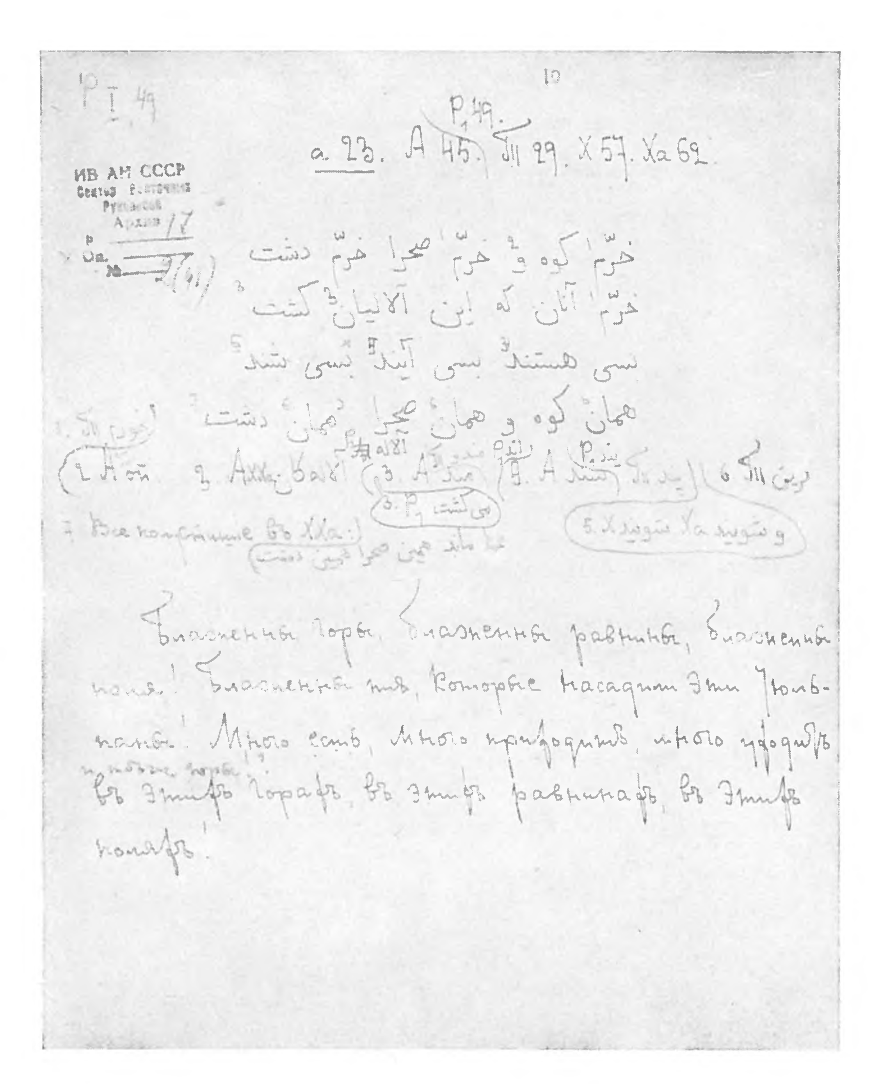
[96] Жуковский использовал также хранящиеся сейчас в собрании ЛГУ рукописи № 372 и № 934; на л. 182 текста Жуковского есть указание: «привлечена рукопись В. Ф. Минорского».

[97] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 2/426—41.

[98] Там же, № 9/427—103.

[99] Издание В. Дастгерди: بابا طاهر، رباعیات، تهران، امیرکبیر، چاپ دوم، ۱۳۳٤ ه٠ش. не снабжено указанием разночтений и не может считаться критическим.

[100] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 2/426—39. — Подробнее см. статью А. Т. Тагирджанова «„Диван“ Баба Кухи в исследованиях В. А. Жуковского» в этом же сборнике.

خرم کوه و خرم صحرا خرم دشت
خرم آنان که این آلایان کشت
بسی هستند بسی آیند بسی شند
همان کوه و همان صحرا همان دشت

Блаженны горы, блаженны равнины, блаженны поля! Блаженны тѣ, которые насадили эти тюльпаны! Много есть, много приходитъ, много уходитъ въ этихъ горахъ, въ этихъ равнинахъ, въ этихъ поляхъ!

Рис. 2. Текст и перевод стихотворения Баба Тахира *(Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 2/41, л. 10)*

3 Заказ № 2197

V

В архиве сохранилось немало бумаг и документов, связанных с деятельностью Жуковского на посту декана Факультета восточных языков Петербургского университета и директора Учебного отделения восточных языков Министерства иностранных дел. Наиболее интересен из них «Очерк постановки практического востоковедения в западноевропейских государствах и России, истории возникновения Учебного отделения и обзор его 84-летнего существования» (47 машинописных страниц) [101].

В конце 1907 г. специальная комиссия Министерства иностранных дел разбирала вопрос об упразднении Учебного отделения восточных языков «для осуществления значительной экономии... в средствах» [102]. Жуковский, присутствовавший на заседаниях этой комиссии, категорически возражал против такого решения, и ему было поручено составить записку с обоснованием целесообразности существования отделения, в результате чего и появился этот «Очерк». В первой части его Жуковский освещает постановку востоковедного образования в Англии, Австрии, Германии и Франции, рассматривает программы крупнейших востоковедных учебных заведений этих стран, их штаты, библиотеки и т. п. Во второй части говорится об истории создания Учебного отделения восточных языков, от первого проекта организации «Школы восточных языков при МИД» с собственной библиотекой и типографией, поданного в 1821 г. профессорами Петербургского университета Деманжем и Шармуа, и до «Высочайшего указа об учреждении при Азиатском департаменте МИД Учебного отделения для восточных языков», опубликованного 29 мая 1823 г. В третьей части Жуковский подробно разбирает программы Учебного отделения восточных языков, останавливается на истории библиотеки и собрания восточных рукописей и монет отделения и подчеркивает большую роль, которую сыграли в истории русского востоковедения такие выпускники Учебного отделения, как А. Ходзько (1828), А. Жаба (1828), В. Григорьев (1836), П. Савельев (1836), М. Гамазов (1889), А. Мельников (1854), Ф. Бакулин (1865) и многие другие [103]. В заключение Жуковский отмечает необходимость дальнейшего улучшения качества преподавания в Учебном отделении восточных языков с целью выпуска еще более квалифицированных специалистов и предлагает проект необходимых для этого мероприятий.

---

[101] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 12/427—178.

[102] «Протокол заседания комиссии» (там же, № 12/427—177).

[103] В скобках указаны годы окончания Учебного отделения.

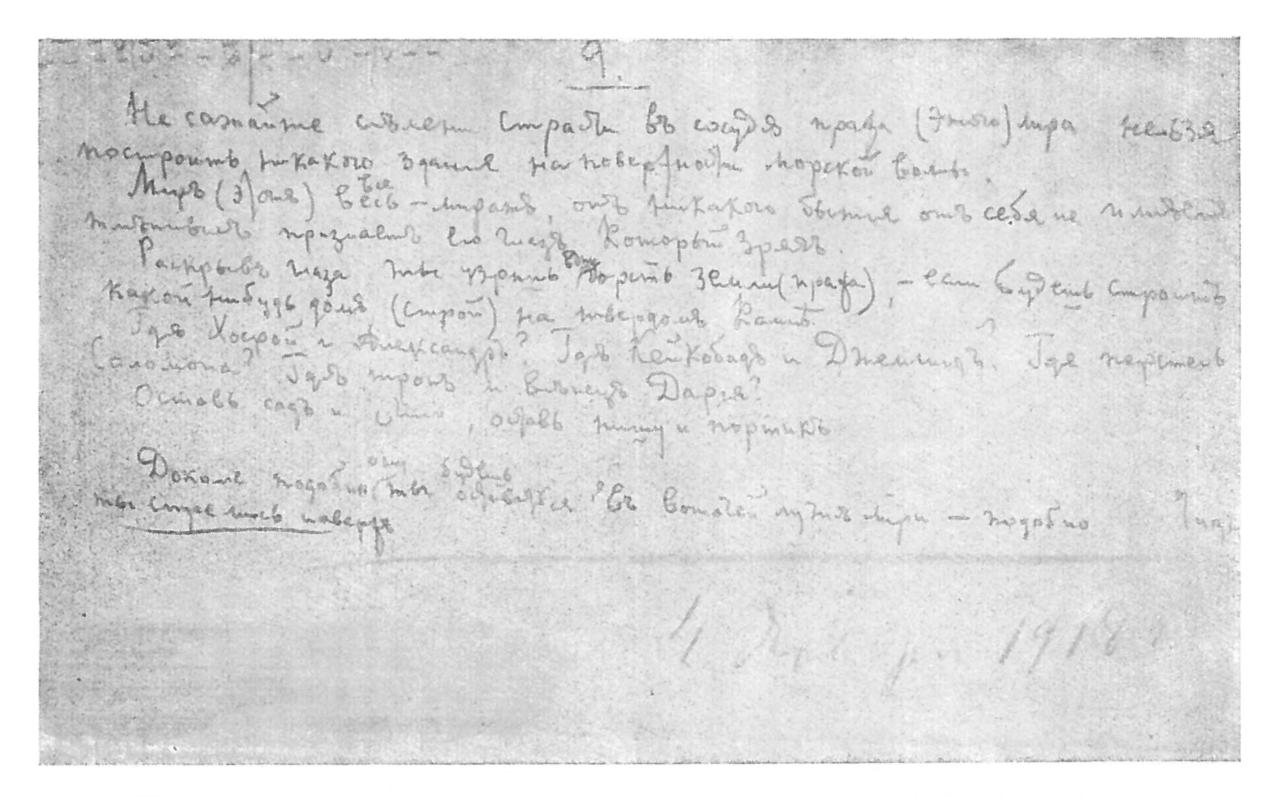

Рис. 3. Текст и перевод стихотворения Баба Кухи, над которым застала В. А. Жуковского смерть. Надпись «4 января 1918 г.» сделана акад. В. В. Бартольдом в день смерти В. А. Жуковского

Деловые бумаги Жуковского, сохранившиеся в его архиве, свидетельствуют о том, что он отдавал много времени и энергии административным обязанностям, к которым привык относиться с исключительной добросовестностью. Этим обстоятельством в значительной мере объясняется то вынужденное «научное молчание» Жуковского, в котором его иногда обвиняли.

В заключение следует отметить, что в настоящем обзоре не упомянуты материалы по археологии и диалектологии, описания рукописей, бумаги и документы из раздела «Разное». Объясняется это тем, что подавляющее большинство материалов по археологии и диалектологии было уже опубликовано. Остальные же представляют собой выписки и заметки подсобного характера. Описания рукописей, поступивших в Учебное отделение восточных языков Министерства иностранных дел после 1897 г.[104], послужили Жуковскому материалом для доклада 28 февраля 1908 г. в ВОРАО[105], но не были им закончены[106].

Приложение № 1

«ОТЧЕТ О ПРЕБЫВАНИИ В ПЕРСИИ» В. А. ЖУКОВСКОГО

«Первое истекшее полугодие моего пребывания в Персии было временем подготовительных работ. Исходя из того положения, что успешность моих занятий всецело зависит от свободы владения персидским разговорным языком, я счел для себя обязательным в первое время исключительное внимание обратить на этот предмет, насколько это от меня зависело и было в моих средствах. С приглашенным мною ученым туземцем проводил я ежедневно, начиная с октября месяца, от трех до пяти часов в беседе по поводу читаемых под его руководством сочинений, стараясь время от времени касаться и других вопросов, чтобы по возможности всесторонне обнимать разговорную речь, не приучая языка и уха к более или менее однообразным оборотам. Чтения наши начались с منطق الطير Феридэддин Аттара по тексту, изданному в 1857 г. в Париже Garcin de Tassy[107], причем я самым тщательным образом следил за им же сделан-

[104] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 3/426—42 и 43.

[105] ЗВОРАО, т. XIX, вып. 4, 1910, стр. VII.

[106] Описания эти следует учесть при составлении каталогов мусульманских рукописей ИВ АН СССР, работа над которыми сейчас ведется.

[107] Фарид эд-Дин Аттар (умер в 1222 или 1230 г.) — поэт и автор сборника биографий выдающихся суфиев. Имеются в виду издания: Garcin de Tassy, *Mantic uttair ou le langage des oiseaux... par Fariduddin Attar, publié en persan par...*, Paris, 1857; Garcin de Taccy, *Mantic uttair ou le langage des oiseaux, poème de philosophie réligieuse, traduit du persan...*, Paris, 1863.

ным переводом (1863 г.), сопоставляя таким образом понимание текста европейским ученым с толкованием туземца: сколько промахов, ошибок, сколько хитроумных выдумок и сплетений там, где так ясен и прост смысл целых стихов и отдельных выражений!

Затем я перешел к логике и грамматике. И та и другая была мною усвоена по учебникам, принятым во всех медресэ персидских, в частности по كتاب المرسوم بالكبرى فى دقايق علم المنطق соч. Мир Сейид Шерифа [108] и по كتاب شرح الأنموزج, которые составляют только часть книги, известной под названием جامع المقدمات Заключая в себе: كتاب الامثله، كتاب شرح الامثله، كتاب صرف مير، كتاب التصريف، كتاب عوامل جرجانى، كتاب شرح العوامل، كتاب عوامل ملا محسن، كتاب عوامل منظومى، كتاب شرح الانموزج، كتاب الصمدية، كتاب شرح التصريف، كتاب الكبرى، كتاب اداب المتعلمين، كتاب الهداية،

сборник этот составляет, так сказать, насущную пищу каждого талиба, в продолжение 1—1,5 года: он штудируется самым бессовестным образом от первой страницы до последней, задалбливается до такой степени, что истинный студент в стенах медресэ не станет с вами вести беседы о предметах, изложенных в جامع, иначе, как словами того же جامع.

Покончив на время счеты с грамматикой, я вновь обратился к поэзии и взялся за диван Насири-Хосрова Аляви (ум. в 534 г.), часть которого издана в Тавризе в 1270 г., а два отдельных труда روشنائى نامه и سفر نامه в Европе Шефером [109]. По существу

[108] Мир Сайид Шариф Джурджани [ум. в 816 г. х. (1413/14)]. Его многочисленные труды, написанные большей частью по-арабски, стали наиболее популярными учебниками в мусульманских медресе.

[109] Насир-и Хосров Алави Кубадийани (ум. после 1075 г.) — поэт, философ, исмаилит [Ch. Schéfer, *Sefer Nameh. Relation du voyage de Nassiri Khisrau en Syrie, en Palestine, en Egypte, en Arabie et en Perse, pendant les années de l'hegire 437—444 (1035—1042)*, Paris, 1881 (Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes, 11-éme serie, 1)]. Новые издания:

ناصر خسرو، سفر نامه، بتصحيح دبير سياقى، زوار، تهران، ۱۳۳۰، ص ۱۰۱+۲۹

ناصر خسرو، سفر نامه مقدمه بقلم على قويم، تهران، ۱۳۳۰. ۱۱۲،

русский перевод: Насир-и Хусрау, *Сафар-намэ. Книга путешествия.* Перевод и вступительная статья Е. Э. Бертельса, М.—Л., 1933, 206 стр. Издание дивана:

ديوان اشعار حكيم ابو معين حميد الدين ناصر بن خسرو قباديانى، مقدمه بقلم سيد حسن تقى زاده و تعليقات بقلم على اكبر دهخدا، تهران، ۱۳۰۷

(текст Рушнайи-наме включен в это издание).

своему моралист, философ и богослов, он в некоторых местах представляется крайне загадочным благодаря смелости в мыслях и выражениях, мало чем уступающих избранным перлам Омара Хайяма. К моему глубокому сожалению, я должен был скоро оставить его диван... полный идиотизмов (т. е. идиоматических выражений. — *Ю. Б.*) и слов, на которые подчас не дают никакого удовлетворяющего значения имеющиеся персидские лексиконы. Что касается вопроса о сличении манускриптов, то здесь его нужно поднимать с большой осторожностью. Правда, иногда случайно можно напасть на желаемую рукопись в руках китабфуруша [110] или другого лица, которые за незначительное вознаграждение охотно дадут ее на подержание, но воспользоваться для занятий книгой чьей-либо библиотеки весьма трудно. Доступ в них фля ференги [111] окончательно закрыт; еще можно добиться при рекомендации и настоятельных просьбах влиятельных лиц, — человек же, который во всех мелочах предоставлен самому себе, кроме любезного отказа, ничего не встретит. Благодаря этому обстоятельству пишущий эти строки до сих пор питается слухами о библиотеках разных величин и достоинств, не имея возможности посмотреть на все сокровища этих книгохранилищ собственными глазами. Я не теряю, однако, надежды и при моих единичных стараниях проникнуть в китабханэ при мечети, строящейся в настоящее время в Тегеране на средства покойного сипехсалара Мирзы Хусейн-хана [112]. Коллекцию, как мне говорили, в 8000 рукописей он составил главным образом из книг покойного И'тизад ус-Салтанэ Али Кули-мирзы [113], млад-

[110] Книгопродавец.

[111] Европеец.

[112] Хаджи Мирза Хосейн-хан Казвини Мошир од-Доуле, впоследствии — сепахсалар-и азам.

В 1267 г. х. (1850/51) был назначен премьер-министром Мирза Таки-ханом Амир-и кабир торговым представителем в Бомбее; в 1271 г. х. (1854/55) Мирза Хосейн-хан—генеральный консул в Тифлисе; в 1275 г. х. (1858/59) — иранский посол в Стамбуле; в 1288 г. х. (1871/72) получил титул сепахсалар-и азам и назначен премьер-министром. После смещения был последовательно министром иностранных дел, губернатором Казвина, губернатором Хорасана и Сеистана. Умер в Мешхеде 21 зу-ль-хиджа 1298 г. х. (14 ноября 1881 г.).

См. воспоминания Мохаммед Хасан-хана Этемад ос-Салтане (см. о нем ниже, прим. 116), частично опубликованные у محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، جلد سوم، تهران، ۱۳۳۵، ص ۷۹۶

[113] Али-Кули-мирза ибн Аббас-мирза ибн Фатх Али-шах Этезад ос-Салтане. В 1272 г. х. (1855/56) возглавил вновь созданное министерство наук, руководил известным «Дарольфонун», издавал несколько правительственных газет в Тегеране; автор и переводчик ряда трудов (умер в 1881 г.), см. о нем: C. A. Storey, *Persian literature. A bio-bibliographical survey*, vol. I, sec. II, fasc. 2, London, 1936, p. 238.

шего сына Фетх Али-шаха. Незначительная часть перешла к его наследникам, в частности к Абдус-Семед-мирзе, женатому на дочери царевича, часть, по обыкновению Востока, была неизвестно кем расхищена, остальные же книги купил сипехсалар за 15 000 туманов и, прибавив к ним манускрипты, приобретенные от других лиц, составил таким образом драгоценную библиотеку для колоссальной мечети. В настоящее время книги покоятся в мешках в ожидании окончания постройки. Брат сипехсалара, министр юстиции Мушир эд-Доулэ (Яхья-хан) [114], заведующий постройкой мечети и имуществом Мирзы Хусейн-хана, замечательно внимательный ко мне и предупредительный, обещал мне показать библиотеку [115] и даже разрешил в ней заниматься.

Не столь драгоценной, как библиотека сипехсалара, но во всяком случае заслуживающей внимания является китабханэ Сани уд-Доулэ... [который именуется] «везирем изданий и собственного Его Величества драгоманата» [116].

Всякий, желающий пустить книгу в обращение, обязан представить упомянутому везирю два экземпляра ее и уплатить 2 крана (около 70 к. с.) независимо от ее содержания, объема и числа напечатанных экземпляров, за исключением тех случаев, когда напечатанная книга будет Кораном, который оплачивается

---

[114] Яхья-хан Мошир од-Доуле, младший брат сепахсалара. Был губернатором Гиляна и Мазендерана, затем Фарса с 1885 по 1887 г. Был министром иностранных дел, потом министром юстиции. Умер в январе 1892 г.

[115] О библиотеке сепахсалара см.: ابن یوسف شیرازی، فهرست کتابخانهٔ مدرسهٔ عالی سپهسالار، جلد اول، تهران، ۱۳۱۵.

[116] Мохаммед Хасан-хан Сани од-Доуле, впоследствии Этемад ос-Салтане. В. А. Жуковский посвятил ему некролог (ЗВОРАО, т. X, вып. 1—4, 1897, стр. 187—191). В настоящее время опубликованы новые материалы о биографии и трудах Мохаммед Хасан-хана; см.: محمد علی خان تربیت دانشمندان آذربایجان، ۱۳۱۴. Биография и список трудов Мохаммед Хасан-хана в указанном сочинении полностью перепечатаны в «Истории иранской прессы», где есть дополнительные сведения об участии Мохаммед Хасан-хана в организации цензуры в Иране и о газетах, которые он издавал (см.: محمد صدر هاشمی، تاریخ جرائد و مجلات ایران، جلد اول، اصفهان، ۱۳۳۷، ص ۳۱۲—۳۱۱، و بعضی دیگر)

О некоторых источниках историко-географических сочинений Мохаммед Хасан-хана см. статью Иредж Афшара «Список рукописей библиотеки Министерства финансов» в журнале فرهنگ ایران زمین، جلد هفتم، شماره یکم، تهران، ۱۳۳۷، ص ۳۷—۵۰.

Имеющие большое историческое значение дневники Мохаммед Хасан-хана за 1880—1896 гг. хранятся в Мешхедской библиотеке. До сих пор из них опубликованы лишь отдельные выдержки (см. примечание 112).

теми же двумя экземплярами, но уже тремя (3) туманами. После этого на книгу накладывается печать с изображением Льва и Солнца и словами ملاحظه شد («рассмотрено»), которая, так сказать, разрешает книгу, но отнюдь не гарантирует ее от изъятия из обращения.

Побор натурою дал возможность Сани уд-Доулэ составить очень порядочную библиотеку печатных книг, не говоря о рукописях, которые он тщательно собирает через своих агентов.

Предоставляя себе уведомить Факультет о рукописях названных библиотек своевременно, я теперь препровождаю список новейших персидских литографий. Считаю нужным заметить, что в него не вошли издания, указанные Дорном в его «Catalogue des ouvrages arabes, persans et turcs, publiés à Constantinople, en Egypt et en Perse, qui se trouvent au Musée Asiatique de l'Academie», St. Petersbourg, 1866, а также литографии, которыми обладает библиотека нашего университета. Я не ограничился в списке исключительно персидскими, т. е. тегеранскими и тавризскими (остальные города, в том числе и Исфаган, нельзя брать в расчет, потому что в них книгопечатного дела совсем нет никакого) [117], но включил в него и индийские издания (бомбейские), потому, во-первых, что они составляют весьма значительный процент в здешних книжных лавках, а во-вторых, потому, что Индия по преимуществу издает диваны персидских поэтов в полном объеме, а не в извлечениях; наконец, бомбейские издания как по наружной чистоте, так и по исправности текста стоят неизмеримо выше тегеранских и тавризских [118].

В списке моем есть отдел «литературы сказочной и детской» بچه خوانی ا, на который я должен обратить внимание. В первоначальных персидских училищах مکتب خانه обучаются по преимуществу дети мужского пола, и только в некоторых можно встретить девочек; но они долго не остаются: достигших десятилетнего возраста родители спешат взять под свое крыло. Главная цель — обучение чтению и письму. Всюду принятым и распро-

---

[117] В период пребывания В. А. Жуковского в Исфагане, Ширазе и других городах Ирана время от времени издавались газеты и выпускались некоторые книги, но они редко поступали на центральные книжные рынки, и ввиду полного отсутствия библиографии следить за ними было крайне трудно (см. упомянутую выше работу Садр-и Хашими).

[118] Это утверждение В. А. Жуковского может быть принято лишь с известными оговорками. Часто индийские литографии персидских сочинений, в особенности диваны классических поэтов, изобилуют ошибками в тексте; как правило, ранние табризские и тегеранские литографии гораздо выше индийских по качеству текста.

страненным учебником служит иначе называемый پنج الحمد. Это один из тридцати джузвов Корана — последний, содержащий все коротенькие суры. В начале приложен «алифба». Прочтя эту книжонку, мальчик получает Коран, который и поглощает с самого начала, поглощает в смысле простого чтения, потому что содержимое остается непонятным. После того переходят к чтению книг легкого удобопонятного содержания, вроде, например, موش و گربه соч. Убейда Заканского (Закан — деревня недалеко от Казвина)[119]. Эта побасенка пользуется большой популярностью, и редко можно встретить ребенка, женщину, мужчину, которые не помнили бы из нее стихов. Можно не знать многого и очень важного, но не знать موش و گربه — стыдно и непозволительно! Курс чтения подобного рода книг растягивается на 3—4 года, после чего имеющие возможность продолжать дальнейшее образование переходят в медресэ, прочие же берутся за какое-нибудь ремесло, иногда становятся мирзами и пр. Таким образом, исключительно соками этой «детской» литературы питается значительная часть персидского населения[120]. Изданий, вроде перечисленных у меня в разделе بچه خوانی, весьма много, и все они общедоступны по цене: очень редко книга стоит 1 кран (35 к.), — большею частью цена не превышает 3,5... 10 шай (1 шай около 2 к.)».

---

[119] Убайд Закани (ум. в 1370—1371 г.) — поэт и сатирик. Избранные произведения его изданы Ферте: منتخب لطایف نظام الدین مولانا عبید زاکانی، اسلامبول، ۱۳۰۳، ص ۱۲۹.

Кулийат издан в Иране: عبید زاکانی، کلیات: قسم اول—غزلیات و قصائد بتصحیح عباس اقبال قسم دوم — لطایف (часть II — перепечатка указанного выше издания), изд. 3. Тегеран, 1334 г. х., 176+113 стр.; последнее издание «Мыши и кота» عبید زاکانی، موش و گربه، بتصحیح زبیح بهروز و مقدمه دکتر محسن صبا، تهران، انجمن دوستداران کتاب، ۱۳۳۰، ص ۲۵ (20 иллюстраций).

[120] Детская и сказочная литература, о которой здесь пишет Жуковский, до сих пор пользуется огромной популярностью в Иране, и замечание Жуковского остается в силе и в настоящее время. Так, например, библиографический журнал «Китабха-йи мах» (کتابهای ماه), орган тегеранских книгопродавцов, сообщает (год издания второй, №1, 1337 г. х., солн., стр. 15): «Такие персидские легенды и сказки, как «Хосейн-и курд», «Амир-и Арслан», «Муш ва гурба»... всегда пользуются спросом, и до настоящего времени каждая из упомянутых книг переиздавалась тысячи раз».

Приложение № 2

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА ОТ 9 ИЮЛЯ 1827 г. БАРТЕЛЕМИ СЕМИНО К ЛУИЗЕ ДЕ ЛА МАРИНЬЕР[121]

Перевод с французского В. А. Жуковского

«Я попробую дать Вам представление о том, что́ такое персидский лагерь. В центре помещается палатка государя, выше всех других; на верхушках трех столбов, которые ее поддерживают, находятся три золоченых вымпела. Эта громадная палатка внутри разделяется на несколько отделений и окружена в виде квадрата оградой из разрисованного холста... Снаружи он выкрашен в красный цвет, а внутри изображены сарбазы в натуральную величину... За этим громадным четырехугольником, заключающим все палатки, принадлежащие лично государю, расположены все прочие палатки принцев царской фамилии, министров и других важных особ двора, из которых каждый, смотря по благосостоянию или рангу, имеет более или менее обширную палатку белого, красного или голубого цвета; они поставлены там и сям, без всякого порядка и прямой линии, так что в лагере нет ни большой, ни малой улицы и нужно делать повороты и изгибы, чтобы из одной квартиры попасть в другую; нужно избегать веревок, которые тянутся далеко, а иногда миновать и конюшни... расположенные то направо, то налево от палаток их господ, без различия... Кухни здесь находились около конюшни.

Маленькие палатки, в которых помещаются «места для всех», почти всегда примыкают к палаткам их господ; в летние жары они, должно быть, испускают отменное благовоние. Ровики этих мест чаще всего вырыты за маленькою палаткой, так что рискуешь свалиться в них, если бы пришлось пробираться через эти места ночью.

Базары находятся в середине лагеря, а в центре базаров возвышается громадный столб, наверху которого помещается род позолоченного брильного блюдечка, называемого капук: у подножья этого столба выставляются преступники или их головы; туда же бросают головы пленников, которые набивают соломой, если они посылаются издалека.

Было бы бесполезно искать форму в лагере персидской армии: ни круг, ни квадрат, ни какой другой род правильной фигуры не может быть ему уподоблен, в особенности нигде в нем положительно не может встретиться прямая линия...

---

[121] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 4/426—48.

За несколько дней грязи накопляется столько в месте, где персы стоят лагерем, что не знаешь, куда ступить ногой, чтобы не попасть в извержения или не наступить на кишки животных, которых там закалывают и все нечистоты из которых остаются на том же месте... Лагерь всюду, вдоль и поперек одинаково загрязнен: право, днем выпадают часы, когда поднимается такое зловоние, что причиняет головную боль...

Полиция содержится в персидском лагере настолько плохо, что в Хое, хотя там находился сам государь, не проходило ночи без того, чтобы не совершались кражи во всех сторонах лагеря, — и они начинались тотчас, как закатывалось солнце... Всюду слышались крики: одни кричали на вора, другие «держи его, держи его!..»

Англичане, давно уже знающие, что́ такое персидский лагерь, имели предосторожность поставить палатки свои на добрый пушечный выстрел от шахского лагеря. Их лагерь отличается роскошью — красотой их палаток, сделанных в Индии. Вчера я был на завтраке у посланника. Я видел там евнуха из гарема Фатх Али-шаха, который явился от Тадж ад-Доулэ, шахской фаворитки, чтобы попросить несколько бутылок вина Бордо, которое англичане всегда держат в запасе на такие случаи: они извлекают выгоду из всего, что может им доставить влияние при дворе...

Войска шаха, грабившие друг друга в собственном Его Величества лагере, творили еще больше безобразий в деревнях и окружных селениях. Всю эту массу, без рациона и аккуратного жалованья, можно было сравнить с тучею саранчи, с ужасным остервенением в один момент уничтожающей все средства страны, через которую проходит. Но саранча уничтожает только хлеб, находящийся на поверхности земли, между тем как эти привилегированные грабители, захватив все, что только попадало им в руки, рыли, кроме того, во всех деревнях землю, в надежде найти там то, что могли схоронить крестьяне. Опустошив окончательно какое-нибудь селение, вырвав из рук крестьян все, до последнего куска хлеба, они снимали балки, образовывавшие крышу дома, чтобы воспользоваться ими, как топливом для приготовления пилава и т. п.

Когда я спрашивал объяснение у людей, которые казались мне наиболее сведущими... то меня уверяли, что это всего лишь только простой обычай, свойственный персидским войскам в походе: грабить свою же собственную страну по всем дорогам, по которым они проходят.

В Хое я был свидетелем прибытия крестьян, которые шли туда толпами, в лохмотьях, наполовину голые, без обуви, с об-

наженной головой, неся на теле знаки различных увечий, недавно полученных ими от персидских войск, против которых все эти люди и явились искать правосудия у государя. Шах приказал им ответить, что они должны добровольно доставлять средства пропитания своим гостям, которые издалека пожаловали для защиты их страны от неверных.

В другой раз он приказал некоторых из них наказать палками. Это было причиною того, что более жаловаться не являлись. Тогда по всем дорогам, по которым подозревали движение шаха с войсками, несчастные жители как можно скорее покидали свои жилища и уносили с собою все, что только могли, в горы, куда их не преследовали, потому что крестьяне в гористых и скалистых местах защищали скот свой и добро, скатывая камни; но зато, возвращаясь к себе, они вообще принуждены были вновь отстраивать свои дома.

Я беседовал с некоторыми кавалеристами из войск Фатх Али-шаха, чтобы разузнать немного, как они расположены относительно сражений; я сказал, что они скоро будут иметь случай проявить удаль на поле битвы и что, я думаю, они должны все желать, чтобы эта счастливая минута настала возможно скорее. Они отвечали мне почти все, что совсем не желают сражаться, что они, добавили они, не настолько глупы, чтобы выставлять лошадь для потери ноги, — это заставит их 200 миль сделать пешком, чтобы вновь добраться до родных очагов. Они говорили мне, что при начале кампании правительство дало каждому из них только по 10 риалов — сумма, на которую они должны были обзавестись лошадью, вооружиться, экипироваться и оставить на содержание семейству до их возвращения. 10 риалов составляет только от 10 до 15 франков... Можно было наперед судить, в каком дьявольски блестящем положении окажемся мы на поле битвы против войск русских».

М. Н. БОГОЛЮБОВ

В. А. ЖУКОВСКИЙ КАК ЯЗЫКОВЕД[1]

С. Ф. Ольденбург в свое время заметил, что у В. А. Жуковского, «как и у многих русских ученых, было мало учеников»[2]. Иначе представляется сегодня роль В. А. Жуковского как ученого и учителя. В. А. Жуковский вместе с К. Г. Залеманом явился родоначальником петербургской-ленинградской иранистической школы, деятельность которой теперь вышла далеко за пределы научных центров Ленинграда. В диалектологии Ирана В. А. Жуковский первым среди исследователей применил метод планомерного и сплошного в географическом отношении изучения диалектов и говоров. В этом отношении у В. А. Жуковского немало учеников и на родине, и за ее пределами; в частности, широко известны успехи советских ученых в деле диалектологического изучения Таджикистана.

К 80-м годам прошлого века, ко времени первого (1883—1886) путешествия В. А. Жуковского в Иран состояние науки в области диалектологии страны могло считаться достигшим совершенства. Тогдашний письменный персидский язык, казалось, в достаточной мере представлял персидскую речь; в трудах И. Березина, Б. Дорна, А. Жаба, П. Лерха, П. Мельгунова, Ф. Рисса, А. Ходзько, Ф. Юсти был накоплен богатый неперсидский диалектологический материал. Поэтому, когда Факультет восточных языков С.-Петербургского университета, напутствуя В. А. Жуковского перед путешествием, выразил желание, чтобы он «по мере возможности обратил внимание на различные персидские наречия»[3], молодой ученый, как он за-

---

[1] Доложено на объединенном заседании ученых советов Восточного факультета Ленинградского университета и Института востоковедения АН СССР, посвященном 100-летию со дня рождения В. А. Жуковского, 6 мая 1958 г.

[2] С. Ф. Ольденбург, *Валентин Алексеевич Жуковский. 1858—1918. Попытка характеристики деятельности ученого* [«Известия АН», 1918 (1919)], стр. 2040.

[3] В. А. Жуковский, *Материалы для изучения персидских наречий. Часть первая. Диалекты полосы города Кашана: Вонишун, Кохруд, Кешэ, Зэфрэ*, СПб., 1888, стр. I.

метил, сильно усомнился, чтобы в этой области его будущие поиски могли увенчаться успехом [4].

«Мне казалось, — писал В. А. Жуковский, — мало вероятным, чтобы что-нибудь было забыто или не обратило на себя внимание ученых в области наречий, в особенности в тех местах, по которым мне предстояло совершить свою поездку, — от Каспийского моря на юг по большой и самой обыкновенной избитой караванной дороге, на которой города Тегеран, Исфаган и Шираз были намечены мне как пункты более продолжительного пребывания» [5]. Однако результаты диалектологической работы В. А. Жуковского оказались не только неожиданными, они изменили само представление о языковой обстановке в Иране и о задачах диалектологической работы в этой стране. К таким блестящим результатам не привел бы В. А. Жуковского путь поисков новинок для науки. Он достиг их, найдя метод работы, отвечающий задачам науки в области диалектологии Ирана. С трудами В. А. Жуковского стало очевидным, что Иран в языковом отношении представляет, как выразился ученый, «золотое дно, которое много лет еще будет давать неистощимый и вечно новый материал исследователям» [6]. Продолжая исследования, начатые В. А. Жуковским, работали О. Манн, А. Кристенсен, А. А. Ромаскевич, В. Иванов, В. Ф. Минорский, Ю. Н. Марр, Г. Бейли, А. Лембтон и многие другие ученые. В последние годы диалектология привлекла внимание иранских ученых. Материал возрос, яснее стали отдельные вопросы классификации языков и диалектов Ирана. Но метод Жуковского далеко еще не исчерпан.

Применив новый подход к формированию диалектного материала, В. А. Жуковский изменил и систему его обработки. Его предшественники пользовались в переводах, в словарях каким-либо европейским языком, привлекая персидскую лексику литературного языка лишь для сопоставлений по корневому и этимологическому признаку. При сплошной записи, в условиях отсутствия четких представлений о классификационной принадлежности того или иного материала, когда в одной полосе обследования оказывались разнородные в генетическом отношении говоры, диалекты, наречия, каждая запись при прежнем методе подлежала самостоятельной обработке. Пропадала наглядность сопоставлений даже при наличии текста-образца (тогда как «Материалы» содержат в основном ориги-

[4] Там же.
[5] Там же, стр. II.
[6] Там же.

нальные тексты). Лексика терялась в алфавите словников. Мало помогал и обратный указатель, так как словом из какого-либо европейского языка не всегда точно можно передать значение слова из записей. В. А. Жуковский преодолел эти трудности, приняв в качестве языка-посредника живой персидский язык, в котором он отыскивал смысловой эквивалент для слова, формы, выражения из наречия. Персидский эквивалент помещался в заглавие словарной статьи, материал наречия подчинялся ему по лексическому и грамматическому признакам. Так В. А. Жуковским была утверждена рациональная для языковых условий Ирана методика систематизации диалектного материала, чрезвычайно удобная для сравнения генетически разнородных говоров.

Живая таджикско-персидская речь с ее говорами, группирующимися в основные диалекты-языки, охватывает немалую непрерывающуюся территорию, входящую в состав Советского Союза, Афганистана, Ирана. Авторитет литературного «новоперсидского» языка оказался в глазах ученых настолько высоким, что интерес к живой таджикской и персидской речи пришел сравнительно поздно. О некоторых особенностях строя таджикского языка на основании письменного источника впервые в 1861 г. сообщил В. В. Григорьев (1816—1881). Говорная структура таджикского языка теперь уже достаточно хорошо известна благодаря тому исключительному вниманию, которое оказывается диалектологическим работам в нашей стране. О живой таджикско-персидской речи Афганистана и сегодня в науке известно очень мало. Начало изучению живого персидского языка Ирана положил своими трудами В. А. Жуковский. Его «Материалы» и «Образцы» [7] впервые ввели в обиход науки значительное число подлинно народных персидских текстов. В «Очерке грамматических форм», приложенном к первой части «Материалов», в «Грамматике персидского языка» [8] и в «Образцах» также впервые были изложены основы грамматического строя живого персидского языка; лексика в ее современных значениях вошла в словарь при «Материалах» и в глоссарий к «Образцам». С публикацией сведений о живом персидском языке, отличном от «новоперсидского» языка классической литературы, в новом свете предстали и диалектологические проблемы Ирана. Простое соотношение персидский —

[7] *«Образцы персидского народного творчества. Песни певцов-музыкантов, песни свадебные, песни колыбельные, загадки, образцы разного содержания»*, собрал и перевел В. А. Жуковский, СПб., 1902.

[8] К. Г. Залеман и В. А. Жуковский, *Краткая грамматика новоперсидского языка*, СПб., 1890.

неперсидский уступило место большому числу диалектологических задач, среди которых появилась и задача диалектологического изучения персидского языка.

Занятия языком по письменным источникам не увлекали В. А. Жуковского. В предпринимавшихся им изданиях персидских авторов содержатся только небольшие, одинаково составленные сводки языковых особенностей памятника. Но подобно тому как в диалектологической области В. А. Жуковский подошел к объекту исследования с редкостным пониманием очередности задач, подготовленных развитием науки, так и в области изучения литературного языка он посвятил свой труд самому важному: изданию авторского текста произведения. В. А. Жуковский опубликовал памятники, написанные на персидском языке в Хорасане в XI в. Издание критического текста памятников, относящихся к одному кругу, предоставило языковедам достоверный языковый материал, интересный прежде всего в диалектологическом отношении.

До выхода в свет высоко оцененной в науке «Краткой грамматики новоперсидского языка» грамматисты по существу описывали в пособиях поздний литературный стандарт, впитавший в себя основные нормы языка произведений классической литературы. «Грамматика» написана в соавторстве с К. Г. Залеманом; многое в книге восходит к занятиям персидским языком В. Р. Розена, которому в основном обязан своей школой В. А. Жуковский. Важно отметить, что точка зрения авторов была едина. Она и составила новое в науке. Авторы исходили из положения, что новоперсидский литературный язык неодинаков на всем пути его развития и что в задачу грамматик входит — отразить особенности персидского языка по периодам при условии предварительного изучения языка отдельных произведений. «Краткая грамматика новоперсидского языка» сделала упор на язык Фирдоуси и тем положила начало составлению аргументированных грамматик персидского языка.

Труды В. А. Жуковского по диалектологии Ирана в свое время принесли славу отечественной иранистике. Особенно важно отметить, что эти труды не стали лишь вехой или определенным этапом в науке, но оказали прямое и непосредственное воздействие на ее развитие.

В. А. Жуковскому в его диалектологических занятиях сопутствовал успех. Большую помощь оказала ученому его супруга Варвара Александровна Жуковская, которая записывала образцы устного творчества от женщин. Однако залогом успеха прежде всего явилось то высокое уважение, с которым приходил ученый к простым людям Ирана. Вот, как, например, за-

ключил В. А. Жуковский свое вводное слово к «Образцам персидского народного творчества»: «Не могу не упомянуть добрым словом длинную вереницу лиц из персидского простого народа, — лиц самых разнообразных возрастов и положений, которые могут почесться истинными составителями настоящего труда, вносящего в изучение Персии неведомый материал этнографический и литературный. Лица эти не только сообщали нам произведения их ума и сердца, но и многое в них толковали» [9].

[9] Стр. IX.

4 Заказ № 2197

О. И. СМИРНОВА

МЕСТО ТРУДА В. А. ЖУКОВСКОГО «ДРЕВНОСТИ ЗАКАСПИЙСКОГО КРАЯ. РАЗВАЛИНЫ СТАРОГО МЕРВА» В ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ГОРОДОВ

Изучение среднеазиатских городов началось после присоединения Туркестанского края к России. Руководство этой работой взяла в свои руки центральная научная организация — Археологическая комиссия при Русском археологическом обществе. В 1867 г. по ее поручению П. И. Лерх посетил как «запустевшие, так и существующие» города по Сыр-Дарье, побывал в Ходженте и Ура-Тюбе; в 1885 г. Н. И. Веселовский был командирован той же комиссией в долину Зеравшана и Фергану. Он обследовал городища Ахсы (в Фергане) и Афрасиаб (под Самаркандом) и произвел там раскопки. Тогда же был составлен первый топографический план Афрасиабского городища.

Первым мероприятием Археологической комиссии по изучению Закаспийской области была экспедиция В. А. Жуковского в район Мерва в 1890 г. К тому времени уже имелась некоторая литература о старом Мерве, его городищах и прилегающих местностях. Эти сведения принадлежали в основном европейцам, главным образом англичанам, и имели случайный характер. Таковы были одни из первых известий о Мерве (1821) Фрезера, который сам развалин Мерва не видел, а писал о нем со слов местных жителей; сведения о Мерве, сообщенные А. Бернсом и Дж. Абботтом. Наиболее крупным трудом о Мервском районе была работа О'Донована, в которой сравнительно большое место (15 страниц) занимает подробное описание городищ этого района. Однако описания О'Донована несколько фантастичны, как и его исторические экскурсы.

Особняком в этом отношении стоит дорожная карта, которая составлена неизвестным персидским инженером, проехавшим из Мешхеда в Балх через Бухару. Карта дает наглядное представление о развалинах Мерва.

Поручив Жуковскому произвести археологическое исследо-

вание Закаспийской области, Археологическая комиссия предложила ему *на первый раз* сосредоточить свое внимание на тщательном изучении местных развалин и ближайших к ним районов по обоим берегам Мургаба. Кроме того, Археологическая комиссия попросила Жуковского по возможности сделать «планы и фотографические снимки со всех тех памятников древности, которые или в архитектурном отношении, или по орнаментам и надписям обратят на себя внимание...» Таким образом, он должен был заняться систематическим изучением края в археологическом отношении.

В мае 1890 г. Жуковский выехал в Закаспийскую область и пробыл там три месяца.

Вскоре после возвращения из Средней Азии, 28 ноября 1890 г., Жуковский на заседании Восточного отделения Русского археологического общества доложил о проведенных работах [1]. В 1894 г. появилась его книга «Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва», изданная в одном из томов «Материалов по археологии России» [2]. Через два года после выхода книги Жуковский вновь отправился в Закаспийскую область, на этот раз в Нису, Аннау, районы Пештака и Механе. Отчет об этой поездке был сделан на очередном заседании Археологической комиссии. Однако обработку материалов экспедиции Жуковский не закончил.

Жуковский не был археологом и не считал себя им. Поэтому изучение старого Мерва он рассматривал как подготовительную работу к археологическому исследованию города в будущем. Цель и содержание своей работы Жуковский сформулировал следующим образом: «Прежде чем предпринимать в крае раскопки в больших или меньших размерах и углубляться в недра земли, следует позаботиться о том, что уцелело еще на поверхности, — уберечь и сохранить для науки развалины городов и памятников путем снятия рисунков, фотографий, бумажных оттисков с надписями на камнях, планов, сопровождая их простым, но добросовестным описанием и пояснениями; наряду с этим необходимо возможно полное историко-географическое изучение закаспийской старины, имеющее важное значение не только для археологии, но и для современного возрождения края, которому, как кажется, суждена блестящая будущность на нашем Востоке» [3]. Эти замечательные мысли нашли отражение в его работе «Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва».

[1] ЗВОРАО, т. V, вып. 1, 1890, стр. X.

[2] В. А. Жуковский, *Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва*, СПб., 1894.

[3] Там же, стр. 199.

Книга Жуковского представляет собой монографическое исследование истории Мерва. Работе предпослано краткое предисловие, за которым следуют две части: «Исторический очерк Мерва» и «Развалины старого Мерва»; каждая из них имеет самостоятельное значение, вместе с тем они органически связаны между собой. В первой части помещены письменные известия о прошлом Мерва, во второй они сопоставляются с результатом непосредственного обследования памятников на месте.

В первой части Жуковский рассматривает «книжную» (употребляя выражение Н. Я. Марра) историю города и его района. Автор устанавливает три периода в истории Мерва: Мерв — внутренний город (по известиям арабских географов), Мерв при Сельджукидах и Хорезмшахах и Мерв послемонгольский, возрождение которого Жуковский связывает с именем Шахруха. Наконец, он отмечает полный упадок раннесредневекового Мерва и перенесение его при хивинских ханах на новое место. Шаг за шагом Жуковский воссоздает политическую и культурную историю Мерва на различных этапах его существования. В связи со стоящими перед ним задачами ученый основное внимание обращает на изучение письменных известий о топографии города домонгольского времени, о каналах, орошавших городские земли, об ирригационной системе района в целом. Особое внимание он уделяет сообщениям о путях, связывавших Мерв с другими городами Средней Азии и Ирана. Сведения об этих путях интересовали его и как материал, позволяющий судить о заселении оазиса. Данные о Мерве собраны Жуковским с завидной полнотой. Систематизация их безукоризненна. Некоторые материалы впервые введены в научный обиход как источники по истории среднеазиатских городов.

При изложении материала по истории Мерва и в дополнение к своим основным выводам Жуковский высказывает интересные мысли, не потерявшие и по сей день своего значения. К ним следует отнести соображения о взаимозависимости данных о Мерве и его районе в разных по времени источниках, замечания по поводу сообщений арабских авторов относительно налогов и о значении этих известий для суждения о благосостоянии Мерва и занимаемом им месте среди городов Хорасана и Средней Азии. Жуковскому принадлежит также определение Мерва как «естественного базиса, откуда арабы распространяли свое владычество во глубь Туркестана», что было, по мысли ученого, «отчасти связано с местоположением города в самых восточных пределах тогдашнего Хорасана» [4]. Ему же принадлежит замечатель-

[4] Там же, стр. 10.

ная мысль о том, что «с именем Мерва неразрывно связано на первый взгляд ничего особенного не представляющее обстоятельство, на самом же деле имеющее первостепенное значение в последующей духовной жизни Персии: в Мерве из уст мервца впервые после долгого перерыва, вызванного вторжением арабов, зазвучал персидский стих, предвестник близкого возрождения персидской литературы...»[5]. В этом замечании проявился ученый, интересующийся всем комплексом сведений о городе и обращающий внимание на все стороны его жизни.

Вторую часть труда Жуковского, названную им «Развалины старого Мерва», обычно рассматривают как результат археологических изысканий. Однако не следует забывать, что обследование городища, проведенное Жуковским, существенно отличается от современных археологических работ, связанных в нашем представлении с раскопками. Жуковский фактически ограничил себя изучением рельефа городища и памятников, лежащих на поверхности. В этой связи задача по воссозданию истории Мерва, стоявшая перед ним, чрезвычайно осложнилась.

Древний Мерв представлен раскинувшимися на обширной территории тремя городищами, одно из которых в настоящее время вошло в научный обиход под названием «двойного городища», данным ему Жуковским. Два других носили местные названия Гяур-кала и Султан-кала, сохранившиеся за ними и сейчас; одна из частей «двойного городища» была известна у местного населения как Абдулла-хан-кала, а другая — как Байрам Али-хан-кала. Жуковский исследовал местность, составил общий план расположения городищ, изучил их и сопоставил свои наблюдения со сведениями источников. Ему удалось установить тождество Гяур-кала с внутренним городом арабских географов, а Султан-кала — с городом Сельджукидов и Хорезмшахов, окруженным стеной при Мелик-шахе (1072—1092). Изучение городищ Гяур-кала и Султан-кала привело Жуковского к выводу, что перемещение города на запад из Гяур-кала на место современных развалин Султан-кала происходило постепенно и что первое городище было окончательно покинуто только в XII в. По мнению Жуковского, развитие Мерва как города было прервано при Хорезмшахах нашествием монголов, разрушивших его. В дальнейшем город был перенесен на место городищ Абдулла-хан-кала и Байрам Али-хан-кала.

«Двойное городище» отождествляется Жуковским с восстановленным при Шахрухе Мервом. Сопоставив данные письменных источников, Жуковский предположил, что стены второго по

5 Там же.

времени из этих городищ Байрам Али-хан-кала были возведены при Аббас-шахе, т. е. на рубеже XVI и XVII вв. Возрождению города, по мнению Жуковского, способствовал указ Шахруха (1409) о заселении развалин и пустырей Мерва. Связь Байрам Али-хан-кала с Абдулла-хан-кала осталась для исследователя неясной.

Таким образом, Жуковский окончательно установил существование трех городищ старого Мерва и наметил определенную связь между ними, не считая нового, «хивинского» Мерва. Иными словами, ученому впервые в науке удалось проследить развитие одного из крупнейших среднеазиатских городов с VII по XIX в. и определить основные его исторические этапы.

Важными результатами работы Жуковского явились также его наблюдения относительно направления городских каналов. Ему удалось доказать, что древний канал, русло которого сохранилось между городищами Гяур-кала и Султан-кала, тождествен мервскому каналу Разик, упомянутому в источниках; кроме того, он сумел проследить русло древнего канала, носившего, согласно сообщениям арабских авторов, название «Хормуз-фара».

Небезынтересна попытка ученого составить схематическую карту расположения каналов и построек древнего города.

Изучение ирригационной системы района в целом привело Жуковского к важному для историков выводу, что в Мервском оазисе других каналов, кроме выведенных из Мургаба, не было и что, следовательно, оросительная сеть района не была связана с Аму-Дарьей.

Большой заслугой Жуковского является составленное им подробное описание памятников, сопровождаемое фотографиями построек Мерва, его окрестностей и местностей по Мургабу. Кроме того, ученый исследовал надписи на памятниках, издал тексты и их переводы. Один из самых замечательных памятников старины, изученных Жуковским, — постройки времени Сельджукидов.

К книге Жуковского приложены две карты: «Развалины старого Мерва» и «Карта окрестностей Мерва и мест по Мургабу». Первая вычерчена Жуковским на основе топографической съемки Мервского оазиса, произведенной работниками Генерального штаба в 1884 и 1885 гг.; вторая — по карте, составленной разграничительной русско-англо-афганской комиссией [6], и карте, изданной Русским географическим обществом [7].

В результате работ Жуковского исследованные им городища

[6] «Proceedings of the royal geografical society», vol. VII, 1885.

[7] «Известия Императорского Русского географического общества», т. IX, 1886.

и другие памятники Мервского оазиса заняли прочное место на карте района. В настоящее время многих из нанесенных на карту и описанных Жуковским памятников уже нет.

Труд Жуковского «Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва» получил высокую оценку А. Туманского, который в рецензии на него писал: «Наша историческая литература обогатилась таким произведением, которое надолго останется основанием для дальнейшего исследования этого района» [8].

В. Г. Тизенгаузен — историк и нумизмат, назвал работу Жуковского прекрасным образцом систематической и строго научной обработки собранных по предметам материалов. «Задачу свою по отношению к старому Мерву, — отмечал Тизенгаузен, — Жуковский выполнил блестящим образом» [9]. В 1899 г. труд Жуковского был удостоен большой золотой медали.

Некоторые считают, что В. В. Бартольд подверг книгу Жуковского суровой критике. Это неверно. Критические замечания Бартольда фактически явились продолжением работы Жуковского по исторической топографии города. О работе в целом Бартольд отзывался весьма высоко. Так, в 1909 г. Бартольд в статье «К истории Мерва» писал: «Из всех городов Средней Азии и Персии до настоящего времени только один Мерв был предметом подробного историко-географического исследования, основанного на сопоставлении сохранившихся остатков прошлого с письменными известиями об этом прошлом» [10].

Позднее в некрологе «Памяти В. А. Жуковского» Бартольд подчеркивал, что, «кроме подобного описания городищ... В. А. дал нам очерк исторических сведений о Мерве; благодаря этому он имел возможность установить происхождение отдельных городищ, и в этом отношении выводы В. А. не могут быть поколеблены» [11]. Возвращаясь к вопросу об исследовании Закаспийского края в книге «История изучения Востока в Европе и в России», Бартольд упоминал о работе Жуковского как о капитальном труде, «заключающем в себе исследование о прошлом города, какого нет ни для одного из городов Средней Азии или Персии» [12].

---

[8] ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 300.

[9] «Отзыв почетного члена барона В. Г. Тизенгаузена о сочинении проф. В. А. Жуковского „Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва"» (ЗВОРАО, т. XI, вып. 1—4, 1899, стр. 327—333).

[10] В. В. Бартольд, *К истории Мерва* (ЗВОРАО, т. XIX, вып. 4, 1910), стр. 115.

[11] В. В. Бартольд, *Памяти В. А. Жуковского* (ЗВОРАО, т. XXV, вып. 1—4, 1921), стр. 405.

[12] В. В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и в России.* Лекции, читанные в Петербургском университете, СПб., 1911, стр. 151.

Таково было мнение историков Средней Азии почти полвека назад.

Какое же место занимает труд Жуковского сейчас, через шестьдесят пять лет после его выхода в свет?

За истекшее после издания работы Жуковского время археология Средней Азии получила такое развитие, как ни одна из других отраслей исторических знаний, связанных с изучением этого района земного шара. В Туркмении работы Южнотуркменской археологической экспедиции раскрыли во всем великолепии древнюю Нису; развернуты работы по изучению и других памятников Парфянской эпохи. Исследуется богатый археологический комплекс Мервского оазиса. Особенное внимание уделяется при этом старому Мерву, изучение которого столь успешно было начато Жуковским. Масштабы работ на территории древнего Хорезма широко известны. В Узбекистане открыта древняя Варахша с замечательной настенной живописью. Обследован Бухарский оазис. Систематически изучается городище Афрасиаб—древний Самарканд. Широкие работы проводятся в Южном и Северном Таджикистане Согдийско-Таджикской археологической экспедицией. В Северном Таджикистане, на Зеравшане, экспедицией открыт город раннего средневековья — Пенджикент с его прекрасной росписью.

С каждым годом растет число обнаруженных археологами древних городов и других памятников. Тезис В. В. Бартольда о невозможности восстановления истории Средней Азии для периода, не отраженного в письменных источниках, в результате работ русских и советских археологов следует считать несостоятельным.

Казалось бы, что в свете новых открытий книга Жуковского может быть использована лишь в качестве материала, позволяющего судить об истории изучения Мервского оазиса. Однако это не так.

. Работа Жуковского не лишена недостатков и даже ошибок, многие из которых отмечены В. Г. Тизенгаузеном и В. В. Бартольдом. Бартольд подверг сомнению некоторые выводы Жуковского по исторической топографии Мерва, в частности по топографии Гяур-кала, т. е. города досельджукского периода. Он указал на методическую, с его точки зрения, ошибку ученого, обратившегося к изучению письменных источников после обследования памятников на месте. Вопрос этот спорный. Тизенгаузен доказал, что вывод В. А. Жуковского о прекращении жизни в Мерве в период после монгольского завоевания неправилен. Основанием для такого заключения Тизенгаузену послужил не привлекавшийся Жуковским нумизматический материал — мерв-

ские монеты времени предполагаемого запустения города [13]. К такому же выводу на основании археологических и нумизматических данных пришел и известный советский ученый — археолог и историк Средней Азии М. Е. Массон.

Добавим, что в описании памятников архитектуры Жуковского зачастую отсутствуют обмеры, а имеющиеся не всегда удовлетворительны. Планов же построек вообще нет; последнее связано с тем, что В. А. Жуковский располагал незначительными средствами и в его распоряжении не было достаточно квалифицированных специалистов [14].

Несомненно, что выводы Жуковского относительно истории Мерва, основанные, с одной стороны, на изучении рельефа верхнего слоя городища и топографии надземных памятников, а с другой — на письменных источниках, будут уточняться и исправляться историками и археологами и в дальнейшем. И это неизбежно. Об этом свидетельствуют успешные работы Южно-туркменской археологической экспедиции. Но основные положения Жуковского остаются, как писал Бартольд, правильными.

И все же ценность книги Жуковского заключается не только в этом. Его труд — первое исследование, которое имело целью не только систематизацию известий источников по исторической топографии Мерва и его района, но и изучение структуры среднеазиатского города в его развитии. До Жуковского этот вопрос в отношении городов Средней Азии и Хорасана никем не ставился.

Не меньшее значение имеет и то обстоятельство, что труд Жуковского, не археолога, представляет собой образец комплексного изучения среднеазиатского города в историческом аспекте, исследование, которому у нас по сей день нет равного. Приведем еще раз слова В. В. Бартольда о том, что «работа

---

[13] ЗВОРАО, т. XI, вып. 1—4, 1899, стр. 390. — «Находящиеся в нумизматической коллекции Императорского Эрмитажа монеты Чингис-хана и Хулагуидского султана Аргуна, чеканенные в Мерве, — писал Тизенгаузен, — позволяют думать, что город этот в течение 200 лет со времени монгольского погрома не совсем заглох, как полагает автор. Кстати замечу при этом, что, судя по дошедшим до нас монетам, в Мерве существовал монетный двор и при Арсакидах, Сасанидах, Умейядах, Аббасидах, Саффаридах, Тагиридах, Сельджуках, Хорезмшахах, Такуридах, Шейбанидах и Сефевидах» (там же, стр. 53).

[14] «Нельзя не пожалеть, — отметил Тизенгаузен, — что небольшие денежные средства, находившиеся в распоряжении г. Жуковского, не позволили ему произвести точные обмеры осмотренных им памятников, составить подробный, по определенному масштабу план каждого из них и изготовить детальные рисунки различным архитектурным частям и орнаментам...» (там же, стр. 331).

Жуковского заключает в себе исследование о прошлом города, какого нет ни для одного из городов Средней Азии или Персии». Эти же слова В. В. Бартольда повторил в печати М. Е. Массон в 1951 г., назвав труд Жуковского «капитальной монографией, равной которой до сих пор нет ни на одном языке ни по одному из городов Среднего Востока» [15].

Комплексное изучение древних городов не утеряло значения. Жуковский одним из первых показал, что нередко понять письменные известия без изучения вещественных памятников невозможно.

Работа Жуковского оказала немалое влияние на Бартольда. В этом нетрудно убедиться, обратившись к книге Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», значительная часть которой посвящена изучению сообщений источников о среднеазиатских городах, а также заключенных в них маршрутных данных. Эта часть труда Бартольда находится в непосредственной зависимости от работы Жуковского о Мерве как по характеру привлеченного в ней материала, так и по подходу к нему.

К сожалению, только в 1935 г. появилась у нас следующая монография, посвященная комплексному исследованию города, хотя и не среднеазиатского. Это труд Н. Я. Марра «Ани», удостоенный золотой медали им. Уварова. Несмотря на многочисленную литературу по истории городов и культурных оазисов Кавказа и Средней Азии, появившуюся после выхода в свет работы Марра, и новый блестящий археологический материал, открытый советскими учеными, у нас нет монографических исследований о среднеазиатских городах, равных по масштабу труду Жуковского. Между тем создание таких монографий, объединяющих известия письменных источников и результаты исследования археологических материалов на уровне современного состояния науки, представляется необходимым.

---

[15] М. Е. Массон, *Новые данные по древней истории Мерва* («Вестник древней истории», М., 1951, № 4), стр. 89.

А. Т. ТАГИРДЖАНОВ

«ДИВАН» БАБА КУХИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ В. А. ЖУКОВСКОГО

Труды по исследованию персидской суфийской литературы занимают значительное место в научном наследии В. А. Жуковского.

Еще в 1895 г. им были опубликованы «Песни Хератского старца» [1] и «Человек и познание у персидских мистиков» [2]. В 1899 г. была издана большая книга «Тайны единения с богом» («Асрар ат-тавхид фи Макамат-и шейх Абу Саид»). Тогда же было издано «Толкование на четверостишие Абу Саида» и «Рисала-и хавранийа» Убайдаллаха ибн Махмуда аш-Шаши. В том же году вышла работа «Жизнь и речи старца Абу Са'ида Мейхенейского» [3]. В дальнейшем Жуковский опубликовал статью о Баба Тахире Хамадани [4], сделал доклад о книге Джуллаби «Раскрытие скрытого за завесой» («Кашф ал-махджуб»), издал текст двух биографий Джуллаби и уже к 1905 г. подготовил к изданию текст этого труда. В 1914 г. при второй попытке издания книги он переработал и расширил вступительную статью, однако издание было осуществлено только посмертно в 1926 г. [5].

Жуковскому первому принадлежит заслуга изучения и подготовки к изданию «Дивана» суфийского поэта XI в. Баба Кухи. Еще в 1902 г. Жуковский сделал доклад о «Диване» и его авторе [6]. Подготовкой текста к изданию и переводом он

---

[1] В. А. Жуковский, *Песни Хератского старца* («Восточные заметки», СПб., 1895, стр. 79—113).

[2] В. А. Жуковский, *Человек и познание у персидских мистиков*, СПб., 1895.

[3] В. А. Жуковский, *Жизнь и речи старца Абу-Са'ида Мейхенейского*. Персидский текст, СПб., 1899.

[4] ЗВОРАО, т. XIII, вып. 4, 1901, стр. 0104—0108.

[5] А. А. Ромаскевич, *Предисловие к изданию «Раскрытие скрытого за завесой»* («Кяшф аль-Махджуб»), Л., 1926.

[6] ЗВОРАО, т. XV, вып. 1, 1903, стр. XVII.

усиленно занимался в последние годы своей жизни, вплоть до дня смерти [7].

Жуковский готовил «Диван» Баба Кухи к изданию по двум рукописям: по копии из ширазского списка, доставленной В. Ивановым и принадлежащей лично Жуковскому (эта рукопись ныне хранится в рукописном отделе ИВ АН СССР № В 4021), и по рукописи библиотеки Восточного факультета ЛГУ № 1144. Об этом свидетельствует приписка Жуковского на первой странице подготовленного текста, гласящая: «Справа №№ рукописи Иванова за № 179, а слева должны стоять №№ из университетской рукописи № 1144, такие же, как у Иванова» [8]. Как указывает Е. Э. Бертельс, Жуковский получил и фотокопию рукописи Британского музея [9], местонахождение которой не удалось установить.

Жуковский подготовил значительную часть текста «Дивана»; в его архиве обнаружен перевод сравнительно небольшого числа бейтов. Имеются сведения, что после смерти Жуковского подготовкой текста этого дивана занимался А. А. Ромаскевич, однако никаких следов его работы обнаружить не удалось.

Изучением суфийской литературы вообще, творчеством Баба Кухи и подготовкой «Дивана» к изданию в частности в дальнейшем занимался Е. Э. Бертельс. Творчеству Баба Кухи посвящена его работа «Основные моменты в развитии суфийской поэзии», опубликованная в «Очерках истории персидской литературы» [10]. Кроме того, он издал работы «Две газели Баба Кухи Ширази» [11] и «Космические мифы в газели Баба Кухи» [12].

Как указано в статье «Две газели Баба Кухи Ширази», Е. Э. Бертельс подготовил текст «Дивана» Баба Кухи к изданию по трем вышеуказанным рукописям и в предисловии дал подробное описание рукописи ИВ АН СССР № В 4021 и университетской рукописи № 1144 [13]. Однако и подготовленному Е. Э. Бертельсом тексту «Дивана» Баба Кухи не суждено было увидеть свет.

В Иране «Диван» Баба Кухи был опубликован трижды.

---

[7] В статье Ю. Е. Борщевского «К характеристике рукописного наследия В. А. Жуковского» приведена фотокопия написанного рукой Жуковского перевода бейта Баба Кухи, над которым он работал в день своей кончины. — *Ред.*

[8] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, Жуковский В. А., № 2/426, копии рукописей № 39.

[9] ДРАН-В, 1924, стр. 59, прим. 2.

[10] «Восточные записки», т. I, Л., 1927, стр. 91—103.

[11] ДРАН-В, 1924, стр. 59—62.

[12] ДРАН-В, 1925, стр. 43.

[13] ДРАН-В, 1924, стр. 59, прим. 3.

Первое издание вышло в 1940 г. Поскольку оно в 1949 г. было подвергнуто сильной критике известным литературоведом Казвини, то в Ширазе в 1953 г. было предпринято второе издание, а в 1956 г. в Тегеране вышло третье издание.

В статье «Две газели» Бертельс привел подробную библиографию работ, посвященных Баба Кухи [14]. К ней можно добавить лишь очень немногое. Краткие сведения содержатся у Али Акбара Деххода в его энциклопедическом словаре «Лугатнаме», кстати сказать, взятые из «Нама-йи Данишваран», т. III, стр. 70, указанной и Бертельсом. Необходимо также упомянуть предисловия к изданиям «Дивана» в Иране, содержащие биографические сведения. В предисловии к ширазскому изданию 1953 г. сказано, что Мирза Садр эд-Дин Махаллати собрал подробные биографические сведения о Баба Кухи и собирается опубликовать их в ближайшем будущем. Однако до настоящего времени нам еще ничего не известно о появлении такого подробного биографического материала.

Краткая биография Баба Кухи дана в статье Бертельса «Две газели». Относительно места рождения Баба Кухи не имеется никаких указаний, но «Тарих-и гузида» называет его братом Пир Хосейна Ширвани. Это указание и имя его Абу Абдаллах ибн Бакуйа, очевидно, послужили основанием для предположения, что Баба Кухи родился где-то недалеко от Баку [15]. Ас-Самани назвал его аш-Ширази ал-Бакуви.

Имеются расхождения и в определении его имени. Бертельс его называет Абу Абдаллах Али ибн Мухаммед Ширази, известный под прозванием Бакуйа, Деххода называет Абу Абдаллах ибн Баку Али ибн Мухаммад ибн Абдаллах Ширази, в «Шираз-наме» указано — Абу Абдаллах Мухаммад ибн Абдаллах ибн Убайдаллах аль-Мааруф ба-Бабакуйа. Поэтический псевдоним его был Кухи.

Как указывается в биографии Баба Кухи, он много путешествовал, учился у знаменитого шейха Абу Абдаллаха ибн Хафифа (прозванного «Шейх-и Кабир» — великим шейхом), ученика знаменитого шейха Абу-л-Хасана аль-Ашари, основателя мусульманской схоластики «Калам». После долгого путешествия он прибыл в Нишапур, где встречался с известными суфийскими шейхами аль-Кушайри, ас-Суллами и Абу Саид ибн Абу-л-Хайр. Из Нишапура Баба Кухи отправился в Нихаванд, где провел дискуссию с Абу-л-Аббасом Нихаванди. Впоследствии он переехал в Шираз, где и умер в 1050 г. Имеет-

[14] Там же, прим. 1.

[15] «Конспект лекций Е. Э. Бертельса», отд. III, ЛИФЛИ, 1937, стр. 174.

ся расхождение и в определении даты смерти Баба Кухи. Так, в «Шираз-наме», в «Тарих-и гузида» и других источниках указан 1050 г., у аз-Захаби — 1036, а у Деххода — 1048 г.

Кроме дивана стихов, известны еще следующие труды Баба Кухи: «Бидайат Хал аль-Халладж», «Ахбар аль-Арифин» и «Ахбар аль-Гафилин» [16].

Использованная Жуковским и Бертельсом рукопись № 1144 Восточного факультета ЛГУ переписана 2 февраля 1915 г. Мухаммадом Хасаном аш-Ширази, имевшим литературный псевдоним Дабир. Текст в данной рукописи является сводным, составлен по спискам 1169/1755—1756 гг. и 1189/1775—1776 гг. В рукописи имеется вступление (дибаджа), состоящее из следующих частей: 1) стихотворное предисловие переписчика, которое содержит хронограммы, указывающие на дату смерти Баба Кухи и число лет, прошедших со дня его смерти до года переписки; 2) два стихотворения мирзы Мухаммада Хосейна Шуа Ширази, содержащих хронограммы о постройке гробницы Баба Кухи мирзой Хабибалла-ханом Салар ос-Султаном и мирзой Мухаммадом Али-ханом Наср од-Доуле в 1906—1907 гг.; 3) выписки из трудов Реза Кули-хана «Маджма аль-Фусаха» и «Рияз аль-Арифын», отрывки о Баба Кухи, содержащие биографические сведения и образцы стихов; 4) заметки переписчика о составлении данного списка на основе двух упомянутых рукописей.

Диван содержит 247 газелей, одно строфическое стихотворение тарджибанд, четыре кытаа и 19 рубайи. В конце приведен отрывок из «Шираз-наме», содержащий биографические сведения о Баба Кухи и заключение переписчика.

Рукопись куплена А. А. Ромаскевичем в Ширазе в 1915 г. Формат ее 21,8×17,5 *см*. Она имеет 111 листов, в каждом из которых по 11 строк; формат текста 14×10 *см*. Рукопись переписана на фабричной бумаге голубого цвета, стихи расположены в две колонки, на полях приведены разночтения. Почерк — каллиграфический насталик, переплет — картонный, покрытый полосатой материей, с кожаным корешком.

---

[16] ДРАН-В, 1924, стр. 60.

Ю. Е. БОРЩЕВСКИЙ

«ТАРИХ-И МУХТАСАР-И САХИХ-И БИ-ДУРУГ»[1] АЛИ-ХАНА КАДЖАРА ЗАХИР ОД-ДОУЛЕ САФИ АЛИ-ШАХА

Среди бумаг В. А. Жуковского хранится сделанная им копия[2] части до сих пор не опубликованных мемуаров Али-хана Каджара Захир од-Доуле Сафи Али-шаха, названных автором «Тарих-и мухтасар-и сахих-и би-дуруг». Копия эта содержит главы 33—40 указанного сочинения. Эти главы были завершены автором в джамади ас-сани 1314 г. х. (7.XI—6.XII. 1896 г.) и, как гласит сделанная В. А. Жуковским надпись на титульном листе копии, списаны им «с автографа, высланного автором из Тегерана в 1901 г.». Главы 34—40 «Истории» переведены В. А. Жуковским; подлинник перевода также хранится в Архиве востоковедов ИВ АН СССР[3].

Автор «Истории»[4] Али-хан Каджар Захир од-Доуле Сафи Али-шах занимал при Насер эд-Дин-шахе и при Мозаффар эд-Дин-шахе должность ишик-акаси-баши. Во времена Каджаров в обязанности чинов ишик-хане (дворцового учреждения, во главе которого стоял ишик-акаси-баши) входила организация официальных дворцовых приемов и церемоний. В последние годы правления Насер эд-Дин-шаха ишик-хане было переименовано в вазарат-и ташрифат (министерство церемоний), а возглавляющее его лицо стало именоваться вазир-и ташрифат. Штат ишик-хане был довольно многочисленным. Так, по ежегоднику («Салнаме») за 1301 г. х. (1883/84 г.), содержащему сведения обо всех придворных, военных и правительственных учреждениях Ирана с указанием имен состоящих в них чиновников и приложенному к первому тому известного историко-географического сочинения Мохаммед Хасан-хана Этемад ос-

---

[1] «Краткая верная и правдивая история» (далее — «История»).
[2] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 2/21.
[3] Там же, № 4/46.
[4] Заметок В. А. Жуковского об авторе «Истории» в архиве нет.

Салтане «Матла аш-шамс» [5], в штате ишик-хане в это время состояло 99 человек.

Несмотря на некоторый упадок значения должности ишик-акаси-баши в эпоху последних Каджаров [6], лицо, занимавшее ее, все же пользовалось большим влиянием и было хорошо осведомлено обо всех дворцовых и правительственных мероприятиях и интригах. Ишик-хане считалось одним из управлений министерства двора и находилось в прямом подчинении у садр-азама (премьер-министра), который фактически возглавлял это министерство в последние годы правления Насер эд-Дин-шаха.

Должность министра церемоний перешла к нашему автору по наследству от его отца, одного из приближенных Насер эд-Дин-шаха — Мохаммед Насер-хана Дулу, также носившего титул Захир од-Доуле. По данным упомянутого ежегодника, в 1301 г. х. (1883/84 г.) он все еще занимал эту должность [7].

Первое официальное упоминание нашего автора в должности ишик-акаси-баши содержится в ежегоднике за 1303 г. х. (1885/86 г.), приложенному к третьему тому указанного сочинения. В это время штат ишик-хане состоял уже из 140 человек [8]. Высокое положение, занимаемое нашим автором при дворе, укрепилось еще и тем, что отец сумел женить его на Малике-йи Иран, одной из дочерей Насер эд-Дин-шаха [9]. Али-хан Каджар Захир од-Доуле состоял, таким образом, в родстве с самим шахом и, как видно из текста оставленных им мемуаров, был в тесных отношениях со многими высокопоставленными лицами и хорошо разбирался в сложной, насыщенной интригами жизни высших сфер иранского общества.

Путешествовавший в 1889 г. по Ирану Джордж Н. Керзон встретился с нашим автором во время торжественного приема при дворе, куда он был приглашен. Во дворце Керзон «был встречен лордом-камергером, или главным церемониймейстером, имевшим титул Захир од-Доуле («Поддержка государства»),

[5] محمد حسن خان اعتماد السلطنه، مطلع الشمس، جلد اول، تهران، ۱۳۰۱، (سالنامه)، ص ۵. (далее — «Салнаме»).

[6] При первых Каджарах ишик-акаси-баши докладывал шаху обо всех прошениях, ходоках из провинций, лично сопровождал к шаху лиц, которым была дарована аудиенция, и т. п.; в описываемую эпоху его роль сводилась в основном к организации торжественных приемов.

[7] «Салнаме», т. I, стр. 50.

[8] «Салнаме», т. III, 1303 г. х., приложение, стр. 33.

[9] عبدالله مستوفی، شرح زندگانی من یا تاریخ اجتماعی و اداری دورهٔ قاجاریه، جلد اول، تهران، ۱۳۲۴، ص ۵٤۸.

молодым человеком с величественной осанкой и на редкость красивым лицом, который принадлежит к роду Каджаров и женат на любимой дочери шаха. Под парадным кашмирским халатом, в который... он был облачен, видны были сверкающие белизной кафтан и штаны; на боку его была усыпанная драгоценными камнями сабля, с шеи свисал украшенный драгоценными камнями портрет шаха, а в руках он держал серебряный жезл, символ занимаемой им должности» [10].

В 1320 г. х. (1902/03 г.), оставаясь министром церемоний, он был также вали (генерал-губернатором) Мазендерана [11], но уже в 1321 г. х. (1903/04 г.) был сменен [12]. В мухарраме 1324 г. х. (1906 г.) пост ишик-акаси-баши занимал другой чиновник [13]. Возможно, что впоследствии Али-хан Каджар вновь вступил на этот пост. Прямых данных об этом у нас нет, но Абдаллах Мустоуфи в своих мемуарах упоминает о нем как о «последнем министре церемоний».

Занимавший влиятельные должности «в миру», Али-хан Каджар Захир од-Доуле был одновременно одним из видных деятелей иранского дервишизма. В архиве ИВ АН СССР хранится отпечатанная на машинке недатированная заметка В. А. Жуковского, о которой можно с полной уверенностью сказать, что она написана во время его пребывания в Тегеране в июне—августе 1899 г.: «Дервиш Гулям-Хусейн, родом из Шираза, рассказал мне следующее. Он принадлежит к тарикату Ниметуллаха Керманского; последователей в Тегеране много: главою их, или пиром, был до последнего времени Сафи Алишах, скончавшийся несколько месяцев тому назад и погребенный за садом Зилли-Султана, передавший главенство Захир ад-Доулэ, который служил ему 30 лет, обойдя сыновей, которым сказал, что достоинство пира не есть нечто наследственное и приобретается исключительно хорошим служением... Захир ад-Доулэ, как пир дервишей, носит имя Сафи Али-шах» [14].

---

[10] G. N. Curzon, *Persia and the persian question*, vol. I, London, 1892, p. 324. — Доктор Жан Батист Феврие, проживший три года при дворе Насер эд-Дин-шаха, упоминает Захир од-Доуле при описании торжественной церемонии во дворце шаха по случаю ноуруза (20 марта 1890 г.). См.: Feuvrier, *Trois ans à la cour de Perse*, Paris, [1900], p. 208.

[11] نآه د\انشوران ناصری، جلد ٤، تهران، ١٣٢٠، سالنامه، ص ٣٧.

[12] «Салнаме», т. V, 1321 г. х., приложение, стр. 37.

[13] «Салнаме», т. VII, 1324 г. х., приложение, стр. 29.

[14] Архив ИВ АН СССР, ф. 1, оп. 1, № VIII—88. — В этой, как и во всех последующих цитатах, сохраняется орфография подлинника. Речь идет о Хадж Мирза Хасане Исфагани Сафи Али-шахе (см.: محمد حسن جان

а также: اعتماد السلطنه، کتاب الماثیر و الآثار، تهران، ۱۳۰۶، ص ۲۱۷،

К. Смирнов, *Персы. Очерки религий Персии*, Тифлис, 1916, стр. 248—249).

5 Заказ № 2197

Таким образом, можно предположить, что к 1899 г., когда Хадж Мирза Хасан умер и его место занял Али-хан Каджар, последнему было по крайней мере около сорока лет, если только данные о его 30-летнем «служении» верны.

Как сообщает К. Смирнов, «Захир уд-Довле сделался муршидом неметуллахов всей Персии, и разумеется, что это посвящение имеет чисто политическое значение. Сефи Али-шах (т. е. упомянутый выше пир. — *Ю. Б.*) понимал, что дела ордена пойдут лучше и цели скорей могут быть достигнуты, если во главе дервишей будет столь знатный и сильный человек...» [15].

Согласно сведениям советского ираниста К. И. Чайкина, «Захир од-Доуле умер... в Тегеране между 1922 и 1925 гг.» [16].

Знакомство В. А. Жуковского с Али-ханом Захир од-Доуле произошло летом 1889 г. в Тегеране, во время второй поездки В. А. Жуковского, когда он уделял особое внимание сбору материалов о дервишских орденах. Так, в письме [17] к акад. В. Р. Розену, отправленном им из Зергендэ [18] 25 июля 1899 г., он писал: «Беседами с дервишами, которые будут продолжаться и в городе, я очень доволен. Мне перепадает довольно много характерного материала, который свидетельствует о полном вырождении дервишизма и превращении его в ордена вроде франкмасонских с разного рода тайными собраниями и довольно диким ритуалом, которого никогда и не знали дервиши доброго старого времени. Не скажу, чтобы некоторые из моих наставников не были симпатичны, но у большинства подкладка материальная, хотя они всячески стараются скрыть это... Надеюсь, что буду даже располагать тайными письменными документами, а не одними словесными откровениями. Я составил маленькую коллекцию фотографий дервишей...» [19].

[15] К. Смирнов, *Персы...*, стр. 249. — В этой книге довольно подробно описана деятельность тегеранских ниматуллахов.

[16] Письмо К. И. Чайкина к Ю. Н. Марру от 1928 г. (без указания дня и месяца). — Переписка двух видных советских иранистов в настоящее время находится во владении вдовы Ю. Н. Марра, С. М. Марр. В статье Вахида Дастгерди, посвященной известному иранскому поэту Ираджу Афшару, говорится, что незадолго до смерти Ирадж Афшар сказал Вахиду Дастгерди: «А знаете, если я умру, отвезите меня в Шимран и похороните рядом с могилой Захир од-Доуле» (он умер в марте 1926 г.). См. перевод статьи из журнала «Армаган», год изд. IX, № 4, стр. 234—239, выполненный Ю. Н. Марром (Архив ИВ АН СССР, ф. 95, № 24, л. 4а). Пользуюсь случаем выразить признательность З. Н. Ворожейкиной, указавшей мне это.

[17] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 167, письмо 9.

[18] Дачная местность под Тегераном, где находилась летняя резиденция русской миссии в Иране.

[19] Эта коллекция, как и упомянутые Жуковским документы, не сохранилась в его архиве.

Вполне возможно, что одним из таких «наставников» В. А. Жуковского был Али-хан Каджар Захир од-Доуле Сафи Али-шах. Во всяком случае в письме к В. Р. Розену из Зергендэ от 14 августа 1899 г. В. А. Жуковский писал: «Осмотрел и перерыл библиотеку церемониймейстера шаха, считающегося в то же время главою дервишей ордена Ниметллахи» [20].

Речь, вне всякого сомнения, идет об Али-хане Каджаре Захир од-Доуле, и нам трудно предположить, чтобы В. А. Жуковский попал в его библиотеку, не будучи знаком с ее хозяином [21].

После отъезда из Ирана В. А. Жуковский поддерживал связь с Али-ханом Каджаром Захир од-Доуле (или во всяком случае получал о нем сведения) через посредство своего бывшего ученика по Учебному отделению восточных языков МИД, а в то время чиновника Российской миссии в Тегеране Г. Д. Батюшкова, с которым В. А. Жуковский состоял в регулярной переписке. В сохранившихся в архиве письмах Г. Д. Батюшкова имя Захира, т. е. Али-хана Каджара Захир од-Доуле, упоминается несколько раз.

Интересные данные об одной из сторон деятельности дервишского ордена, возглавлявшегося Али-ханом Каджаром Захир од-Доуле, содержатся в недатированном, но, очевидно, написанном в 1900 или 1901 г. письме Г. Д. Батюшкова: «...Анджуман-и Ухувват (Братский союз. — *Ю. Б.*)... по четвергам вечером собирается в одном из флигелей дома Захира, специально для сего построенном... Вы, кажется, видели его... [Там собирается] до 80 знатных и иных дервишей, которым докладывается, что тот или иной дервиш не имеет средств к существованию, گدائی же (нищенство. — *Ю. Б.*) не приличествует истинным дервишам, а между тем он (т. е. указанный дервиш. — *Ю. Б.*) мог бы заниматься тем-то. Тогда собрание постанавливает выдать ему такую-то, в несколько туманов, собираемых тут же, сумму, за поручительством предложившего его, для того чтобы он мог стать на ноги» [22].

---

[20] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 167, письмо 5.

[21] См. сообщение В. А. Жуковского о труднодоступности частных библиотек в Иране в его отчете, помещенном в приложении № 1 к статье «К характеристике рукописного наследия В. А. Жуковского».

[22] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 167. — К. Смирнов, сообщая о регулярных собраниях в доме Захир од-Доуле, пишет: «На расходы по собранию все платят по счету. Кроме того, мюридам часто подносятся подписки на издание книг, на пособие школам и тому подобные просветительные цели. Куда деваются собираемые деньги, — точно неизвестно, и многие, вступив в этот кружок дервишей, тяготясь частыми подписками и поборами, оставили посещение общих собраний» (К. Смирнов, *Персы...*,

Очевидно, именно Г. Д. Батюшков сообщил В. А. Жуковскому о существовании «Тарих-и мухтасар...», он же и переслал ему это сочинение в Петербург, как видно из его недатированного[23] письма из Тегерана, написанного, безусловно, в 1901 г.:

«Прилагаю при сем книжицу تاريخ Захира. Вы не откажете по миновании надобности возвратить, причем Захир сообщил, что переведена книжка эта на англ[ийский], нем[ецкий] и франц[узский] яз[ыки], но не напечатана вследствие специальной его о том просьбы, каковую ходатайствовал убедительнейше передать и Вам — причину Вы легко увидите из содержания этой записной книги, в общем представляющей некоторый интерес и любопытной, как свидетельство ярого اصغر علی ‹ офила[24].

Ныне сей муж в Мазендеране и вернется к ноурузу для устройства всяких تشريفات ‹ ов (церемоний. — *Ю. Б.*). Очень нравится мне начало книжки в стиле Хайяма».

Таким образом, В. А. Жуковский получил это сочинение в 1901 г. Как уже говорилось, хранящаяся в архиве копия текста, сделанная В. А. Жуковским, содержит только 33—40 главы «Краткой верной и правдивой истории». Подлинник сочинения был, очевидно, отослан В. А. Жуковским в Тегеран в соответствии с просьбой автора. Копии глав, предшествующих указанным выше, также нет в архиве. В связи с этим, прежде чем перейти к описанию и характеристике сочинения, следует решить вопрос, располагал ли В. А. Жуковский полным текстом труда Али-хана Каджара Захир од-Доуле или в его руках был только сохранившийся в архиве отрывок.

Предположение, что В. А. Жуковский вернул все сочинение автору, скопировав только заинтересовавшую его часть, касающуюся истории убийства Насер эд-Дина, представляется маловероятным по следующим соображениям. Во-первых, в цитированном выше письме Г. Д. Батюшков называет посланное им сочинение Али-хана Каджара Захир од-Доуле «книжицей», что указывает на незначительный объем его. Действительно, переписанное В. А. Жуковским на листах большого

стр. 249). Отмечая, что деятельности «энджумена Захир уд-Довле» (т. е. собраниям дервишей ниматуллахи) в Тегеране приписывают большое политическое значение, К. Смирнов пишет, что в революционных событиях (1905—1911 гг.) «большинство муридов участия не принимало, ибо Захир-уд-Довле отнесся очень неодобрительно даже к тому, что некоторые муриды вступили в ряды муджетехидов» (там же, стр. 251).

[23] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, № 167.

[24] Т. е. приверженца Али Асгара. Имеется в виду Али Асгар-хан Амин ос-Султан (см. о нем прим. 11 к тексту перевода).

формата сочинение занимает 20 страниц; в персидском подлиннике, который был, без сомнения, написан на листах гораздо меньшего формата, главы 33—40 занимали, очевидно, страниц 40—50, т. е. представляли собой сравнительно небольшую тетрадку, которую можно назвать «записной книжкой». Если предположить, что все главы были приблизительно равны по объему, то полный текст «Тарих-и мухтасар...» должен был бы занимать около 250 страниц и, таким образом, представлять собой довольно солидную рукопись, а отнюдь не «книжицу».

Во-вторых, Г. Д. Батюшков пишет, что ему «очень нравится... начало книжки в стиле Хайяма». Глава 33 (первая в копии В. А. Жуковского) начинается с описания радения и попойки, устроенной автором и его друзьями в саду Каср-и Каджар 10 зу-ль-кааде 1313 г. х. (23 апреля 1896 г.). Автор описывает сад, в котором происходило это событие, и состояние счастливого опьянения, в которое пришли его участники. Очевидно, именно это «начало книжки» Г. Д. Батюшков называет написанным «в стиле Хайяма».

К тому же, зная живой и постоянный интерес В. А. Жуковского к истории современного ему Ирана, трудно поверить, чтобы он вернул столь ценный и важный памятник персидской мемуарной литературы, каким, безусловно, являлся весь текст труда Али-хана Каджара Захир од-Доуле, не озаботившись снять с него полной копии.

Вернее предположить, что В. А. Жуковский никогда не располагал полным текстом труда и, следовательно, не мог снять с него полной копии.

Полученные В. А. Жуковским в 1901 г. главы «Тарих-и мухтасар...» показались ему настолько интересными, что уже 22 марта 1901 г. на основании их он сделал сообщение на заседании Восточного отделения Русского археологического общества, назвав его «Последние дни шаха Насир ад-дина» [25].

Впоследствии В. А. Жуковский намеревался опубликовать персидский текст этого сочинения, возможно, снабдив его переводом. Он просил Али-хана Каджара Захир од-Доуле разрешить публикацию его сочинения. Посредником в этих переговорах выступал бывший ученик В. А. Жуковского по Учебному отделению восточных языков МИД, драгоман Российской миссии в Тегеране А. Р. Барановский, как и Г. Д. Батюшков, регулярно переписывавшийся со своим бывшим учителем.

Среди писем А. Р. Барановского из Тегерана к В. А. Жуковскому, последнее из которых датировано 18 августа 1909 г.,

---

[25] ЗВОРАО, т. XIV, вып. 1, 1902, стр. VII.

сохранилось одно письмо без даты [26], в котором он писал: «Спешу сегодня прислать Вам письменное разрешение Захир уд-Доулэ напечатать его историю об убийстве Насир уд-Дин-шаха».

Если в 1901 г. Али-хан Каджар просил Г. Д. Батюшкова не издавать его сочинение, то в 1909 г., во время иранской революции, у него не было оснований воздерживаться от публикации. Автограф [27] письма Али-хана Каджара к А. Барановскому с разрешением печатать его труд сохранился в архиве:

«Да буду я твоей жертвой.

Благородное послание относительно напечатания и публикации рукописи, именуемой «Краткая верная и правдивая история», господином Жуковским, преподавателем восточных языков в Петер[бурге], оказало [нам] честь своим поступлением. С [изложенными в нем] обстоятельствами ознакомились. Поскольку вышеупомянутый господин выразил желание опубликовать названную рукопись, преданный [автор письма] согласен пойти навстречу его намерению и выражает просьбу, чтобы высокопоставленный господин изволил сообщить письмом, когда он напечатает и опубликует упомянутую рукопись.

Более [не смею] затруднять [Ваш] благородный рассудок.

Захир од-Доуле».

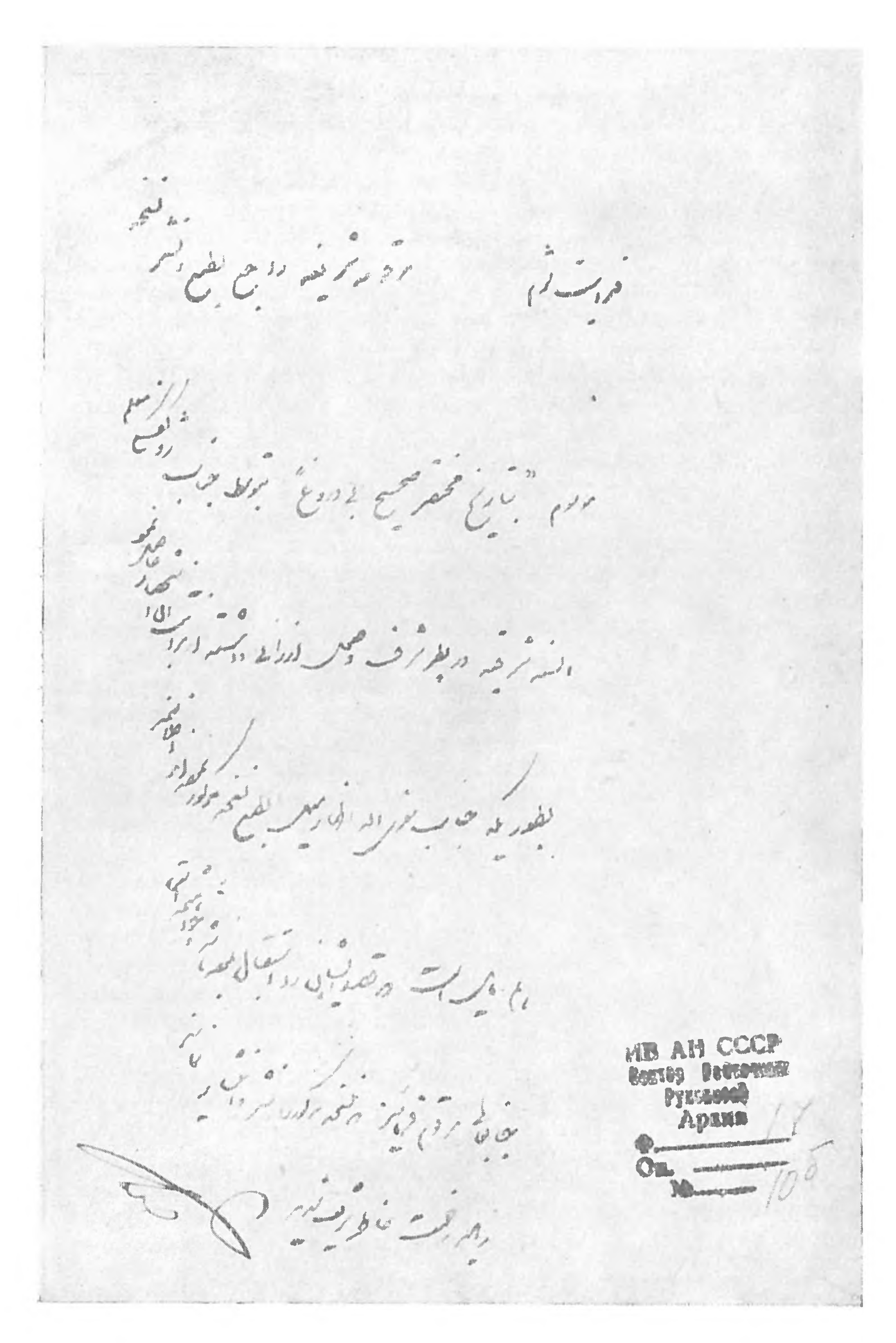
«Краткая верная и правдивая история» принадлежит к сравнительно немногочисленным образцам персидской мемуарной литературы конца XIX в. Возможно, что заглавие, данное автором, относится только к 33—40 главам его труда, а сами мемуары назывались иначе или вообще не имели названия, так как, возможно, они представляли собой просто дневник.

Сохранившийся отрывок представляет собой вполне законченное произведение как по построению, так и по содержанию. Он начинается не переведенной В. А. Жуковским 33-й главой, в которой описываются, как уже отмечалось, радение и попойка, устроенные автором вместе со своими друзьями в саду заго-

---

[26] Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 168. — Судя по тому, что в письме А. Р. Барановского говорится о поимке Рахим-хана (см. о нем: М. С. Иванов, *Иранская революция 1905—1911 гг.*, М., 1957, стр. 345—347), известного реакционера и главаря банд, поддерживавших Мохаммед Али-шаха, о том, что русские войска находятся в Тебризе, и о недавнем закрытии газеты «Шарк» в Тегеране, которое произошло после выхода в свет ее 64 номера 8 зу-ль-кааде 1327 г. х. (21 ноября 1909 г.), оно написано в конце ноября 1909 г. или несколько позднее.

[27] Там же.

Письмо Али-хана Каджара Захир од-Доуле Сафи Али-шаха, разрешающее издавать его труд

родной шахской резиденции Каср-и Каджар. В это время является гонец от садр-азама и вручает автору письмо, в котором содержатся инструкции по подготовке торжественного юбилея пятидесятилетия со дня восшествия Насер эд-Дин-шаха на престол. Автор приводит это письмо полностью; оно является интересным образцом канцелярского стиля эпохи и содержит подробное описание торжеств. Глава эта является как бы прологом, она вводит читателя в обстановку готовящейся к празднествам столицы Ирана.

Трагическая биография убийцы шаха Мирза Резы, изложенная простым, но красочным языком со слов некоего Хаджи Сайяха, является характеристикой главного героя произведения и подготовляет читателя к неизбежности и даже в какой-то мере оправданности описываемых дальше событий.

В следующей, 35-й главе описывается убийство Насер эд-Дина. Она представляет собой по сути дела подробный дневник, в который автор занес свои действия и переживания, испытанные им в этот день.

Глава 36 содержит характеристику второго основного действующего лица описываемой истории — садр-азама Али Асгар-хана Амин ос-Султана, решительным сторонником которого был наш автор, как верно отметил еще Г. Д. Батюшков [28].

Далее описываются похороны Насер эд-Дина, воцарение Мозаффар эд-Дина, и все сочинение завершается как бы эпилогом: отставкой садр-азама и приходом к власти новых людей, т. е. с точки зрения автора символизирует конец какого-то определенного периода истории.

Если бы это сочинение начиналось традиционной басмалой и двумя-тремя фразами обычных славословий, то не было бы никаких оснований полагать, что оно представляет собой всего лишь отрывок крупного произведения. Однако, несмотря на такой стройный и законченный характер, сочинение это в первую очередь является мемуарами, и, как во всех мемуарах, отношение автора к описываемым событиям и его личное участие в них проявляются здесь гораздо отчетливее, чем в специальном историческом труде. Именно в этом и состоит основное значение «Краткой верной и правдивой истории».

Али-хан Каджар Захир од-Доуле принадлежал к высшим слоям иранского общества, примыкал к числу сторонников и приверженцев садр-азама Амин ос-Султана и, по всей вероятности, принимал активное участие в никогда не прекращав-

[28] Эта глава переведена В. А. Жуковским, но опущена здесь, так как не представляет интереса, являясь сплошной апологией деятельности садр-азама.

шихся при каджарском дворе интригах и борьбе партий; все это, естественно, отразилось на его отношении к описываемым событиям и на оценке действующих в них исторических лиц. Кроме того, принадлежность автора к верхушке дервишской иерархии наложила своеобразный отпечаток на его сочинение.

Таким образом, «Краткая верная и правдивая история» — весьма любопытный человеческий документ, позволяющий лучше разобраться в сложной обстановке, царившей при каджарском дворе в конце XIX в.

Следует, впрочем, отметить, что некоторые данные автора нуждаются в проверке. Например, приведем здесь сведения Али-хана Каджара Захир од-Доуле об отмене налога на хлеб и мясо в апреле 1896 г. Цитируемое ниже место находится в 36-й главе, опущенной в настоящем издании.

«Одно из больших исторических дел этого великого знающего министра... заключается в том, что в последний год царствования Насер эд-Дин-шаха, мученика за веру, налог на мясо и хлеб в Тегеране, что составляло более 70 000 туманов и сделалось причиною большой тягости для подданных и бедных и неимущих — по этой причине некоторые из бедняков по месяцам мяса не ели, — он настойчиво выпросил у шаха, мученика за веру, отменить. Насер эд-Дин-шах, мученик за веру, согласился на просьбу садр-азама и отменил навсегда налог на хлеб и мясо во всех городах Персии, что в год составляло всего более трехсот тысяч туманов, и приказы разослали в разные стороны персидских владений, а в самом городе Тегеране содержание того приказа высекли на больших мраморных камнях и водрузили на общих проходах и в соборных мечетях.

Этот налог на хлеб и мясо наложил на бедных Наиб ос-Салтане, военный министр, который в то же время был губернатором Тегерана, и мало-помалу он увеличился, и шах и правительство были обесславлены. И в действительности, мыслию и распоряжением этого бесподобного министра, платье забот о подданных государя очистилось от грязи и нечистоты несправедливости и притеснения (если только настоящие и будущие правители города Тегерана мало-помалу, под другими названиями и различными именами, не возьмут с бедных и слабых эту сумму в два раза больше — и, конечно, возьмут)» [29].

Речь идет о налоге на хлеб и мясо, который был отменен Насер эд-Дин-шахом 1/13 апреля 1896 г.

Заведующий обучением персидской кавалерии и командир персидской казачьей бригады полковник В. А. Косоговский

[29] Перевод В А. Жуковского.

так передает историю отмены этого налога, рассказанную ему лично самим садр-азамом Али Асгар-ханом Амин ос-Султаном:

«Даже на отмену малиата (налога) на хлеб и мясо, несмотря на явный ропот народа (подчеркнуто, как и ниже, самим В. А. Косоговским. — *Ю. Б.*), покойный шах до тех пор не соглашался, пока я не изыскал ему взамен новый и притом двойной источник дохода: вместо 25 000 туманов в год, уступаемых шахом народу, накинул 50 000 туманов на начальников таможен...»[30]. Эти сведения несколько меняют картину, не говоря уже о том, что размеры налога очень сильно расходятся в обоих источниках.

«Краткая верная и правдивая история» написана простым, подчас даже разговорным языком. Автор редко прибегает к «высокому стилю», применяя его лишь для занимающих очень небольшое место в сочинении славословий в адрес шаха и садр-азама. Следует иметь в виду, что В. А. Жуковский не успел окончательно отделать перевод, чем и объясняются встречающиеся в нем шероховатости. При подготовке перевода к изданию он был заново сверен с текстом подлинника, причем некоторые незначительные пропуски в переводе В. А. Жуковского были восполнены[31].

За исключением 36-й главы, которая опущена по высказанным выше соображениям, и крайне незначительных пропусков (в основном славословия и т. п.), перевод В. А. Жуковского публикуется полностью, изменено лишь написание имен собственных и реалий: в издании принята система практической транскрипции, использованная в справочнике «Современный Иран» (М., 1957). Для примечаний к тексту использованы хранящиеся в Архиве ИВ АН СССР дневники В. А. Косоговского, активного участника описываемых событий.

Трудно сказать, сохранились ли мемуары Али-хана Каджара Захир од-Доуле в полном виде. В доступных источниках никаких сведений об этом нет. Не удалось также обнаружить никаких данных о переводах этого сочинения на западноевропейские языки, упомянутых со слов Али-хана Каджара Захир од-Доуле в цитированном выше письме Г. Д. Батюшкова. Возможно, эти мемуары сохранились в Иране. По-видимому, автор не остановился на описании событий 1896 г., поэтому можно рассчитывать, что публикация небольшого отрывка из мемуаров в переводе В. А. Жуковского явится толчком к разысканию и публикации всего сочинения Али-хана Каджара Захир од-Доуле Сафи Али-шаха.

---

[30] Архив ИВ АН СССР, ф. 30, оп. 1, № 2, л. 629.

[31] Восполненные места взяты в квадратные скобки.

АЛИ-ХАН КАДЖАР ЗАХИР ОД-ДОУЛЕ САФИ АЛИ-ШАХ

ИСТОРИЯ УБИЙСТВА НАСЕР ЭД-ДИН-ШАХА

Перевод с персидского В. А. Жуковского

Глава 34

МИРЗА РЕЗА КЕРМАНСКИЙ [1]

После того как Мирза Реза Керманский в глазах народа приобрел величие проявленной отвагой и смелостью, об обстоятельствах его жизни заговорили разно, но слово истинное, без преуменьшения и преувеличения, на основании расследования, которое я произвел сам у Хаджи Сайяха [2], человека почтенного, правдивого и долгое время бывшего с Мирза Реза Керманским в Казвине в государственной тюрьме, таково, как я пишу здесь, в полном соответствии с его записями.

Во время правления Мохаммеда Исмаил-хана Векиль оль-Молька [3], который в течение долгих лет правил в Кермане и сделался могущественным, он до такой степени чинил несправедливости, что многие из людей, отказавшись от своих земель и недвижимости, выселились [из Кермана]. В числе их был и отец Мирза Резы [4]. Взяв из Кермана кое-какое добро, он отвез его в Йезд, купил там землю и занялся хлебопашеством. Некоторое время он жил с сыном своим Мирзой в Йезде, и Мирза Резу для обучения отправил в школу, сам же по необходимости по одному делу прибыл оттуда в Тегеран и поместился в училище Медресе-йи Молла Абдаллах. Сколько он ни взывал к справедливости, никакого заступника он не нашел, так и отдал душу создателю души. Мирза Реза, не достигнув совершеннолетнего возраста, занялся мелкой торговлей и продажей с рук мало-помалу приобрел некоторое значение, дело его пошло в гору, и он стал известен у Наиб ос-Салтане [5] и Ака Бала-хана Сардар-и Афхама [6]. Он взял у Хаджи Молла Хасана Назим ат-Туджджар тармаламовую шаль и продал Наиб ос-Салтане; последний денег ему не отдавал (а в то время управление и главенство над купцами принадлежало самому Наиб ос-Салтане).

Однажды Мирза Реза отправился в канцелярию Наиб ос-Салтане и сказал ему: «Господин, эта шубка, что у вас на плечах, — мех для нее и шалевую покрышку я принес в кредит, — хозяин этого каждый день требует деньги, обесславил меня, а вы накинули шубку на плечи и хотите оказывать справедливость другим, — сначала рассчитайтесь со мною». Наиб ос-Салтане сказал Ака Бала-хану: «Отведи этого человечка и выдай ему

деньги». Мирза Резу увели и выдали ему тысячу двести туманов, цену соболя и шали. А Ака Бала-хан Сардар-и Афхам приказал, чтобы в то время, как эти деньги отсчитывали, Мирза Резе давали подзатыльники. Такой поступок и грубые слова сделались причиною вражды и неприязни Наиб ос-Салтане к Мирза Резе.

Хаджи Мохаммед Хасан Амин-и Дар аз-Зарб [7], увидев в Мирза Резе такую расторопность и смелость, взял его к себе для некоторых торговых дел и удержал, сделав слугою. Ака Бала-хан по временам, чем только мог, доставлял Мирза Резе какие-нибудь неприятности, а Наиб ос-Салтане тоже очень желал изыскать средства помучить Мирза Резу. И вот в дом Хаджи Мохаммед Хасана Амин-и Дар аз-Зарб прибыл в гости сейид Джемаль эд-Дин [8], и Хаджи Мохаммед Хасан сделался его убежденным последователем. Он попросил у Хаджи Мохаммед Хасана надежного человека, который стал бы его собственным слугою. Хаджи Мохаммед Хасан определил ему в слуги Мирза Резу и платил ему жалованье, пока не обнаружились замыслы сейид Джемаль эд-Дина и его пребывание в Тегеране стало противным мнению государственных мужей. Вышел приказ, чтобы сейида, который уже некоторое время находился в святыне Абдоль-Азим [9], взять оттуда и выпустить на турецкую землю.

В тот день, когда уводили сейида, Мирза Реза стал через меру кричать и шуметь. Мухтар-хан, правитель святыни Абдоль-Азим, сделал сильный нагоняй Мирза Резе: «Тебе что, что кричишь и орешь против правительственного приказа?» Известие об этом дошло до Наиб ос-Салтане. Он очень обрадовался и сказал Ака Бала-хану: «Хочу я возвести тебя в чин эмир-тумана [10], и нет для этого лучшего средства, чем Мирза Реза: и ты станешь эмир-туманом, и отец Мирза Резы будет сожжен». Ака Бала-хан по поручению Наиб ос-Салтане встретился с неким дервишем по имени Мирза Ака и сказал ему: «Пошли ко мне Мирза Резу, у меня есть к нему одно дело!» Так как управление Тегераном принадлежало Наиб ос-Салтане, то он при посредстве Ака Бала-хана заставил написать несколько писем рукою дервиша Мирза Ака с жалобами на жестокости и притеснения, чинимые народу, написать также разные вещи по вопросу табачной монополии и тайком доложил Его Величеству шаху, что народ хочет, чтобы была введена республика, и напугал Его Величество шаха; затем через сына дервиша Мирза Ака он отправил письма в окрестности, с тем чтобы они [т. е. письма] из окрестностей прибыли в Тегеран и тем создали впечатление, будто Иран желает стать республикой.

Его Величество шах открыл это Его Высокопревосходительству Амин ос-Султану садр-азаму [11]; тот ответил: «На это не стоит обращать внимания. Хорошо бы Вам таких речей совсем не слушать». Так как [в письмах] про Наиб ос-Салтане было писано дурно, а садр-азам был с Наиб ос-Салтане в дурных отношениях, то он усмотрел в этом свое собственное благо, — не будь этого

«Начало источника следует преграждать железной лопатой:
Когда он наполнится, его нельзя перейти и слону» [12].

Такие речи произвели на Его Величество шаха впечатление и увеличили его страх. Через несколько дней Мирза Реза отправился в дом дервиша Мирза Ака. Мирза Ака спросил у него: «Ходил в дом Ака Бала-хана?» Он сказал: «Нет, они со мною нехороши, я боюсь». Мирза Ака сказал: «Иди, не бойся, какое имеют они к тебе дурное намерение? Конечно, они имеют какое-то дело». Мирза Реза прямо оттуда отправился в дом Ака Бала-хана. Ака Бала-хан уединился с ним и завел речь о разных вещах, из его слов понял, что он очень желает возвращения сейида Джемаль эд-Дина, и сказал: «Если ты послушаешь моих слов, я тебя сведу к господину Наиб ос-Салтане и уговорю его на возвращение сейида Джемаль эд-Дина». В этом он сильно клялся, успокоил Мирза Резу и сказал: «Теперь ступай, а завтра за три часа до заката солнца приходи, — мы отправимся вместе к господину Наиб ос-Салтане». Затем Ака Бала-хан объяснил Наиб ос-Салтане обстоятельства и приготовил его к делу.

В назначенное время Мирза Реза отправился к Ака Бала-хану, и вместе они пошли к Наиб ос-Салтане. Так как никого не было, то, когда глаза Наиб ос-Салтане упали на Мирза Резу, он горячо ответил на его привет, сверх обыкновения, обласкал его и сказал Ака Бала-хану: «Воистину, люблю я Мирза Резу, даже считаю его своим дорогим другом». Мирза Реза от такого проявления любви свыше меры растерялся, произнес лестные [для Наиб ос-Салтане] слова и заявил: «Если Вы стремитесь к царской власти, то средство этого дела — сейид Джемаль эд-Дин, который может повернуть к Вам лица людей». Наиб ос-Салтане сказал: «А есть ли человек, который не зарился бы на царскую власть, в особенности [такой, как] я, сын государя, Наиб ос-Салтане, военный министр и губернатор Тегерана?» После разговоров Наиб ос-Салтане поклялся Мирза Резе на Коране, который держал под рукой: «Я окажу тебе всякого рода содействие и скоро изыщу средства к прибытию сейид Джемаль эд-Дина, но с условием, что ты напишешь письмо с жалобою на правительство: я покажу его шаху и скажу, что народ огор-

чен удалением сейид Джемаль эд-Дина и хорошо бы ему вернуться». И опять он поклялся на Коране и, успокоив Мирза Резу, отправил его написать письмо.

Так как сейид Джемаль эд-Дин был знаком со мною [т. е. с Хаджи Сайяхом.—*Ю. Б.*] и иногда отзывался обо мне Мирза Резе, что при совете я неправды не скажу, Мирза и пришел ко мне и изложил дело. Во время разговора прибыл Мирза Насролла-хан [13]. Я не прервал беседы и сказал: «Мирза Реза, знай, что Бог тебя сохранил и извлек из пасти льва». Он сказал в ответ: «Ведь он мне поклялся и меня успокоил». Я сказал: «Наиб ос-Салтане в клятву не верит, не доверяй ему ни в чем. Я знаю таких лиц, которым он клялся и давал расписки и все-таки их арестовывал. Ты ни благороднее, ни достойнее сейид Джемаль эд-Дина, а его он изгнал. По твоим же собственным словам, Хаджи Мохаммед Хасан давал пятьдесят тысяч туманов за то, чтобы не изгоняли сейид Джемаль эд-Дина, и ничего не достиг, поэтому твое слово — а ты ведь лишь простой торговец с рук — его на путь не приведет». Так как слова мои не соответствовали желанию Мирза Резы, то и не произвели на него решительно никакого действия. Он поднялся и ушел, и более по этому делу ни с кем не советовался.

А Наиб ос-Салтане в тот же день послал схватить и привести двух известных бабидов. Эти спросили: «За что вы нас схватили?» Сказали: «За вами никакой вины нет, а схватили мы вас для одного правительственного мероприятия и потом отпустим вас невредимыми».

Мирза Реза пошел в дом дервиша Мирза Ака, изложил положение и сказал: «Я сказал Хаджи Сайяху, он меня побранил и сказал, чтобы я более не ходил, потому что, если пойду, буду схвачен, а также чтобы я ничего не писал, потому что, написав, я отдам собственную кровь». Дервиш Мирза Ака сказал: «Что знает Хаджи Сайях! Царский сын тебе дал слово, и Ака Бала-хан тоже тебя поддерживает. Сегодня переночуй здесь, а завтра обязательно иди!» Ночь Мирза пробыл там. На следующий день он услышал, что схватили двух бабидов, и сказал дервишу Мирза Ака: «Так как схватили двух бабидов, то я боюсь идти». Мирза Ака сказал: «Не бойся! Тебе-то что? Разве ты бабид!?»

Так как был рамазан, то весь день Мирза Реза пробыл в доме Мирза Ака. Под вечер он собрался и пошел в дом Ака Бала-хана; вместе они отправились к Наиб ос-Салтане. Последний спросил: «Письма принес?» Мирза Реза сказал: «Еще не написал, — все, что Вы прикажете, я напишу». Было понято так, что ему помешали. Наиб ос-Салтане говорил много, вторич-

но его успокоил и сказал: «Ака Бала-хан, отправляйтесь вместе с Абдаллах-ханом вали и Мирза Резой в дом Ака Бала-хана, дайте Мирзе черновик, пусть он напишет». Все трое тотчас же удалились. Все, что вали и Ака Бала-хан сказали, Мирза Реза написал. Все это с несколькими письмами с разнообразными адресами у него отобрали, а затем сказали: «Хорошо, Мирза Реза, а кто же это такие, лица этих убеждений?» Услышав эти слова, Мирза Реза остолбенел и сказал: «Письма эти продиктовали Вы, а я написал: на какого невиновного я наведу подозрение?» Ака Бала-хан сказал: «Добровольно ты не скажешь». Затем он потребовал треножник и плеть, чтобы его побить. Мирза Реза схватил ножницы из пенала, который держал перед коленями, и вонзил их себе в живот так, что приблизительно на четыре пальца была разрезана кожа на его животе и из этой раны вышло много крови. Немедленно привели хирурга и наложили швы. Так как из него вышло много крови, то хирург сказал, чтобы ему дали хины и вина. Через полчаса после того как его связанного оставили одного в комнате, опьянение подействовало на Мирза Резу, и он сам с собой говорил: «Прав был Хаджи Сайях, когда говорил, что Наиб ос-Салтане никакой веры в клятву не имеет и схватит меня, чтобы придать делу своему блеск перед своим отцом».

Эти слова Мирза Резы из-за двери услышали и с теми, писанными его рукою письмами сообщили Наиб ос-Салтане. А он письма и все, что сердцу его хотелось, доложил Его Величеству шаху на словах и впутал еще нескольких человек. Так как к Зилл ос-Султану [14], своему старшему брату, он питал страшную ревность, а Зилл ос-Султан ко мне, Хаджи Сайяху, относился с особым расположением, то он приказал схватить и меня, для того чтобы еще больше раздуть дело. Мирза Мохаммед Али-хана, секретаря Мальком-хана [15], также схватили; Мирза Насролла-хана, брата жены Сахебдивана [16], и брата его также схватили. Он [Наиб ос-Салтане] так представил, что эти лица — враги Его Величества шаха и домогаются республики, а, дескать, мы с Ака Бала-ханом схватили врагов шаха и династии. За эту услугу он получил прибавку жалованья в тысячу туманов, а для Ака Бала-хана титул Векиль од-Доуле и звание эмир-тумана.

Нас, восемь человек арестованных, никто, кроме Наиб ос-Салтане и Везир-и Низама, который был дядей Наиб ос-Салтане со стороны матери, Ака Бала-хана и вали, не видел, чтобы о чем-нибудь спросить или о чем-нибудь поговорить; нам постоянно давали обещание, что, дескать, «завтра вас выпустят». Его Величество шах несколько раз желал лично нас видеть, но

Наиб ос-Салтане мешал; отнесли наши фотографии, и шах [их] видел. И никому не позволяли приходить к нам, пленным, из опасения, что о своей невинности мы доведем до сведения шаха.

С 16-го рамазана до первых чисел зу-ль-кааде, что составляет месяц и четырнадцать дней, мы были в цепях заточены в подземелье в доме Ака Бала-хана. В первый день месяца зу-ль-кааде пришли и сказали: «Вы совсем загрустили, мы отвезем вас в Эмирийе, сад Наиб ос-Салтане». Нас отвезли в Эмирийе в придворных колясках с фаррашами; там фаррашей отпустили и поставили вокруг нас солдат с ружьями — казалось так, что нас собираются расстрелять. Мы оставались там до заката солнца. Затем привели почтовый дилижанс, и Наиб ос-Салтане, заключив нас в цепи, передал Саад ос-Салтане [17], губернатору Казвина, и Амин-и Хакану и со ста всадниками отправил в Казвин. На ночь у нас была остановка в Шах-абаде, а на следующий день после полудня нас на почтовых доставили в Казвин.

До первых чисел джамади-оль-авваля следующего года, т. е. 18 месяцев, мы были в заточении в Казвине и проводили жизнь в разного рода невзгодах: мы не имели решительно никаких сведений о наших женах и детях, равно и они не знали ничего, живы мы или умерли, пока не заступился за нас невинных Его Высокопревосходительство Амин ос-Султан садр-азам. Он изыскал способы для нашего освобождения и освободил нас, несмотря на то что Наиб ос-Салтане вынудил его на расходы.

Тогда Наиб ос-Салтане сказал Его Величеству шаху: «Так как арест их был произведен мною, то хорошо бы было, чтоб и освобождение их было тоже через меня». Шах приказал, чтобы из Казвина нас привезли к Наиб ос-Салтане. Саад ос-Салтане, губернатор Казвина, отправил нас на почтовых из Казвина в Тегеран и доставил в Эмирийе, сад Наиб ос-Салтане. Наиб ос-Салтане держал нас там семь дней и, взяв с каждого по мере возможности взятку, отпустил нас. Так как Мирза Реза ничего не имел, чтобы дать взятку, то его одного он задержал и два года держал его в заключении в правительственной тегеранской тюрьме и причинял ему разного рода мучения и невзгоды. Жена его и дети бегали ко всем вельможам; в конце концов выступил посредником имам-и джом'э и освободил его [18].

Через некоторое время, однако, Наиб ос-Салтане опять придрался к нему и вторично заключил его в тюрьму. Опять семья его пожаловалась имам-и джом'э. Имам-и джом'э в личном письме доложил Его Величеству шаху подробности [дела], шах приказал освободить его и дал ему даже 50 туманов награды, чтобы он удалился из Тегерана. Из этих 50 туманов шахской награды Мирза Резе дали только 25. Мирза Реза сказал: «Дайте

по крайней мере столько, чтобы я мог удалиться с семьей». Наиб ос-Салтане сказал: «Шах приказал нам тебя выгнать, — поэтому за семью твою мы не отвечаем». Мирза Реза поневоле взял те деньги и отправился в Стамбул к своему господину сейид Джемаль ад-Дину [19]. Там он пробыл шесть месяцев. Оттуда, переменив одежду, возвратился в Тегеран. Ни с кем не знакомясь, он сел в бест в святыне Абдоль-Азим и оттуда неоднократно писал Наиб ос-Салтане: «Я никого не боюсь, кроме Вас; дайте мне слово, что Вы не будете иметь до меня никакого дела, чтобы я мог прийти в город и заняться своим промыслом». Тот ему не ответил. Он обратился с прошением к Его Величеству шаху и садр-азаму, — из уважения к Наиб ос-Салтане ему не ответили и дали ему понять, что доволен им должен быть Наиб ос-Салтане и что с самого начала никто другой не имел до него никакого дела.

Однажды Ака Бала-хан Векиль од-Доуле Сардар-и Афхам отправился на поклонение в святыню Абдоль-Азим, увидел переодетого Мирза Резу и сказал: «Мирза Реза! Где ты был?» Тот ответил: «Из страха перед Вами и Вашим господином Наиб ос-Салтане я пришел в бест» — и, указывая рукою на могилу Его Святейшества Абдоль-Азима, сказал: «Заклинаю тебя этим святым, не имейте до меня дела и дайте клятву, что вы меня не обидите: я приду в город Тегеран и буду заниматься своим промыслом, и я клянусь, что никуда, кроме базара, где буду заниматься своим промыслом, не пойду и не буду вмешиваться ни в какие разговоры, или же дозвольте мне прийти в город, забрать семью, со спокойным сердцем отправиться в другое государство». Как он настойчиво ни просил и как он ни клялся, Ака Бала-хан Векиль од-Доуле Сардар-и Афхам не дал ему удовлетворительного ответа. Когда Ака Бала-хан отошел от него, Мирза Реза сказал: «Нужно изыскать такие средства, чтобы весь народ успокоился от тиранства твоего и твоего господина, т. е. Наиб ос-Салтане».

Глава 35

О ЗЛОСЧАСТНОМ СОБЫТИИ, [ПРОИСШЕДШЕМ] ПО ПРИЧИНЕ БЕДСТВИЯ И ВРАЖДЫ

В течение нескольких суток из-за распределения и приглашения послов, иностранных чиновников и персидских министров и служащих я был вынужден большую часть времени проводить у Его Высокопревосходительства садр-азама и выслушивать его приказания, предначертания и поручения. Наступила ночь на

пятницу 17-го числа месяца зу-ль-кааде [30 апреля 1896 г.]. Когда прошел один час от ночи, я отправился в парк к садр-азаму. Он курил кальян во внутреннем коридоре дворца, сидя на кушетке, недалеко от камина. Около кушетки стоял первый секретарь английской миссии.

Я подошел и не успел заговорить о каком-нибудь деле и спросить приказаний, как прибыл Этемад оль-Хазрат, шахский абдар-баши [20], и доложил садр-азаму: «Шах изволят приказать: завтра мы непременно отправимся в Шах-Абдоль-Азим». Садр-азам с крайним отвращением сказал: «Как им угодно, только меня пусть уволят, так как у меня есть кое-какие очень нужные дела». Этемад оль-Хазрат сказал: «Шах нарочито подтвердили и мне настойчиво приказали передать, что, конечно, Вы тоже пожалуете». Садр-азам после некоторого раздумья сказал: «Очень хорошо». Когда Этемад оль-Хазрат уехал, садр-азам шутя сказал мне: «Захир од-Доуле, посмотри, какой удивительный у тебя тесть: слова ему в ухо не входят. Сегодня он два раза сказал, что завтра мы отправимся в святыню Абдоль-Азим на поклонение, а я сказал: «Так как и шах и я имеем очень нужные дела из-за устройства празднества, поездку туда назначьте на после празднества», он не согласился и теперь вот опять прислал известие». Я ничего не сказал в ответ садр-азаму. На протяжении одной-двух минут я доложил два-три дела, какие у меня были, получил ответ и вернулся к себе домой. Так как в предшествующую ночь я спал очень мало, то я поскорее поужинал и заснул.

Утром, несмотря на то что была пятница и праздник, я проснулся очень рано, вышел на мужскую половину, сел в мезонине, обращенном на север, и занялся делами с писцами и секретарями, которые мало-помалу подошли. От всего дипломатического корпуса, который вчера мы пригласили на шахский обед во дворце, сегодня пришел ответ, что они принимают столь почетное для них приглашение с крайней радостью. Мы занялись приглашением принцев, министров и чинов двора всякого рода на soirée, зрелище и т. п. Так как Ее Высочество Малике-йи Иран [21] сегодня была в гостях у нескольких шахских жен в саду Баг-и Шах, который расположен за городским рвом в западной стороне города, то я, против обыкновения, все дни завтракал на мужской половине.

После завтрака мы опять занялись делами. Когда оставалось четыре часа до заката солнца, в мезонине появился мой абдар Юнус-хан в очень взволнованном состоянии и что-то очень тихо сказал на ухо Мирза Ахмед-хану Мустоуфи, мунши министерства церемоний, который сидел против меня и занимался делом.

Мирза Ахмед-хан положил перо из рук на землю и сказал мне: «Кажется, в святыне Абдоль-Азим в одного из царевичей, которые были вместе с шахом, выстрелили, но не попали». Я сказал: «Кто этот царевич?» Он сказал: «Говорят, царевич Амир-ахур, и говорят также, что выстрелили в тамошнего доктора Хосейн Кули-хана». Стоявший Юнус-хан, перебив Мирза Ахмед-хана, сказал: «Город почти пришел в волнение». Я сказал: «Из-за чего?» Он сказал: «Из-за этих именно выстрелов. Сейчас все шахские кучера явились с крайней поспешностью и повезли в святыню Абдоль-Азим шахского доктора Толозан» [22]. В это время Ака Мохаммед Джафар-хан, один из моих дальних родственников со стороны матери, вошел в дверь в состоянии худшем, чем Юнус-хан, и сказал: «Удивительное смятение: полковник — начальник казаков со всеми казаками в карьер полетел в святыню Абдоль-Азим [23], и следом за казаками отправился Хаджи Кули-хан Бахтиярский со всеми бахтиярскими всадниками» [24]. Мирза Ахмед-хан встал, спустился с мезонина вниз и, вернувшись в очень расстроенных чувствах, что видно было по его внешнему виду, сел. Ака Мохаммед Джафар-хан, который сходил вниз, пришел и сказал мне на ухо: «Кажется, выстрел-то этот сделали в шаха, и попал он ему в ногу, но никакого вреда не сделал». Услышав эти слова, я, подобно Мирза Ахмед-хану, положил перо из рук на землю; у писцов, которые занимались делом, и присутствовавших настроение сразу изменилось. Я сказал, чтобы несколько человек отправились в сад Баг-и Шах и приехали с коляской Ее Высочества Малике-йи Иран. В это время прибыл наш евнух Хаджи Башир-хан и вошел в таком виде, что даже при таком [тревожном] положении вызвал в нас смех, и сказал мне на ухо: «Малике-йи Иран сказали, чтобы вы сейчас послали нарочного в Шах-Абдоль-Азим: пусть сам увидит шаха и принесет известие о благополучии». Я согласился, сказал Юнус-хану, и он сам отправился верхом. Через небольшой промежуток [времени] он возвратился и сказал: «Городские ворота, ведущие в святыню Абдоль-Азим, по приказанию садр-азама заперли, и никого не пускают ни туда, ни сюда». Пришло известие, что Малике-йи Иран и шахских жен отвезли на шахскую женскую половину по приказу садр-азама, который из святыни Абдоль-Азим поручил это сделать Махди Кули-хану Каджару Маджд од-Доуле [25].

Постоянно приходили вызывающие страх известия. До моего уха дошел звук трубы приветствия артиллеристов на тот манер, как трубят только во время проезда шахского кортежа [26]. Я обратил на это внимание сидящих, а Ака Мохаммед Джафар-хана для расследования отправил в шахскую экипажную [20],

которая находится недалеко от моего дома. Он пришел и сказал: «Я сам видел коляску шаха, которую привезли, и спросил; сказали, что шах, садр-азам и один из царских слуг в святыне Абдоль-Азим сели в коляску и вышли в шахском дворце». В мезонин вошел очень развязно Аббас Кули-хан, начальник курьеров каказани, с ружьем через плечо, кинжалом за поясом и в высоких сапогах, и потребовал награды за радостную весть, говоря: «Шах — слава Аллаху — благополучно прибыл в государственный сад и дворец». Я у него стал разузнавать, и он сказал: «Утром с шахским кортежем я отправился в святыню Абдоль-Азим. Через полчаса после полудня внутри святилища какой-то человек из толпы женщин сделал выстрел в сторону шаха, — он попал в его благословенную ногу, но, слава Аллаху, ничего не вышло, [только] появилась небольшая слабость. По этой причине садр-азам и один слуга тоже сели в коляску и обвевали шаха [веером]». Я сказал: «Ты сам видел?» Он сказал: «Да, я сам видел, как шах изнутри коляски движением руки отвечал, как обыкновенно, на приветственные рожки артиллерии, и на руке у них была белая перчатка, и я был при них до ворот Али Капу, [а потом] в коляске они прибыли в государственный дворец». Я сказал, чтобы ему дали награду за добрую весть, и приказал заложить для себя коляску, — поеду посмотреть шаха и садр-азама.

Коляска была подана. Я сказал друзьям: «Пока я не вернусь, вы не расходитесь: я привезу для вас известие верное, не ложное». Когда оставалось два часа до заката солнца, я выехал из своего дома во дворец. Я увидел, что все лавки на пути — европейские, армянские и мусульманские — заперты; была необычная обстановка. Я поехал очень быстро. Доехав до Дарб-и Али Капу, я увидел много колясок, пролеток и лошадей министров и вельмож, которые прибыли во дворец. Я вышел из коляски и увидел секретаря английской миссии, который шел от его высочества садр-азама, т. е. шел, официально получив сведения для английского посланника. Я спросил у него, он не дал точного ответа. Я дошел до Диван-хане. У двери во двор, известный под названием Двор Сандук-хане [20], — это небольшой двор между двором Мраморного трона [27], места официального восседания и общих приемов, и садом Баг-и Гулистан, где помещается собственный Его Величества дворец, я увидел большую толпу: дверь была заперта, стояли за дверью и в молчании и удивительном смущении ожидали известия о благополучии шаха. С большим трудом я прошел через ту толпу; когда я достиг двери, дверь разом открылась и появились садр-азам и военный министр Наиб ос-Салтане. Садр-азам у двери гром-

ким голосом сказал народу: «Шах, слава Аллаху, не пострадал, только от небольшого удара в его ногу чувствуют некоторую слабость и недомогание. Сегодня они не могут воссесть — объявили общий прием на завтра, чтобы очи всего народа от созерцания красоты их стали ясными». Сказав эти слова, садр-азам позвал меня. Я пошел в дверь, чтобы с ним отправиться в шахский сад; Наиб ос-Салтане сказал садр-азаму: «Я поеду домой, я очень устал». Сколько садр-азам ни настаивал, что-де отдохните здесь же, тот сказал: «Нет, я непременно должен отправиться домой», и уехал к себе в помещение, которое находится в том же государственном дворце, а название того дворца «Имарат-и Хуршид» (Дворец солнца). Оттуда он сейчас же уехал в свой сад, который находится недалеко от городских ворот сада Баг-и Шах. Имя его «Эмирийе». Уже много лет каждый год он тратил на этот сад половину жалованья и довольствия натурой, отпускаемых на армию.

С садр-азамом, царевичами и большей частью министров мы отправились в сад. Садр-азам приказал, чтобы дверь в сад заперли. Врачи персидские и европейские, которые отправились в Нarенджистан [28] осмотреть шаха, возвращались по одному-по два в расстроенном состоянии и никому у них спрашивавшему не отвечали или качали головой. Мы стояли с садр-азамом, министрами и царевичами около бассейна, недалеко от двери сада, как прибыли Али Реза-хан Каджар Азуд оль-Мольк [29] и Мирза Фатх Али-хан Ширази Сахебдиван. Азуд оль-Мольк с чрезвычайной грубостью и неучтивостью у всех нас спросил: «Что вы сделали с шахом?» Садр-азам сказал: «Они изволят быть в Наренджистане, отправляйтесь к ним». Он пошел. Сахебдиван, который был с ним, после ухода Азуд оль-Молька вошел в среду собравшихся и очень кратко и вежливо спросил у садр-азама о положении шаха. До этого времени Его Высокопревосходительство садр-азам не сделал официального сообщения; хотя мы все знали, но ничего друг другу не говорили. После вопроса Сахебдивана садр-азам встал, а прочие стали вокруг него кольцом. Садр-азам, обращаясь к Сахебдивану, который был стариком с седою бородою и из всех министров, пожалуй, наиболее уважаемый, громким голосом сказал: «Самое чистое сердце этого государства, сердце шаха, самый нечистый человек этого государства, Мирза Реза Керманский, ударом пули наполнил кровью». Садр-азам сказал это и, подобно очень нежному сыну, который оплакивает отца, начал говорить [соответствующие] слова и громко плакать. Все царевичи и министры удивительным образом занялись плачем и рыданием, и поистине все имели [на это] право.

Персидские истории очень мало указывают государей, которые были бы более ласковы, добры, заботились о подданных, искали прогресса, доброжелательны, милостивы, снисходительны, негневны, великодушны, любили процветание, жизнь и привлекательны видом, чем Насер эд-Дин Каджар. Время его царствования было 50 лет без нескольких дней при полном спокойствии и тишине и совершенном благополучии и безмятежности.

Постройки, которые он для отдыха и развлечений возвел в Тегеране, кроме построек государственных, т. е. площадь Майдан-и Тупхана, арсенал, площадь Майдан-и Машк, склады оружия и солдатского платья, казармы, бульвары и мосты, — следующие[30]. Шахский андерун в Тегеране, который заключает в себе приблизительно тысячу маленьких и больших комнат, десять малых дворов и семь малых и больших бань; изменения в Баг-и Бируни, царском дворце и саду Баг-и Арк. Эшратабад, который находится к северу от города Тегерана и удален приблизительно на две тысячи шагов от городского рва. Сад Баг-и Айшабад — в том же направлении, приблизительно в тысяче шагов от Эшратабада. Сады и дворцы Салтанатабад к северу от города, одно из летних местопребываний, в полутора фарсахах от города. Дворцы и сады Сахибкеранийе расположены у подножия Эльбурсских гор, официальная султан(ская) дача; отсюда до города Тегерана два фарсаха расстояния — устроены в ознаменование тридцатого года царствования. Сад Баг-и Акдасийе отдален от Сахибкеранийе на четверть фарсаха к востоку. Дворцы Шахристанак расположены у истоков реки Кередж, в горах, [а оттуда] до города проведено шесть фарсахов дороги. Сады и дворцы Лашкарак — в горах, на берегу реки Джаджруд, считаются одним из летних местопребываний с очень хорошим климатом; отсюда до города Тегерана четыре фарсаха расстояния. Дворцы и сады Каср-и Якут лежат на северо-восток от города Тегерана, место охоты, в трех фарсахах от города, и до города проложена широкая дорога. Дворцы и насаженный лес охотничьих угодий Джаджруд лежат в горах на северо-восток от Тегерана, и расстояние их от города шесть фарсахов. Сады, дворцы, постройки, дороги и аллеи Доушан-Тепе лежат к северо-востоку, на расстоянии одного с половиной фарсаха от города и до города имеют широкую обсаженную деревьями чистую аллею. Сады и дворцы Каср-и Фирузе лежат у подножия гор недалеко от Доушан-Тепе. Дворцы и сады укрепления Неджефабад — за святыми воротами Абдоль-Азим, в южной стороне от города, до старого города две тысячи шагов пути. Дворцы и сад Баг-и Шах, который окружает стена в полфарсаха, лежит в западной стороне от города, почти примыкает к городскому

рву и имеет специальные городские ворота. Этот сад — место прибытия в первый день приезда послов и посланников, т. е. здесь мы устраиваем церемонии приема и встречи — официально здесь принятые, они потом въезжают в город. Это — строительство в Тегеране. В других главных городах владений и областей Персии он по большей части возвел прекрасные здания.

Город Тегеран он увеличил, т. е. он стал в четыре раза больше прежнего. Заводы свечного и стекольного производства, машинные мастерские, железная дорога, монетный двор, арсенал, трамвай, электрическое и газовое освещение, телеграф, фотография и фонограф появились в Иране во время этого государя, — он имеет большие заслуги перед этим народом, не признающим своих обязанностей, и перед неблагодарными подданными.

Он сочинял хорошие стихи и понимал и любил каждого, кто сочиняет стихи. Он в высшей степени любил игру на сазе и сам тоже играл на пиано и таре. Он знал языки французский, персидский, турецкий-османский и турецкий-персидский и говорил на них. Всю жизнь во время завтрака он слушал иностранные газеты, а по вечерам во время кушанья — исторические книги. В свое время он выделялся из всех охотников и питал большую склонность ко всякой охоте вообще и в особенности к охоте на леопардов, и много тоже [их] свалил. Он совершил три путешествия в Европу для обозрения и осмотра памятников и свидания с монархами и объехал большую часть мест, кроме Америки; усвоив хорошие дела, хотел осуществить их в Иране, но как жаль, что мы, народ дикий, не принимаем воспитания и улучшений. (Желание того, чтобы мы стали воспитанными, осталось в сердце несчастного Насер эд-Дина.) Недостатки, которые люди прозорливые и обладатели знания глазом расследования увидели в его существе, были только чуточка сластолюбия и крошечка жадности. Вернемся к изложению.

Садр-азам, после того как, всё стоя с царевичами и министрами, приблизительно час предавался печали, как сын, сказал, чтобы принесли и разостлали ковры, и приказал всем сесть. Хаджи Сам-мирзу Баха од-Доуле, который принадлежит к числу уважаемых царевичей и [был] эмир-туманом, и Мирзу Мохаммед-хана Каши Экбал од-Доуле [31], который принадлежит к числу министров, послал в Эмирийе к Наиб ос-Салтане, военному министру и сыну покойного шаха, сказать: «Пожалуйте, посмотрим, что следует делать». Тот несчастный из страха за свои дурные деяния из дома не вышел и дал знать: «Никак невозможно мне выйти из дома, — разве только закуют меня в цепи и потащат». Садр-азам сказал: «Очень хорошо, не стоит разговаривать».

Обратившись к собранию, он сказал: «Мое высокое сидение теперь сохраняется лишь по традиции, так как вы знали меня садр-азамом; теперь я каждому из вас равен. Нет никакого сомнения в том, что это государство не останется без хозяина, равно как нет никакого сомнения в том, что, если произойдет беспорядок, смута и дикости, хозяин государства со всех вас спросит и каждый будет ответственным; поэтому лучше вам выдвинуть одного человека, который в действительности будет вершить дела в течение двух-трех дней, пока придет известие и телеграфный ответ из Табриза». Все царевичи, министры и чиновные люди с крайней вежливостью и смирением выразили: «Точно таким же образом, как до сих пор Вы были над нами большим начальником и приказывающим, теперь мы все по мере силы готовы подчиняться Вашим приказам».

Тогда садр-азам занялся делом. Город и внутренний порядок Тегерана он поручил полковнику и казакам и каждую дорогу и улицу поручил отдельному и особому отряду из полков и проявил необыкновенное знание дела [32]. Послы и посланники все прибыли и видели садр-азама. В это время от Его Величества Мозаффар эд-Дин-шаха — да сделает Аллах вечным царство его — пришел по телеграфу указ на имя Его Высокопревосходительства садр-азама, и стало известно, что садр-азам есть садр-азам и полномочия принадлежат ему.

Я для отдыха от усталости поднялся из собрания, отправился в одну из комнат и сел. Мирза Мохаммед-хан Амин-и Хакан [33], слуга шаха, который по приказу садр-азама из святыни Абдоль-Азим сел в коляску шаха, пришел и сел передо мною. После плача и слез я ему сказал: «Расскажи мне истинные подробности происшествия, так, как ты видел».

Он сказал: «В полдень шах и садр-азам вошли во двор святыни Абдоль-Азим. Тамошний правитель и слуги хотели учинить недопущение и удаление народа, как это всегда было в обычае в таких случаях. Шах не дозволил и сказал: «Не мешайте никому входить: сегодня я хочу поклониться, подобно прочим людям». Шах устремился на поклонение. Садр-азам сказал: «Хорошо было бы Вам перед поклонением отправиться в сад, откушать завтрак и потом прийти на поклонение». Шах сказал: «Нет, так как я уже совершил омовение, сначала отправимся на поклонение. Если завтрак будет в час после полудня, ничуть не важно». Шах вошел в часовню, обошел могилу один раз, остановился у нижней [ее] стороны и потребовал коврик и место для намаза. Так как коврик долго не приносили, садр-азам удалился на несколько шагов. Шах надел очки и смотрел в сторону женщин. Слева от шаха, между двух стоявших жен-

щин, какой-то человек высунул из-под аба руку и протянул к шаху большую бумагу в виде прошения. Когда до шаха оставалось приблизительно четыре шага, из-под прошения грянул звук шестизарядного револьвера. Шах мог только сказать: «Хаджи Хосейн Али-хан, подхвати меня». Хаджи Хосейн Али-хан и мы — один-два человека из слуг, которые находились вблизи, — подхватили шаха. Пять-шесть шагов он сделал собственными ногами, а потом лишился чувств. Мы отнесли шаха в помещение, известное под названием «Гробница наследника», которое отсюда было очень близко. Когда там положили шаха на землю, он испустил один глубокий вздох и больше не дышал. Садр-азам, покончив с поимкой и задержанием убийцы, пришел к шаху и очень всем поручал, чтобы никто не говорил, что шах убит: «Говорите, что попало ему в ногу и вызвало некоторую слабость». И приказал подать шахскую коляску, насколько возможно близко; шаха в полном форменном одеянии, как он прибыл, с надетыми на глаза очками, посадили на стул и очень быстро поместили в коляску. Садр-азам сказал мне: «Я сяду сбоку шаха, чтобы его поддерживать». Сев в коляску, он обмахивал его платком для того, чтобы все знали, что он жив. Мы прибыли в государственный дворец так, что никто не понял. И вот то, что вы видите».

Я увидел Мирза Исмаил-хана Амин оль-Молька [34], министра финансов и казны, брата садр-азама, и Икбал од-Доуле, которые направлялись к абдар-хане, а это маленький дворик в старом Каср-и Абйаз. Амин оль-Мольк позвал меня, я пошел, он сказал: «Мы идем смотреть Мирза Реза Керманского, убийцу шаха, — ты тоже, если хочешь, иди». Я отправился с ними с большим удовольствием. Двор абдар-хане я увидел наполненным бахтиярскими всадниками, солдатами и офицерами, — все покрыты пылью и в расстроенном состоянии до такой степени, что смотреть на них выводило человека из естественного состояния.

В южной части двора в углу, который примыкает к западу, была дверь, запертая на замок, и из-под двери приблизительно на 2—3 зара выходила наружу и была прибита толстая цепь. Амин оль-Мольк приказал открыть дверь. [За дверью] оказался маленький коридор, который имел два зара в длину и один зар с четвертью в ширину. Мирза Реза лежал посредине, близ двери, в таком виде: на теле он не имел никакого одеяния, кроме одной старой нижней рубахи, в большей части мест разорванной; руки его выше локтя были завязаны назад и у запястьев скованы той цепью, которая была прибита снаружи, на шее его был замок. Его так много колотили, что он лежал без чувств;

с открытыми срамными частями. Так как одно его ухо в святыне Абдоль-Азим во время поимки оторвали женщины, на голову ему повязали какую-то грязную тряпку. (Поистине выхватить живым такого убийцу для допроса из среды такого сборища и любящего шаха народа было одним из больших дел садр-азама.)

Так как Амин оль-Мольк по природе человек стыда и совести, то он обругал караульных того помещения и приказал надеть на убийцу шаровары, а также сказал, чтобы развязали руки его, раз шея его на цепи, чтобы он не умер. Я, для того чтобы он открыл глаза, тихо приложил к его лбу конец бывшей в моих руках трости: он открыл глаза, взглянул на меня и, не говоря ни слова, закрыл [их].

Мы пришли к садр-азаму. Когда прошло около получаса от ночи, для омовения шаха все было готово. Садр-азам двум братьям шаха, Аббас-Мирза Молькара [35] и Абд ос-Самад-Мирза Изз од-Доуле [36], и нескольким лицам из уважаемых министров приказал: «Пойдемте и вынесем убитого шаха из комнаты». Мы отправились в Наренджистан, который находится в конце шахского сада в северо-восточной части и имеет приблизительно ширины и длины десять на сто заров; он очень разукрашен, да еще для празднества там убранства прибавили. Оттуда мы отправились в Бриллиантовый зал [37], который отделан зеркалами и очень разубран и разукрашен. Я от сильной жалости не мог идти наверх, и с Джафар Кули-ханом Каджаром Хаджиб од-Доуле [20] мы остались внизу мраморных ступенек у Хрустального бассейна.

Труп шаха, который положили на коврик, окружили все царевичи и министры, вынесли из комнаты, положили на верху ступенек между двух мраморных колонн и удалились; не осталось никого, кроме Хаджи Мохаммеда Али-хана Амин ос-Салтане [38], шахского сундучного, чтобы снять платье, Гулям Алихана Амин-и Хумаюн [39], главного дворецкого, Джафар Кули-хана Каджара Хаджиб од-Доуле и царевича Хаджи Феридун-Мирзы, брата Хаджи Баха од-Доуле, — так как он был муж седобородый, да и в обычае, что султанов из Каджаров непременно должен омыть Каджар; затем один ахунд, Хаджи Хайдар, собственный шахский цирюльник, и несколько человек шахских водоносов с кожаными ведрами, которые они имели в руках, и я. (Велик Аллах! Примите во внимание, о люди разумения! Дорогой брат! Будь бодрствующим относительно начала и конца этого света. Что мне сказать? То, что я написал и пишу, я сам видел: оно не принадлежит к числу известий, допускающих и истину и ложь, — в нем нет никакой лжи.)

Сначала водоносы вымыли мостовую между Хрустальным бассейном и ступенями, где все оставляют обувь, вылив несколько ведерок воды; затем Хаджи Амин ос-Салтане снял с тела шаха черный суконный полукафтан, расшитый алмазами, который [шах] сшил с очень большой охотой для того, чтобы одевать при юбилейных празднествах и который недавно только был готов (нет божества, кроме Аллаха!); он снял все белье шаха: половина шахской рубашки была до такой степени окровавлена, что белизны ее совсем не было видно; рану шаха я видел отчетливо — как будто рука судьбы приложила печать... Тело шаха обнаженным снесли сверху ступеней и положили на землю, которую, как я сказал, вымыли водоносы; оно было очень белое, полное, соразмерное; бороду его в этот же день утром для отправления в святыню Абдоль-Азим выбрил на этом самом месте тот же самый Хаджи Хайдар, собственный (Его Величества) цирюльник. Видеть шахскую рану, которая была кроваво-красная, на том теле, очень белом, без изъяна, безмерно мучило глаза. Тот ахунд, который желал, чтобы ему позволили стать на пути, по которому проезжает шах, стоял очень близко от головы шаха, в башмаках, и из предосторожности, чтобы его не облили, собрав свою аба и платье и подхватив под мышки, он приказывал водоносу: «Поливай!» — и сам громким голосом говорил: «На правую сторону!», и [так] Хаджи Хайдар, собственный [Его Величества] цирюльник, тело шаха с правой стороны повертывал на левую, а один водонос выливал одно кожаное ведерко воды. Коротко говоря, могущественного царя царей богоспасаемых владений иранских омыли, как омывают какого-нибудь нищего по закону пророка [божия]. Самое удивительное то, что из всего того, что он [шах] привык считать собственностью, для него не нашлось даже суммы стоимости одного савана; принесли саван Азуд оль-Молька и облекли в него шаха... (Царство принадлежит Аллаху, Единому Всемогущему, он — живой, который не умирает!) Когда прошло четыре часа ночи, закончили омовение шаха и облачение [его] в саван. Испросив у садр-азама позволение, я вернулся домой.

Изумительно, между прочим, следующее. В то время как я из дома ехал во дворец и народ сомневался в убийстве шаха, все лавки заперли и находились в крайнем смятении, а теперь, когда знают наверное о мученичестве шаха и ночь близка уже к полудню, я увидел все лавки открытыми: дверь каждой лавки по приказу садр-азама охранял солдат и казак, чтобы никто не учинил никакого насилия и несправедливости, чтобы народ не болтал и не пустословил, из чего могли бы получиться причины какого-нибудь беспорядка.

Глава 37*

ВТОРОЙ ДЕНЬ МУЧЕНИЧЕСКОЙ КОНЧИНЫ ШАХА, МУЧЕНИКА ЗА ВЕРУ

Утром в субботу 17 числа я отправился во дворец. По дороге я увидел, что весь народ до такой степени опечален и в горести, словно у всех жителей этого города, пожалуй, даже у всего народонаселения этого государства умер отец, — да в действительности так именно и было, потому что из десяти человек жителей Тегерана только один помнит покойного Мохаммед-шаха, прочие же думают приблизительно так, что, кроме Насер эд-Дин-шаха, в иранском государстве никто не царствовал и не будет царствовать... Я прибыл в канцелярию Мраморного трона в царском саду. Его Высокопревосходительство садр-азам, все царевичи, министры, правители и государственные вельможи сидели на диванах и стенных нишах перед дворцом Шамс оль-Имарат [40], который расположен в царском саду в восточной стороне и обращен на запад; там же находится собственная царская телеграфная комната.

Когда все собрались, из Тебриза от Его Величества Мозаффар эд-Дин-шаха пришла телеграмма садр-азаму, всем царевичам, министрам и начальникам о том, чтобы каждый наблюдал за службой и возложенными на него делами и подчинялся приказаниям садр-азама. Эту телеграмму прочитал громко настолько, что слышали все бывшие, Али Кули-хан Мохбер од-Доуле [41], министр народного просвещения и телеграфа... Все поблагодарили за шахское внимание и выразили покорность приказаниям.

Кажется, прошло три часа после восхода солнца, [когда] Его Святейшество Зейн оль-Абидин, имам-и джом'э, зять шаха-мученика, появился с противоположной стороны, от музея, с толпою сейидов и улемов. Садр-азам с царевичами и министрами встали, и мы отправились в сторону имам-и джом'э. Сошлись у дверей в Наренджистан, описание которого было дано выше. От дверей Наренджистана я, как при жизни шаха в торжественные дни шествовал впереди церемоний, так и сейчас шел перед этим обществом, которое поистине является церемонией сегодняшнего дня. Мы прибыли в Бриллиантовый зал. (Велик Аллах!) В этот приход мне пришли на память те дни, когда в форменных одеждах я с дипломатическим корпусом приходил в эту самую комнату и видел, что против великолепия,

---

* Глава 36 опущена, так как не представляет ценности. Она состоит из славословий в честь садр-азама.

представительности и могущества Насер эд-Дин-шаха никто не в состоянии ничего показать.

Посредине комнаты было поставлено большое возвышение с инкрустациями ширазской работы, и верх его был устлан чрезвычайно тонкими черными кашмирскими шалями, а посредине того возвышения был поставлен гроб шаха, который тоже был покрыт кашмирскими шалями. Когда взоры прибывших в комнату, — а их было более трехсот человек, — упали на тот почтенный труп, все невольно, не обращая внимания на торжественность обстановки, начали громко и открыто плакать и рыдать, особенно царевичи и Каджары, которые в этом деле имели особое право. После того как это протянулось с четверть часа, имам-и джом'э и садр-азам усадили народ вокруг того возвышения. После прочтения [суры] Фатиха встали, поднялся необычный шум. (Всевышний Аллах! Что я сегодня видел!) С необычайным почетом и низкими поклонами начальники и ханы из Каджаров взяли на плечи труп шаха с возвышением и вынесли из зала наружу. Я, Хаджиб од-Доуле Мохаммед Рахим-хан насакчи-баши, Хаджи Али-хан джарчи-баши [20] и прочие почтенные члены передовых церемоний, как то: Наиб-и ишик-акаси-баши, Наиб-и фарраш-хане и другие, шли впереди того возвышения в установленном порядке, как было в обычае при жизни шаха ходить нам впереди. Имам-и джом'э, садр-азам, царевичи, министры, чины военные и гражданские следовали позади того возвышения. Мы шли в таком порядке. Господи, что за шествие?! На каждом шагу останавливались приблизительно на десять минут и плакали. Таким образом отнесли то возвышение в Текийе-йи давлати [42], которое находится в южной стороне шахского сада; вчера по приказу садр-азама в большой нише Текийе, находящейся в южной стороне, устроили могилу и украсили и убрали разного рода цветами, живыми и искусственными, и прочими украшениями, коврами и вышивками. На возвышение посредине Текийе опустили с плечей возвышение с трупом шаха; все, бывшие с Его Святейшеством имам-и джом'э впереди, исполнили молитву над тем дорогим телом и опустили [его] в могилу [43]. Его Высокопревосходительство садр-азам в этот день до такой степени плакал и рыдал, что три раза в изнеможении падал на землю. К завтраку, выйдя из Текийе, все отправились во дворец Шамс оль-Имарат; завтрак был откушан у садр-азама.

После полудня, испросив у садр-азама разрешение удалиться, я поднялся. Со мною поднялись также царевич Абд оль-Али-Мирза Мутамед од-Доуле, сын покойного Фархад-Мирзы Мутамед од-Доуле, и Мирза Абу Тораб-хан Назм од-Доуле, на-

чальник городской полиции [44]. На пути Мутамед од-Доуле выразил желание увидеть Мирза Резу и спросил меня, не могу ли я свести его посмотреть на Мирза Резу, убийцу шаха. Я согласился, и мы пошли с ним и Назм од-Доуле. На дворе Абдар-хане я сказал караулу, чтобы открыли дверь в тот коридорчик, в котором был заключен Мирза Реза. Сначала вошел Назм од-Доуле, затем я, потом Мутамед од-Доуле.

Мирза Реза был одет в очень грязный рваный войлочный стеганый халат; он сидел посредине того маленького коридорчика, о котором я писал, если помните. А лет ему приблизительно сорок пять. Лицо его чрезвычайно желтое, брови у него тонкие и прямые, глаза его необыкновенно страшные, грозные и впалые; борода его немного короче одной кабзэ, черная и редкая; баки торчащие, шея его немного длиннее обыкновенной, тело его ни полное, ни тощее, рост его ниже среднего, нос большой, лоб открытый и высокий, говорит очень твердо и спокойно с расстановкой и мало.

Разговор был такого рода. Назм од-Доуле спросил у него: «Ну, шах что тебе сделал?» Он сказал: «А я что сделал, что мне, несчастному, нужно было пять лет пребывать в цепях, чтобы Ака Бала-хан, положение которого вы все знали, сделался Векиль од-Доуле и Сардар-и Афхам и обладателем всего, тем более что он ничуть не выше меня?» Назм од-Доуле сказал: «Лучше убил бы ты этого — сына блудницы!» Мирза Реза сказал: «Наиб ос-Салтане сделал бы Векиль од-Доуле кого-нибудь другого». Назм од-Доуле сказал: «Убил бы Наиб ос-Салтане, шах что тебе сделал!?» Мирза Реза немного подумал и сказал: «Что ж, была судьба, исполнилась». Назм од-Доуле замолчал. Мутамед од-Доуле, так как по роду немного груб и туп, несколько раз выругал Мирзу Резу и бывшей в руках его палкой нанес очень сильный удар ему по голове. Несмотря на то что голова его была обнажена, на лице его не показалось никакого следа страдания или боли, он посмотрел на Мутамед од-Доуле и сказал: «Царевич, что значат эти женские поступки? Если ты мужчина, действуй по-мужски!» Эти слова пришлись характеру Мутамед од-Доуле тяжкими, он очень смутился, сильно выругал его и опустил руку в карман, чтобы достать перочинный ножик и убить Мирза Резу. Я схватил его за руку и сказал: «Поистине, царевич, ты сошел с ума! Весь народ персидский знает, что этого человека нужно убить. Ведь есть же большая причина, что садр-азам с таким трудом уберег этого преступника. Зачем же хотите его убить?» Мирза Реза бровями указал мне на жесты царевича и усмехнулся. Мы вышли, караул запер дверь.

Много стало известно в народе разговоров про слова Мирза Резы, но большая часть их ложь и без основания. То, что вы могли бы собственными ушами слышать из уст Мирза Резы Керманского, есть именно то, что я написал...

Речи и поступки, которые приписали Мирза Резе, и были ложью такого рода. Стало известно, что два-три человека из шахских евнухов — белых и черных — отправились посмотреть на Мирза Резу в место заключения. Один из черных евнухов, который более всех горевал (из-за убийства шаха) и позади всех вошел в помещение, ломаным [пропуск в тексте] и персидским языком спросил у другого: «Это и есть Мирза Реза, у которого сгорел отец, убивший нашего шаха?» — и указал рукою. Мирза Реза не сказал ничего. Евнух пошел вперед и занес палку, чтобы ударить по голове Мирза Резу. Когда он приблизился, Мирза Реза неожиданно громко и ужасающе кашлянул. Евнух от страха и ужаса упал в обморок; его вынесли и положили на краю бассейна и около двух часов брызгали ему в лицо холодной водой. Через два часа он открыл глаза и у того, который брызгал ему водою в лицо, спросил: «Пуля его куда попала?» После этих слов он закрыл глаза и отдал душу Богу.

А также стало известно, что Хаджи Казим Мелик ат-Туджджар [45], шутник и [остpослов, сказал Мирза Резе в заточении: «Ах, сукин ты сын, сводник! Ты что, решив убить Насер эд-Дин-шаха, держал наготове за воротами Ануширвана Справедливого на иранский престол и думал, что, кроме существования Насер эд-Дин-шаха, для его воцарения не будет препятствий?! Ну, теперь, когда ты свое дело сделал, завтра придет другой, да еще хуже того прежнего, так что возмечтаем мы о Насер эд-Дин-шахе, да уж не будет его...»]

Таких вещей много приписали Мирза Резе, и большая часть их ложь.

На третий день мученической кончины Насер эд-Дин-шаха, мученика за веру, место заключения Мирза Резы со двора Абдар-хана переменили на маленькую комнатку под лестницею, что [находится] в комнате при входе во дворец Бадгир [46]. Несколько дней он был там. После того как садр-азам, переменив место дневного своего пребывания, перенес его из дворца Шамс оль-Имарат во дворец Бадгир, [он] переменил и место заключения Мирза Резы под тамошнею лестницею и назначил для этого маленькую уборную в шахском Наренджистане, которая специально была для отдыха и освобождения самого шаха, мученика за веру. Его Высокопревосходительство садр-азам все дни с самого восхода солнца до пяти или шести после полуночи занимался вершением важных дел государства и народа, и каждый

день все министры, начальники и государственные деятели появлялись при дворе и занимались возложенными на них служебными занятиями гораздо лучше... чем в то время, когда Насер эд-Дин-шах был в живых, так что большая часть министров, стариков, видавших свет, говорили, что никогда не видели они двора и государства в таком порядке и устройстве. За время отсутствия Его Величества Мозаффар эд-Дин-шаха Его Высокопревосходительство садр-азам был как бы президентом республики, очень хорошим, вполне независимым, искренним и справедливым. И, по сущей правде, сколько важных дел, которые не проходили в течение нескольких лет, за это время главенства садр-азама прошли и прошли хорошо.

Глава 38

О ПРИБЫТИИ В ГОРОД ТЕГЕРАН И ВОСШЕСТВИИ НА ЦАРСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА МОЗАФФАР ЭД-ДИН-ШАХА КАДЖАРА

После того как пришло ужасное известие об этом страшном событии, т. е. пришла телеграмма Его Высокопревосходительства садр-азама в Табриз, и после печалования и слез в такой мере, как было нужно, в день [пропуск в оригинале] Мозаффар эд-Дин-шах Каджар, благословением, счастьем и споспешествованием вечного царя царей, в правительственном дворце города Табриза, столице и месте пребывания правителя области Азербайджана, изволили воссесть на престол султанской власти и миродержавия и были выполнены правила восшествия и всеобщего приема, как то: хутба и пушечные выстрелы. В тот же самый день в городе Тегеране, при шахском дворе, Его Высокопревосходительство садр-азам выстрелами из пушек и другими церемониями о царском восшествии на престол довел до слуха жителей. В тот день от лица Его Величества Царя царей он дал приказ поднять официальные флаги посольств, которые до того дня в знак траура не поднимали до верхушки древка.

В день [пропуск в оригинале] государев кортеж двинулся из столичного города Табриза в столичный город Тегеран. Из всех мест остановок и бивуаков телеграммами сообщались с Тегераном и двором. При дворе и между государевыми слугами было разногласие, прибудет ли в город Его августейшее Величество официально и с церемониями или без извещения и официальности. Я сам, чтобы знать [свои] обязанности, спросил по этому поводу у Его Высокопревосходительства садр-азама. Он сказал, что они изволят пожаловать без извещения.

В двадцатый день месяца зу-ль-хидже [2 июня 1896 г.] меня позвал садр-азам и приказал для всеобщего приема и в особенности восшествия на престол напечатать особые билеты и карты, чтобы никто ни из знатных, ни из простых не вошел ко двору, в Диван-хане и царский сад без разрешения, позволения и ведома министерства церемоний. Как было приказано, было исполнено: [билеты] были посланы во все министерства, управления и части полков.

Прошло уже несколько дней, как для того, чтобы убрать сад и шахские покои, Его Высокопревосходительство садр-азам, который тридцать суток ни на шаг не выходил из шахского сада для того, чтобы ни один час не бездействовать, перебрался из дворца Бадгир, находящегося внутри шахского сада, в дворцовые мезонины, находящиеся вне шахского сада.

В 23-й день месяца зу-ль-хидже 1313 г. хиджры [5 июня 1896 г.] я, как и все дни, утром отправился к садр-азаму. Он сидел в одном из дворцовых мезонинов, и перед ним было собрание приблизительно в пятнадцать человек из министров и начальников. Мы пили чай, как один джелоудар [47] из джелоударов самого садр-азама, которые специально к этому делу были приставлены, вошел в комнату и сам, не имея права, подошел и на ухо садр-азаму (пропуск в оригинале). Садр-азам приказал выдать ему в награду за радостную весть 50 туманов. Откушав чай, мы встали и пришли во двор Мраморного трона.

Мы ходили, не прошло и получаса, как в аллее со стороны двора Мраморного трона поднялись крики. Все мы направились к воротам, известным под названием «Конюшенных ворот» (эти ворота из аллеи, находящейся за двором Мраморного трона, расположенные в западной стороне двора Мраморного трона, открываются из двора Мраморного трона). Ворота открыли, и это совпало с остановкою шахской коляски. Шах вышел из коляски и направился во двор. Когда он вошел, садр-азам упал на землю и облобызал ноги шаха, и некоторые из царевичей тоже пали на землю, низко поклонились... Садр-азам принес чрезвычайные благодарения за прибытие и здравие Августейшей Особы, но шах ничего не говорил и казался похожим на человека, у которого слезы сжимают горло. Когда шах дошел до Мраморного трона, садр-азам настойчиво просил, чтобы он теперь же ради благоденствия сел на трон, а завтра будет прием и официальное восшествие. Шах не согласился. Прибыли в шахский сад. Так как было начало лета и температура была немного жаркая, а температура дворца Бадгир относительно прохладнее других дворцов, то шах изволил прибыть туда. Его Святейшество имам-и джом'э и несколько чело-

7 Заказ № 2197

век из улемов, которых пригласили для этого именно дела, встали с места, после краткой хутбы взяли шапку и венец кейянидов, которые приблизительно со времени Кай Хосрова являются государственными официальными шапкой и венцом, и имам-и джом'э возложил [его] на голову шаха. В это время все присутствовавшие министры и царевичи от глубины сердца принесли поздравления. (Велик Аллах! За шесть тысяч лет сколько голов из-за страсти к этой шапке оказалось без шапок, и ни одному из государей и венценосцев она не оказалась верной, и воистину — это шапка, покрывающая мир.) Эта шапка принадлежит к числу тех нескольких вещей казны персидской, из которых каждая имеет цену семь куруров, если только найдется покупатель и [ее] продадут.

По совершении этих официальностей из-за усталости и недавнего прибытия с дороги шаха все низко поклонились и были отпущены, а Шахская Особа занялась кушанием завтрака.

ПРИДВОРНЫЕ ДОЛЖНОСТИ, КОТОРЫЕ В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ ПО ПРИБЫТИИ [ШАХ] ПЕРЕДАЛ ДРУГИМ ЛИЦАМ

Должность шахского и государственного держателя печати взяли от Гулям Али-хана Азиз ос-Султана[48], зятя шаха, мученика за веру, и отдали Носрат ос-Салтане; должность кашикчи-баши[20] взяли от Абдаллах-хана Каджар Назим ос-Салтане и отдали Амир Бахадур Джангу[49], который был кашикчи-баши наследника престола; должность собственного шахского назира взяли от Махди Кули-хана Каджара Маджд од-Доуле и отдали Магрур-мирзе Мувассик од-Доуле; должность фарраш-баши взяли от Джафар Кули-хана Каджара Хаджиб од-Доуле и отдали Мохаммед Махди-хану Каджару Хаджиб од-Доуле; абдар-хане и кахве-хане взяли от абдар-баши и кахвачи-баши покойного и отдали новому абдар-баши и кахвачи-баши; и некоторые малые должности, которые не имеют большого значения и писать о которых нет необходимости, заменили другими лицами.

Город Тегеран [обрел] новую и свежую краску и безмерный блеск. В 24-й день месяца зу-ль-хидже 1313 г. [6 июня 1896 г.] очень рано утром с чинами [министерства] церемоний я отправился ко двору и сел в том самом проходе ворот Али Капу[50]. Всякого, кто шел во дворец, мы, согласно приказанию Его Высокопревосходительства садр-азама, опознавали и давали билет, и он проходил. Около полудня, приготовив всеобщий прием в крайней степени порядка и официальности, мы пригласили Его Величество к восшествию. Пожаловав из сада, он своим вос-

ходом счастливым изволили сделать Мраморный трон завистью ковра картинной галереи в Так-и Кисра.

В 25-й день месяца зу-ль-хидже [7 июня 1896 г.], т. е. на третий день прибытия, все разряды слуг и вельмож, которые не были на приеме, как то: купцы, вельможи, ученики школ, чиновники телеграфа и пр. и пр., с утра до самого почти завтрака поразрядно были нами представлены августейшему подножию, а около полудня весь состав дипломатического корпуса и представители дружественных держав с особыми почестями и церемониями удостоились чести представиться шахиншаху. Все дела по мере надобности были устроены с августейшего позволения и разрешения.

На четвертый день прибытия шаха Его Высокопревосходительство садр-азам изволили благополучно пожаловать из дворца в свой собственный дом, находящийся между аллеями Лалезар и Доулат, — я, покорнейший слуга Сафи Али, живу по соседству, и мой дом примыкает к их домам...

В шестой день месяца мохаррама 1314 г. [17 июня 1896 г.] Августейшая Шахская Особа изволила отбыть на дачное пребывание из города Тегерана в летний дворец Сахибкеранийе, который в высшей степени красив и соответствует шахскому достоинству; они сели верхом у ворот Эстабль, о которых я писал выше, и до выезда за городские ворота Дарвазе-йи Доулат я был в их кортеже.

Глава 39

КАЗНЬ МИРЗЫ РЕЗЫ КЕРМАНСКОГО[51]

После прибытия шахского кортежа место заключения Мирза Резы переменили: его вывели из той уборной в Наренджистане, о которой было сказано выше, и заключили в казарму собственных Его Величества караульных, которая находится недалеко от площади сада Баг-и Арк и между собственной шахской конюшней и канцелярией. После отъезда Его Величества шаха на дачу Мирза Резу опять привели из казармы в государственный дворец, т. е. в одно из помещений уединения большой шахской женской половины.

Весь народ все дни ожидал казни Мирза Резы. Большую часть дней с необыкновенной тщательностью занимались допросом [Мирза Резы], и стало в точности известно, что в этом гнусном деле, бесполезном и напрасном поступке и пустом воображении, т. е. убийстве Насер эд-Дин-шаха, он совершенно не имел никакого соучастника и пособника и что побудитель-

ной причиной на то были единственно несправедливости и притеснения Ака Бала-хана Векиль од-Доуле.

В среду первого числа месяца раби-оль-авваль 1314 г. [10 августа 1896 г.], приблизительно за час до восхода солнца, я с Мирзой Мохаммедом Али-ханом Каввам од-Доуле [52] отправился из моей дачи Джафарабад в Сахибкераниие к Его Высокопревосходительству садр-азаму. Там мы услышали, что завтра очень рано утром в городе Тегеране Мирза Резу повесят на площади Майдан-и Машк. Бо́льшая часть министров и сановников заявили, что для зрелища они отправятся в город.

В четверг 2-го числа [11 августа], приблизительно за час до восхода солнца, мы с Каввам од-Доуле и сыном моим Хан-и Ханан сели в пролетку и из Джафарабада отправились в город. Через четверть часа после восхода солнца мы прибыли в город. Около своего дома я увидел Мирзу Мохаммед Таки-хана Маджд оль-Молька, который возвращался с площади Майдан-и Машк... Он сказал, что около десяти минут тому назад Мирза Резу повесили. Мы ускорили движение и прибыли на площадь Майдан-и Машк. Удивительное сборище входило и выходило, несмотря на то что было такое раннее утро и народ еще настоящим образом не проснулся. Хотя ширина ворот площади Майдан-и Машк приблизительно более пяти заров и таких ворот четверо, мы въехали с трудом. Посредине площади Майдан-и Машк была поставлена виселица высотою в десять заров, т. е. в землю были вбиты два деревянных столба на расстоянии десяти заров и на них положено бревно длиною в десять заров; посредине этого бревна приделан и повешен рыскал и маленькое колесо, и две толстые веревки были пропущены через то колесо; при помощи этих веревок и рыскала Мирза Резу подтянули кверху в таком виде: обе руки его сзади были заперты на замок, голова обнажена, [он был] без рубахи, только на ногах у него были белые штаны... Вокруг виселицы, со всех сторон на расстоянии десяти заров, в виде круга стояли в большом порядке два батальона солдат с ружьями; внутри круга не было никого, кроме начальника этих солдат и четырех палачей, которые вершили дело; толпа зрителей — женщины, мужчины, европейцы, персы, пешие, конные, в пролетках и колясках — была более пяти тысяч человек и стояла позади солдат. Мы в пролетке доехали до солдат и там вышли из экипажа.

Я подозвал полковника этих солдат по имени Мирза Абидин-хан; за несколько лет перед тем как поступить на военную и государственную службу, во время путешествия по Хорасану, когда я ездил с моим отцом, он был из числа моих личных слуг. Он отдал честь по-военному и ввел нас в круг. Я дошел

до самой виселицы и хорошо рассмотрел и заметил в себе удивительное состояние: так как я смотрел, через одну-две минуты я не видел ни Мирза Резы, ни виселицы, но видел такие вещи, о которых писать не могу. Удивительная вещь: глаза Мирза Резы были закрыты, хотя у человека, которого душат, глаза непременно вылезают наружу — где уж им оставаться закрытыми! — и лицо его ничуть не изменилось, цвет его тоже не имел цвета удушения, т. е. не почернело, только ноги его посинели, или это была грязь за время заключения. В тот первый день, когда я его увидел, голова у него была выбрита, а борода значительно короче, чем сегодня. Заключение его длилось без нескольких дней четыре месяца, борода его стала длинной и волосы на голове тоже отросли пальца на три. В то время когда воздушная волна тихо приводила его в движение, лицо его с удивительным спокойствием обращалось из стороны в сторону; шея его немного покривилась в сторону левого плеча, и одна нога его была немного длиннее другой. Я хорошо рассмотрел, — зрелище было очень назидательное.

У полковника Мирза Абидин-хана, который от места заключения досюда был при нем, я спросил о подробностях; он сказал: «Вчера за полчаса до заката солнца из Сахибкеранийе прибыл в город. В царском дворце, перед музеем, мне от правительства было приказано произвести последний допрос Мирза Резы с Хаджи Шейх Мухсин-ханом Мошир од-Доуле [53], министром юстиции, Али Кули-ханом Мохбер од-Доуле, министром народного просвещения, Мохаммед Бакир-ханом Сардар-и Кулл [54], начальником полков, несколькими большими царевичами и некоторыми министрами. Затем доставили Мирза Резу из заключения. Мы привели его в присутствие садр-азама в цепях. Он дал ему разрешение сесть. После того как он сел, его очень много расспрашивали. Он вправду признался, что в этом гнусном деле, напрасном поступке и отвратительной выходке он отнюдь не имел сообщника и единомышленника, — было это исключительно вследствие жестокостей Наиб ос-Салтане. До пятницы 17 зу-ль-кааде [30 апреля 1896 г.] он в святыне Абдоль-Азим ожидал прибытия Наиб ос-Салтане, чтобы его убить, как на поклонение святыне Абдоль-Азим отправился шах. «После того, — сказал [Мирза Реза], — как шахский кортеж направился на поклонение, решение мое окрепло. За убиение Наиб ос-Салтане меня наверно убьют, и возможно также, что после Наиб ос-Салтане шах приставит к делу какого-нибудь человека, более жестокого, чем Наиб ос-Салтане, поэтому почему бы мне не убить шаха? Хотя меня и убьют, но пока имя Насер эд-Дина будет живо, мое имя тоже будет памятно в

истории». Он сказал также следующее: «Насер эд-Дин-шах был старым, сгнившим деревом, которое в конце концов свалил бы ветер, и в то время как оно бы свалилось, народу приключилось бы мучений более, чем теперь. В корне того дерева завелись вредные черви. Я свалил то дерево, а рука предопределения на его место посадила новый росток — Мозаффар эд-Дин-шаха. Теперь обязанность вас, министры и деятели царства и государства, вас, которые поистине являетесь садовниками и воспитателями этого нового ростка и молодого деревца, заключается в том, чтобы этот новый росток вы воспитали в прямоте и правильности, дабы он стал плодоносным. И знайте, что как только он покривится, судьба имеет в рукаве лишь подобные острые топоры».

Спросили у него про сейид Джемаль эд-Дина, может, он тоже в этом отношении дал ему какое-нибудь приказание. Мирза Реза сказал: «Сейид Джемаль эд-Дин тоже не был бы этим делом доволен. Только в то время, когда я отправился в Стамбул и рассказал ему о притеснениях Наиб ос-Салтане, которые он счел в отношении меня дозволенными, он сказал: «Так почему же ты не убил его, чтобы душа целого государства освободилась от его руки? Ты бы убил его и пресек зло его в отношении людей».

После этого допроса и последних расследований садр-азам приказал вторично отвести его в место заключения. Когда прошло четыре часа после заката солнца, привели коляску под предлогом, что шах приказал представить Мирза Резу в Сахибкеранийе, для того чтобы самому тоже произвести расследование. Полковник Мирза Абидин-хан посадил Мирза Резу в коляску, сам с одним караульным тоже сел в коляску, и быстро отправились. Мирза Абидин-хан говорил, что в то время когда коляска с аллеи свернула в сторону площади Майдан-и Машк, Мирза понял, что Его Величество Мозаффар эд-Дин-шах представить его для расследования в Сахибкеранийе не приказывал, а скорее покойный Насер эд-Дин приказал представить его на тот свет, для того чтобы произвести расследования перед присутствием Истины. Он хотел кричать, — ему зажали рот. Прибыли на площадь Майдан-и Машк и держали его в караульной площади Майдан-и Машк до восхода зари, т. е. до начала настоящего утра.

Мирза Абидин-хан говорил, что до утра Мирза Реза читал Коран, т. е. то, что он помнил из Корана. Задолго до восхода солнца прибыл Сардар-и Кулл, Хасан-хан Аджудан-баши-йи Кулл [55] и два батальона солдат. С особыми чрезвычайными церемониями его вывели, причем он сам не выражал нежелания

идти (потому что знал, что, если не пойдет, его приведут). Его довели до виселицы, он не сказал ни слова, только, в то время когда с шеи сняли цепь и с тела его стащили рубашку, он громким голосом, так, что толпа слышала, сказал: «Мы принадлежим Богу и к нему мы возвратимся». Затем на шею ему набросили петлю и повесили... Во время повешения играли несколько оркестров музыки. Труп его не снимали с виселицы три дня, для того чтобы все жители города и государства увидели и узнали и вспоминали о воздаянии за дела. (О Господи! Всех бедных от зла наваждений дьявола и повелевающей плоти под защитою Твоею охрани!)

Глава 40

...В полдень вторника 17-го числа месяца джамади ос-сани 1314 г. хиджры [23 ноября 1896 г.] Его Величество Мозаффар эд-Дин-шах Каджар отставил садр-азама Мирза Али Асгархана Амин ос-Султана от должности и высокой степени бытия садр-азамом. Носителем рескрипта об его отставке был мой родственник Мирза Ахмед-хан Ала од-Доуле [56].

Тот рескрипт был такого содержания: «Господин Амин ос-Султан. Во внимание к некоторым соображениям и государственным интересам признали Мы необходимым уволить вас в отставку с должности садр-азама и от сего числа освободить вас от государственных дел, и вместе с тем мы заверяем вас, что мы питаем к вам совершенную милость. 17-го числа джамади ос-сани 1314 г.».

Как я слышал, совершенство самообладания и дервишская природа Его Превосходительства Амин ос-Султана помешали тому, чтобы от чтения этого рескрипта в состоянии его появилась какая-нибудь большая перемена. В тот же день Мирза Исмаил-хан Амин оль-Молька, брата Амин ос-Султана, отставили от министерства казны, налогов и таможен и дела его передали Али-Кули-хану Мохбер од-Доуле, министру народного просвещения, а он некоторые из них передал своему сыну Сани од-Доуле [57]; государственные земли халисе, которыми ведал Мохаммед Касим-хан, другой брат Амин ос-Султана, отдали Мирза Мохаммед-хану Каши Экбаль од-Доуле; министерство иностранных дел, которое было на ответственности Амин ос-Султана, а он [т. е. Амин ос-Султан] назначил [его] директором Мирза Насролла-хана Мошир оль-Молька, отдали Хаджи Шейх Мухсин-хану Мошир од-Доуле; министерство государственной канцелярии вместе с министерством внутренних дел отдали Мирза Абдоль-Ваххаб-хану Низам оль-

Мольку; министерство армии, которое было на ответственности Низам оль-Молька, у него взяли и отдали Мирза Насролла-хану Мошир оль-Мольку; Гулям Хосейн-хану Каши Амин-и Халват и пишхедмет-баши оказали честь министерством двора; министерство арсенала, которое было частью дел Амин ос-Султана, отдали Мирза Аболькасем-хану Насер оль-Мольку; сундучную и гардеробную государственную и личную, которые были в ведении Хаджи Мохаммед Али-хана Амин ос-Салтане, отдали Насер ос-Султану и Муvaссик оль-Мольку; охрану шахских и государственных дворцов и отряды собственного [Его Величества] караула, что было в ведении Хаджи Хосейн Али-хана, который был из приверженцев и родственников Амин ос-Султана, взяв, отдали Амир Бахадур Джангу кашикчи-баши; начальство над артиллерией, которое было частью дел Амин ос-Султана и было поручено Мохаммед Бакир-хану Сардар-и Кулл, зятю Амин ос-Султана, взяв, передали Мохаммед Садик-хану Каджар Амин-и Незам; министерство военное, которое при жизни Насер эд-Дин-шаха, мученика за веру, принадлежало Камран-Мирзе Наиб ос-Салтане, а после Насер эд-Дин-шаха было из специальных дел и на ответственности Амин ос-Султана, а он поручил [его] Сардар-и Кулл, взяв, отдали Абд оль-Хосейн-мирзе Фарман-Фарма Салар-и Лашкар[58] (от его меры и собрания устроили все эти дела!), министерство построек и строений, которое было из дел Амин ос-Султана, а он поручил [его] своему брату Амин оль-Мольку, отдали Мирза Махмуд-хану Хаким оль-Мольку[59]. Это было событием этого дня.

21-го числа джамади ос-сани 1314 г. [27 ноября 1896 г.], согласно шахскому приказу, около восхода солнца Амин ос-Султан двинулся для постоянного пребывания в город Кум, который находится от Тегерана в трех-четырех станциях, и город очень грязный, с дурной водой и климатом.

Через несколько дней после этих событий я удостоился чести в обители поклониться Его Святейшеству моему старцу[60],— души всех бедных да будут ему жертвой. Беседа шла о всем сказанном. Доверительно они мне изволили сказать, что Амин ос-Султан, вернувшись из Кума, вторично достигнет степени садр-азама. Хотя я считал это делом невозможным, так как при каджарской династии еще не случалось, чтобы один человек дважды назначался на должность садр-азама, я сразу же согласился и наверно знаю, что, конечно, вне всякого сомнения, он вернется и сделается садр-азамом. Я надеюсь, что доживу до его возвращения и глаза мои вторично просветятся от созерцания его вызывающей радость красоты. О Господи, прими мои

моления удрученных сердцем! Как Его Святейшество мой старец — дух мой его жертва! — сказал, [все] непременно случится, и он [Али Асгар-хан] вторично сделается садр-азамом, потому что Его Святейшество знает и прошлое и будущее, и может также все дела делать. (Хотя о такого рода вещах, которые предвещают будущее, писать не следует, потому что возможно, что представится какое-нибудь препятствие и помеха, но я написал вследствие совершенно твердого убеждения и уверенности, и, конечно, непременно именно так и случится.)

Джамади ос-сани 1314 г. [ноябрь — декабрь 1896 г.] я [окончил] этого рода писание и эту краткую верную без лжи историю, оставив [ее] на память на страницах судьбы.

Али-хан Каджар Захир од-Доуле Сафи Али

Примечания

[1] Биографию Мирзы Резы Кермани см. в дневниках В. А. Косоговского (Архив ИВ АН СССР, ф. 30, оп. 1, № 2, лл. 622—624, 627, 711; далее — Косоговский, лл...; Архив ИВ АН, разряд 1, оп. 6, № 11). Биография, рассказанная В. А. Косоговскому самим садр-азамом Амин ос-Султаном (л. 267), полностью совпадает с публикуемой, но доведена лишь до избиения Мирзы Резы из-за истории с «шубкой»; биография, рассказанная В. А. Косоговскому не названным по имени «личным знакомым» Мирзы Резы (л. 711), во многих деталях отличается от публикуемой.

В работах по новейшей истории Ирана на персидском языке биография Мирзы Резы наиболее подробно изложена в труде Назем оль-Ислама Кермани «История пробуждения иранцев», стр. 74—97, где приведены также протоколы допросов Мирзы Резы; см.:

ناظم الاسلام کرمانی، تاریخ بیداری ایرانیان، مجلد اول، شامل جلد

اول و دوم و سوم، چاپ دوم، تهران، اسفند ماه ۱۳۳۲، ص ٥٦٣

(далее — Назем оль-Ислам, *Тарих-и бидари*). См. также:

عبد الله مستوفی، شرح زندگانی من یاتاریخ اجتماعی و اداری

دورهٔ قاجریه، جلد دوم، تهران، ۱۳۲٤، ص ۹۷ و بعد

(далее — Мустоуфи, *Шарх-и зендагани*).

[2] На допросе Мирза Реза следующим образом характеризовал его: «Хаджи Сайях — человек эгоистичный и нерешительный. Он никогда не помогал нашему делу, а только мутил воду, чтобы ловить рыбу для Зилл ос-Султана (о нем см. ниже, прим. 14). Он надеялся, что Зилл ос-Султан станет шахом, а Амин од-Доуле — садр-азамом и тогда он сам разбогатеет. У него сейчас имущества на шестнадцать тысяч туманов, а в то время он получил от Зилл ос-Султана три тысячи туманов для сейида Джемаль эд-Дина, но отдал ему только девятьсот, а остальное присвоил» (Назем оль-Ислам, *Тарих-и бидари*, стр. 84).

[3] О злоупотреблениях губернатора Кермана см. протоколы допроса Мирзы Резы (Назем оль-Ислам, *Тарих-и бидари*, стр. 81).

[4] Имя отца Мирзы Резы — Молла Хосейн Акдайи (Акда — деревня близ Йезда). См.: Назем оль-Ислам, *Тарих-и бидари*, стр. 74.

[5] Камран-Мирза Наиб ос-Султане, сын Насер эд-Дин-шаха. Был военным министром и губернатором Тегерана с 1876 г. до воцарения Мозаффар эд-Дин-шаха в 1896 г. До 1886 г. в его управлении находились также Кум, Саве, Казвин, Гилян, Мазендеран. В 1907 г. был вновь назначен военным министром, а в июле 1909 г. был заочно приговорен к изгнанию из Ирана (см.: М. С. Иванов, *Иранская революция 1905—1911 годов*, М., 1957).

[6] В. А. Косоговский сообщает о нем следующее: «Во время существования в Тегеране австрийской военной миссии Векиль од-Доуле, в качестве ученика военного медресе, в 1880 г. попал к австрийцам, а оттуда был назначен инструктором в полк «махсус» — гвардию Наиб ос-Салтане, комплектовавшуюся до последних дней исключительно красивыми, женоподобными мальчиками.

...[Он] сразу приглянулся Наиб ос-Салтане, к которому попал в качестве ординарца, и с тех пор чуть ли не ежемесячно стал получать офицерские чины.

Года через два-три он уже был произведен в сартипы (генералы) с назначением командиром того же полка «махсус»... За всякий смотр шаха Векиль од-Доуле продолжал получать, при самом неограниченном посредстве Наиб ос-Салтане, по какой-нибудь новой награде или чину...

Когда умер эмир-туман Джалиль-хан, начальник «махзане-и мальбус» (обмундировального магазина), то эту должность Наиб ос-Салтане выхлопотал Векиль од-Доуле... Тогда его, с оставлением командиром полка «мах сус», произвели в эмир-туманы и дали титул муин-низам (помощник начальника военного ведомства). Когда умер начальник арсенала Джехангир-хан, Наиб ос-Салтане выхлопотал ему и заведование арсеналом, с титулом «министр арсеналов».

Когда затем, лет пять-шесть тому назад, он по подозрению в сообществе с прогрессистами Персии, схватил теперешнего убийцу шаха Мирзу Мохаммеда Резу, ему дали «тимсаль» (портрет шаха, усыпанный бриллиантами) и все караульные дома сарбазов в Тегеране, кроме арка, т. е. цитадели.

Когда в 1892 г. в Тегеране был бунт по поводу табачной монополии, народ... пытался ворваться в самый дворец через подъезд Наиб ос-Салтане (дворец Наиб ос-Салтане находился в арке, недалеко от дворца шаха. — *Ю. Б.*)... Тогда сарбазы и даже сам сардар-акрем (см. о нем ниже, прим. 32), внутренне сочувствуя народу и духовенству, не решались стрелять в толпу. Один только Векиль од-Доуле приказал бывшим при нем 20—30 гвардейцам стрелять... Толпа рассеялась, оставив до 30 трупов. За этот-то подвиг герой и получил титул «Векиль од-Доуле», т. е «доверенный государства», и еще в «кормление» — пехотный полк «Нехавенд» для своего девятилетнего сына... Осенью 1895 г... Наиб ос-Салтане выпросил, чтобы шах произвел в сардары Векиль од-Доуле.

Спустя некоторое время шах, желая выделить старейшего и наиболее родовитого из персидских сардаров, дал ему титул сардар-акрем (т. е. милостивейший), тогда Наиб ос-Салтане немедленно выхлопотал Векиль од-Доуле новый титул сардар-афхам (т. е. величайший). Кроме того, [его] назначили еще и губернатором провинции Савэ... Только смерть шаха остановила дальнейшее возвышение этого временщика» (Косоговский, лл. 624—626).

В июне 1908 г. сардар-и афхам был назначен губернатором Гиляна; в феврале 1909 г. он был убит во время восстания в Реште (см. М. С. Иванов, *Иранская революция*..., стр. 278, 353).

[7] Хаджи Мохаммед Хасан «Кумпани» Амин-и Дар аз-Зарб был назначен садр-азамом Амин ос-Султаном управителем монетного двора и сумел составить себе огромное состояние: на одном только выпуске неполноценной медной монеты он нажил шесть миллионов туманов. Махинации с выпуском монеты подробно описаны у Кософовского (Архив ИВ АН, разряд I, оп. 6, № 41, л. 42 и сл. См. также: Мустоуфи, *Шарх-и зендагани*, т. I, стр. 530 и сл. Описание тегеранского монетного двора см.: И. Н. Березин, *Путешествие по северной Персии*, т. II, Казань, 1852, стр. 154—156).

[8] Джемаль эд-Дин аль-Афгани — выдающийся политический деятель, оказывавший большое влияние на общественную жизнь мусульманских стран на протяжении последних десятилетий XIX в. Он боролся против империалистического закабаления стран Востока, против деспотической власти восточных монархов; эту борьбу Джемаль эд-Дин вел под знаменем ислама.

Он много путешествовал по странам Азии и Европы. Умер Джемаль эд-Дин в 1897 г. в Турции, где жил после изгнания из Ирана. О высылке его из Ирана Косоговский сообщает (л. 621): «Садр-азам, считающийся вместе с тем и губернатором Шах-Абдол-Азима (см. ниже, прим. 9), по настоянию шаха, при помощи своих преданных людей, вытащил его из беста и под вооруженным конвоем... выпроводил из Персии». См. о нем также: Назем оль-Ислам, *Тарих-и бидари*, стр. 53 и сл., и احمد کسروی، تاریخ مشروطهٔ ایران، جلد اول، چاپ چهارم، تهران، ص ۱۰ و بعد (далее — Кесрави, *Тарих-и машруте*).

[9] Шах-Абдол-Азим — поселок к юго-востоку от Тегерана, в котором находятся могилы Имам-заде Хамзы, сына седьмого шиитского имама Мусы аль-Казима, и Абулькасима Абд аль-Азима, и мечеть, дающая право убежища (бест).

[10] Эмир-туман — полный генерал (ср. с прим. 6).

[11] Али Асгар-хан Амин ос-Султан Атабек, второй сын Мохаммеда Ибрагима Амин ос-Султана (о нем см. ниже, прим. 20а); Али Асгар занял должности отца и получил его титул после смерти последнего в 1882 г. Находился во враждебных отношениях с Наиб ос-Салтане (см. прим. 5) и Зилл ос-Султаном (см. прим. 14); в 1886 г. добился изъятия ряда областей из-под власти упомянутых лиц. Исполняя обязанности садр-азама с 1885—1886 гг., официально получил этот титул лишь в 1893 гг. Отстранен от должности 2 ноября 1896 г.; вновь занял ее 4 августа 1898 г.; в 1904 г. ушел в отставку, отправился в путешествие (в числе других стран посетил Китай и Японию), после завершения которого поселился в Европе. В апреле 1907 г. вернулся в Иран, в мае сформировал правительство; 31 августа 1907 г. был убит. См. о нем: Мустоуфи, *Шарх-и зендагани*, т. I, стр. 503 и сл., стр. 653—664; т. II, стр. 45—46, 75; М. С. Иванов, *Иранская революция...*, стр. 56, 64, 169—173, 188—191 и др.

[12] Стихи из «Гулистана» Саади (глава I, рассказ 4).

[13] Мирза Насролла-хан Наини Мошир оль-Мольк (впоследствии Мошир од-Доуле) долгое время занимал должность начальника русского отдела (идаре-йи рус) министерства иностранных дел Ирана, состоял в чине наиба и имел лакаб Мифтах оль-Мольк; позднее стал заместителем министра иностранных дел. С воцарением Мозаффар эд-Дин-шаха был назначен главным контролером военного министерства (везир-и ляшкер); после смерти Шейх Мухсин-хана Мошир-од-Доуле был назначен министром иностранных дел, когда и получил титул последнего. Организатор первого в Иране дипломатического училища (медресе-йи сийаси). В 1906 г. был на-

значен садр-азамом, ушел в отставку в 1907 г. См.: Назем оль-Ислам, *Тарих-и бидари*, стр. 443 и сл.: Мустоуфи, *Шарх-и зендагани*, т. II, стр. 9 и сл.; М. С. Иванов, *Иранская революция...*, стр. 39, 52, 80, 169 и др.

[14] Зилл ос-Султан — старший сын Насер эд-Дин-шаха. Долгое время управлял почти всеми областями южного и юго-западного Ирана, имея резиденцию в Исфагане; в 1886 г. отстранен от управления всеми провинциями, кроме Исфагана. В 1907 г., по требованию населения, снят меджлисом с поста генерал-губернатора Исфагана.

[15] Мальком-хан Назем од-Доуле, принц (1883—1908). Известный иранский политический и литературный деятель, издатель персидской газеты «Канун» в Лондоне, автор сатирических комедий. См.: Назем оль-Ислам, *Тарих-и бидари*, стр. 117 и сл.; о газете «Канун» см.:

محمد صدر هاشمی، تاریخ جرائد و مجلات ایران، جلد چهارم، اصفهان، مهرماه ۱۳۳۲، ص ۱۰۲—۹۶

[16] Мирза Фатх Али-хан Ширази Сахебдиван был везиром наследника престола Мозаффар эд-Дина в Тебризе, затем губернатором Хорасана.

[17] См.: Косоговский, л. 621; «Казвинский губернатор, самый преданный человек садр-азама, а потому ему одному только доверяли, что он не выпустит на свободу никого из заключенных».

[18] Хадж Мирза Зейн оль-Абидин, имам-и джом'э, зять Насер эд-Дин-шаха. Как сообщает Косоговский (Архив ИВ АН, разряд I, оп. 6, № 41, стр. 202—203), он управлял вакфами Тегерана, получая с них доход в 24 000 туманов, из которых должны были покрываться расходы тегеранских медресе. Зейн оль-Абидин регулярно недодавал денег: «...Жадность имам-и джом'э доходила до невозможности и все студенты роптали... но терпели и молчали. После смерти шаха студенты начали уже открыто выражать свое неудовольствие, но все-таки терпели, пока студенты «Медресе-йи Мухаммадийе» первыми не подняли знамя восстания против имам-и джом'э» (запись сделана в ноябре 1896 г.). См.: Назем оль-Ислам, *Тарих-и бидари*, стр. 278 и сл.; М. С. Иванов, *Иранская революция...*, стр. 68—75 и др.

Согласно Назем оль-Исламу (*Тарих-и бидари*, стр. 94, прим. 1), Мирза Реза был освобожден из шахской тюрьмы (Амбар-и шахи) благодаря стараниям сейида Абд ар-Рахима Исфахани, который занимал должность наиба [заместителя] Али-хана Каджара Захир од-Доуле (т. е. автора «Истории»).

[19] В общей сложности Мирза Реза просидел в разных тюрьмах около четырех с половиной лет. См. протоколы допроса (Назем оль-Ислам, *Тарих-и бидари*, стр. 77—96).

[20] В каджарскую эпоху дворцовые управления, ведавшие обслуживанием шахской особы, обозначались термином «буйутат-и салтанати» — буквально «царские дома». Иногда этот термин распространяли и на такие учреждения общегосударственного значения, как монетный двор (зарраб-хане) и некоторые другие. Лица, возглавлявшие эти учреждения, пользовались большим влиянием при дворе и в правительстве и обладали огромными возможностями для обогащения. Очень многие из высших чиновников каджарской эпохи, в том числе и садр-азамы, в тот или иной период своей карьеры возглавляли одно или несколько дворцовых управлений.

В настоящем сочинении упоминается ряд лиц, возглавлявших в период правления Насер эд-Дин-шаха и Мозаффар эд-Дин-шаха перечисленные ниже в алфавитном порядке дворцовые управления, обозначавшиеся указанным общим термином.

а) Абдар-хане — управление, ведавшее продовольственным снабжением дворца. Губернаторы провинций и областей регулярно высылали в абдар-хане продукты, которыми славились вверенные им районы: лучшие сорта фруктов, дичь, кондитерские изделия и т. п. Чем изворотливее был абдар-баши, тем больше у него было шансов для выдвижения и тем значительнее становились его доходы.

Так, отец садр-азама, о котором идет речь в нашем сочинении, Мохаммед Ибрагим, начав свою службу при дворе с низших чинов абдар-хане, несмотря на то что был безграмотным, сделал головокружительную карьеру и стал управлять всеми «буйутат-и салтанати»; кроме того, в его ведении официально находились монетный двор, таможни, шахская сокровищница, дворцы, сады и ирригационные каналы шахских имений. Ему был пожалован титул Амин ос-Султан, который после его смерти перешел к сыну, а сам он исполнял временами обязанности садр-азама.

б) Банна-хане и фэххар-хане — дворцовое управление, ведавшее постройками и гончарным производством. При Насер эд-Дин-шахе находилось в ведении садр-азама, но фактически им руководил главный архитектор — мимар-баши. В конце XIX в. в Тегеране велись сравнительно интенсивные работы по перепланировке и расширению города, а также строительство отдельных дворцов и комплексов дворцовых сооружений как в самом Тегеране, так и в его окрестностях (см. ниже, прим. 30). Строительство дворцов финансировалось в основном за счет налога, взимавшегося с тегеранских «курапазиха» — лиц, работавших у топок кирпичных заводов и т. п.

С воцарением Мозаффар эд-Дин-шаха это управление было переименовано в «министерство построек» — «вазарат-и абнийе» (о доходах министра построек см. ниже, прим. 59).

в) Джарчи-хане — управление публичными глашатаями; по мере распространения в Иране газет утратило свое значение; ко времени описываемых здесь событий должность джарчи-баши перестала привлекать кого бы то ни было, так как не сулила ни материальных, ни иных выгод. Вскоре после убийства Насер эд-Дин-шаха джарчи-хане фактически перестала существовать.

г) Ишик-хане, или вазарат-и ташрифат, — см. стр. 62.

д) Кашик-хане — лейб-гвардия шаха. Во главе подразделений стояли дехбаши, панджахбаши и юзбаши, командовавшие соответственно десятью, пятьюдесятью и сотней солдат — гулямов кашик-хане; во главе их стоял куллар-акаси-баши, который в свою очередь подчинялся кашикчи-баши, имевшему заместителей — наибов. В состав кашик-хане входили также особые кавалерийские полки: «зарринкамар», «махдие» и «мансур». Вместе с этими полками персонал кашик-хане доходил до двух тысяч человек. Должность кашикчи-баши считалась очень важной и ответственной.

е) Каласка-хане — дворцовая экипажная; введена в число дворцовых управлений Насер эд-Дин-шахом. Экипажная располагала довольно значительным количеством карет и повозок, которые были необходимы для транспортировки шахского гарема, сопровождавшего шаха при его частых переездах.

Управляющий экипажной, каласкачи-баши, облаченный в специальную форму, при торжественных выездах правил восьмеркой лошадей, впряженных в шахскую карету. Каласка-хане подчинялась амир-ахуру.

ж) Кахве-хане — шахская личная кофейная. Кахвечи-баши ведал не только приготовлением кофе и всем, с этим связанным, но и кальянами: на торжественных аудиенциях, по ставшему традиционным обычаю, кахвечи-баши раскуривал осыпанный драгоценными камнями и отделанный золотом кальян, передавал его пишхедмет-баши (см. ниже), который вру-

чал сидящему на троне шаху мундштук, а сам стоял до окончания церемонии рядом, с кальяном в руках.

з) Мир-ахури — управление шахскими конюшнями. Кроме дворцовых лошадей и упоминавшейся выше экипажной, в ведении амир-ахура в отдельные периоды находились кобылицы, использовавшиеся в персидской армии для артиллерийской тяги; табуны их обычно находились на выпасе в районах Лара и Верамина; регулярно присылаемые в дар шаху бахтиярские, кашкайские, туркменские и другие кони также попадали в ведение амир-ахура. Кроме того, амир-ахур нес ответственность за содержание шахских жираф и слонов (хотя для последних тоже имелось специальное «управление» — фил-хане). Седлами, чепраками, сбруей и т. п. ведало другое управление — зиндар-хане.

Должность амир-ахура считалась очень почетной и была крайне выгодной. Обычно ее занимали видные представители феодальной аристократии. Упоминаемый здесь «царевич Амир-ахур», — очевидно, Мохаммед Хосейн-мирза Ямин од-Доуле, последний амир-ахур Насер эд-Дина.

и) Сандук-хане и рахтдар-хане — шахская гардеробная. Возглавлявший ее сандук-баши ведал всеми одеяниями шаха, мехами, отрезами парчи, наградными халатами и т. п., а также теми драгоценностями, которые шах носил постоянно. В его подчинении находились портные, скорняки, вышивальщики золотом. Часто он заведовал шахской библиотекой. Постоянным источником дохода сандук-баши служили наградные халаты, регулярно или от случая к случаю выдаваемые разным лицам (например, ежегодно в ноуруз губернаторам в знак оставления их на прежней должности). По обычаю стоимость такого халата возмещалась с лихвой, причем значительная часть компенсации оставалась у сандук-баши.

к) Сарайдар-хане — управление дворцовыми зданиями, садами и т. п. Сарайдар-баши ведал содержанием и охраной как самих зданий, так и их обстановки. Должность эта предоставляла большие возможности для хищений и личной наживы.

л) Фарраш-хане — управление дворцовыми слугами всевозможных категорий и назначений: от уборщиков, курьеров и привратников до палачей. Фарраш-баши, носивший обычно титул Хаджиб од-Доуле, должен был всегда знать, где находятся подчиненные ему люди. Количество фаррашей доходило до 1000 человек, из которых 200—300 обычно прикомандировывались к министерствам и другим правительственным учреждениям, остальные же делились по видам обязанностей на разряды. Фарраш-баши имел заместителей (наибов), а фарраши, подобно кашикчи, были разбиты на десятки, полусотни и сотни, во главе которых стояли дехбаши, панджахбаши и юзбаши. Дворцовые фарраши носили яйцевидную войлочную шапку, сюртук (сардари) красного сукна и черные суконные либо саржевые шаровары. Высшей категорией фаррашей являлись фарраш-и халват и пишхедметы, обслуживавшие лично шаха. Сыновья самых знатных и богатых семей стремились попасть в число пишхедметов, ибо это гарантировало непосредственную близость к шаху и открывало неограниченные возможности для карьеры. Во главе их стоял назим-и халват (пишхедмет-баши); деление на десятки и т. д. было такое же, как и у простых фаррашей.

[21] Жена автора, дочь Насер эд-Дин-шаха. См. также:

دوستعلی معیر الممالك، یادداشتهائی از زندگانی خصوص ناصر الدین شاه،

تهران، ص ۱۱—۱۰ (далее — Муайяр оль-Мамалек, *Йаддаштха*).

[22] Толозан (Tholosan) — французский военный врач (хирург). Прибыл в Тегеран в 1864 г. и стал главным врачом шаха. В 1873 г. сопровождал шаха в поездке по Европе. Был одним из основателей так называе-

мого Меджлис-и сиххат (санитарный совет), который заседал в помещении Дарольфонун; автор нескольких книг по медицине на персидском языке. См.: C. Elgood, *A medical history of Persia and the Eastern Caliphate*, Cambridge, 1951, p. 513, 517—518.

[23] Сведения ошибочны. В день убийства шаха полковник Косоговский не ездил в Шах-Абдол-Азим. О покушении на шаха его известил курьер, посланный садр-азамом; вскоре прибыл второй курьер с письмом садразама (подлинник его см.: Косоговский, лл. 614—615), призывающим Косоговского во дворец.

[24] Согласно Косоговскому (л. 684), бахтиярская конница составляла личный конвой садр-азама.

[25] Махди Кули-хан Каджар Маджд од-Доуле, зять Наиб ос-Салтане, в июне 1911 г. был арестован особой комиссией меджлиса как ярый реакционер. См.: М. С. Иванов, *Иранская революция...*, стр. 477.

[26] Согласно Косоговскому, садр-азам ввел в заблуждение даже дворцовый караул в воротах Али-капу, ведущих с площади Туп-хане в арк: решив, что шах жив, солдаты сыграли гимн (л. 606).

[27] Мраморный трон — так назывался тронный зал, место торжественных аудиенций, в котором стоял трон, сделанный из алебастра, обращенный лицом в сад с бассейном, вокруг которого стояли прибывшие на аудиенцию. Описание см.: Feuvrier, *Trois ans...*, p. 126—132.

[28] Оранжерея с цитрусовыми деревьями, посредине которой был проложен отделанный изразцами канал; не сохранилась. Описание см.: Мустоуфи, *Шарх-и зендагани*, т. I, стр. 614; Feuvrier, *Trois ans...*, p. 150.

[29] Али Реза-хан Каджар Азуд оль-Мольк — старшина каджарского племени. В 1909 г. был регентом при малолетнем Ахмед-шахе. См.: «Салнаме», 1303 г. х., стр. 32; М. С. Иванов, *Иранская революция...*, стр. 268, 282, 380, 388, 398.

[30] Работы по перепланировке Тегерана были начаты в 1869 г., и к 1874 г. (ср. прим. 20 б) город изменил свой облик: окружавший его старый ров был засыпан, большая часть городских стен с башнями разрушена, разбиты новые площади и проведены проспекты. Тегеран был окружен земляными укреплениями, скопированными с парижских. Двенадцать старых городских ворот были сохранены, но названия их перенесли на соответствующие ворота, расположенные на внешней линии укреплений. (План Тегерана до перепланировки приложен к кн.: И. Н. Березин, *Путешествие...*)

Цитадель (арк), в которой находились дворцы шаха, его гарем (андерун), дворцовые службы, дворец Наиб ос-Салтане (в нем же располагалось военное министерство) и другие здания, также подверглась значительным переделкам. Комплекс дворцовых зданий арка часто именовался Гулистаном по названию разбитого в арке сада.

Весну и лето шах обычно проводил в пригородных дворцах и охотничьих угодьях в окрестностях Тегерана.

Андерун — здание, построенное при Фатх Али-шахе, было перестроено по приказу Насер эд-Дин-шаха в 1301 г. х. Описание см.: Муайяр оль-Мамалек, *Йаддаштха*, стр. 7 и сл.

Эшратабад — дворец и сад, находившиеся близ Шимранских ворот. Описание см.: Feuvrier, *Trois ans...*, p. 265—267.

Баг-и Айшабад — сад, был разбит за четыре года до убийства Насер эд-Дин-шаха; в настоящее время не существует.

Салтанатабад — один из самых больших пригородных дворцов. Описание см.: Муайяр оль-Мамалек, *Йаддаштха*, стр. 96 и сл.; Feuvrier, *Trois ans...*, p. 260—264. В настоящее время перестроен и находится в распоряжении администрации арсенала.

Сахибкеранийе — описание см.: Муайяр оль-Мамалек, *Йаддаштха*, стр. 99; Feuvrier, *Trois ans*..., p. 231—233, 300. В настоящее время реконструирован и находится в ведении министерства двора.

Баг-и Акдасийе — расположен к северо-востоку от Шимрана. В настоящее время находится в ведении иранской армии.

Шахристанак — деревня в 30 *км* от Тегерана, славившаяся хорошей охотой. Описание см.: Муайяр оль-Мамалек, *Йаддаштха*, стр. 91—92; Feuvrier, *Trois ans*..., p. 279.

Доушан-Тепе — при Насер эд-Дин-шахе там обычно устраивались скачки. Описание см.: Муайяр оль-Мамалек, *Йаддаштха*, стр. 83 и сл., Feuvrier, *Trois ans*..., p. 217, 220—221.

Каср-и Фирузе — описание см.: Feuvrier, *Trois ans*..., p. 299.

Баг-и Шах — в саду была установлена конная статуя Насер эд-Динщаха, отлитая из бронзы иранским архитектором и скульптором Али Акбаром. Описание см.: Муайяр оль-Мамалек, *Йаддаштха*, стр. 92—93.

[31] Мирза Мохаммед-хан Каши Экбал од-Доуле — «начальник царственного уединения» (халват-и шах) и командир одного из подразделений лейб-гвардии (тофангдаран-и хассе). См.: «Салнаме», 1302 г. х., стр. 32—33.

[32] Охрана порядка в городе была поручена: «1. Сардар-акрему (старший и наиболее влиятельный в Персии сардар, ибо он командует девятью полками, самыми надежными, азербайджанскими). 2. Низаму од-Доуле (начальник всей артиллерии, генерал-фельдцейхмейстер)» и Косоговскому (Косоговский, л. 601).

[33] Отец любимца Насер эд-Дин-шаха Азиз ос-Султана (см. прим. 48).

[34] Мирза Исмаил-хан Амин оль-Мольк, брат садр-азама Али Асгархана Амин ос-Султана, министр финансов. После падения Али Асгара был смещен с должности, но уже в 1898 г. был снова назначен министром, на сей раз внутренних дел. О его злоупотреблениях на посту министра финансов см.: Архив ИВ АН, разряд I, оп. 6, № 41, стр. 224—235 [«14 декабря 1896 г. ...Вот теперь и Амин оль-Мольк ожидает своей участи: по официальным счетам он отчитался так искусно, что ему не только не приходится возвращать огромные суммы, как на то надеялся Фарман-Фарма, но еще причитается с казны дополучить до 50 000 туманов. Но это ничего не значит.

Амин оль-Мольк не без основания опасается, что за него возьмутся с другой стороны... Всей Персии известно, что Амин оль-Мольк с каждой пенсии, с каждого жалованья, вообще с каждой денежной выдачи удерживал по 2—3 крана с одного тумана, т. е. от 20 до 30% всей суммы, — цифра баснословная, вопиющая... Тысячи людей, и притом людей действительно пострадавших, клятвенно, на Коране, могут каждую минуту подтвердить возводимые на Амин оль-Молька обвинения в вымогательстве, казнокрадстве, лихоимстве...

Его отец Амин ос-Султан (см. прим. 20а) ...на долю Амин оль-Молька оставил ничтожное наследство. Так откуда же у него теперь одних домов и садов в одном Тегеране более чем на два миллиона рублей, не считая... деревень и чистого капитала в несколько миллионов рублей?...»]

[35] Аббас Мирза Молькара, брат Насер эд-Дин-шаха. После воцарения Мозаффар эд-Дин-шаха был некоторое время министром торговли. См.: Архив ИВ АН СССР, разряд I, оп. 6, № 41, стр. 222 («24 января 1896 г. Новым министром торговли и юстиции принцем Молькара народ недоволен за его горячность: сегодня, например, ни за что ни про что побил адвоката и хотел засадить его под арест; насилу-насилу тот убедил Молькара, что нигде во всем свете не бьют адвокатов и не взыскивают с них за вину клиента».

См. также его автобиографию:

شرح حال عباس میرزا ملك آرا برادر ناصر الدین شاه شامل قسمت مهمی از وقایع سلطنتی این پادشاه، باهتمام عبد الحسین نوائی و بامقدمهٔ در احوال مؤلف بقلم عباس اقبال، تهران، شهریور ۱۳۲۵.

[36] Абд ос-Самад-мирза — брат Насер эд-Дин-шаха. См. о нем: Feuvrier, *Trois ans*..., p. 135.

[37] Бриллиантовый зал — зал, стены которого были покрыты зеркалами и хрусталем. Описание см.: Feuvrier, *Trois ans*..., p. 149, 152.

[38] Родственник садр-азама, сандук-баши (см. прим. 20и).

[39] Сарайдар-баши (см. прим. 20к). О его деятельности см.: Архив ИВ АН СССР, разряд I, оп. 6, № 41, стр. 233—234 [«28 декабря 1896 г. ...Амин-и Хумаюн («доверенный царя») при Насер эд-Дин-шахе заведовал кофе и кальяном шаха; всеми жилыми дворцами шаха со всем в них имуществом, кроме музеума (к музеуму печать прикладывал сам шах, а заведовал музеумом Амин оль-Мольк); кроме того, заведовал мечетью и дворцами сепахсалара (так называемый «Бахаристан»), шахскими экипажами и экипажными конюшнями и лошадьми, и имел еще много других мелких должностей.

Беззастенчивое хищничество этого господина поистине замечательно и возбуждает порицание даже его товарищей по оружию, самих персидских хищников.

По случаю 50-летнего юбилея царствования Насер эд-Дин-шаха, назначенного на 24 апреля 1896 г., Амин-и Хумаюну было ассигновано 25 000 туманов на угощение, в том числе 2000 на одни только европейские вина. Как известно... юбилейные торжества не состоялись... Но вин этих не оказалось и следа, — очевидно, их и не покупали вовсе. На вопрос шаха (Мозаффар эд-Дина), куда же девались эти вина, Амин-и Хумаюн ответил, будто их по распоряжению садр-азама раздали европейским посольствам (голая ложь). За 12 дней пребывания турецкого посла во дворце «Бахаристан» Амин-и Хумаюн подал счет в 7000 туманов. За 40 дней пребывания садр-азама во дворце шаха (с 19 апреля по 29 мая 1896 г.) Амин-и Хумаюн подал счет в 40 000, т. е. ровно по 1000 туманов, или по 2000 рублей в сутки, на одну только еду, тогда как в действительности тратилось ежедневно не более 50—60 туманов»].

[40] Шамс оль-Имарат — один из дворцов в арке. Историю постройки см.: Муайяр оль-Мамалек, *Йаддаштха*, стр. 65—66; описание см.: Feuvrier, *Trois ans*..., p. 150—153.

[41] Министр просвещения, телеграфа и рудников.

[42] Текийе-йи Давлати — здание для представления шиитских мистерий в месяцах мухарраме и сафаре. Описание см.: Муайяр оль-Мамалек, *Йаддаштха*, стр. 71 и сл.; Мустоуфи, *Шарх-и зендагани*, т. I, стр. 395 и сл., Мисль-Рустем, *Персия при Наср-Эдин-шахе*, СПб., 1897, стр. 102 и сл.

[43] Через год тело Насер эд-Дин-шаха было торжественно перенесено в Шах Абдол-Азим.

[44] Абу Тораб-хан допрашивал Мирза Резу и вел протоколы допросов, помещенные в «Тарих-и бидари», стр. 77—96.

[45] Архив ИВ АН СССР, разряд I, оп. I, № 41; стр. 20—21: «Хаджи Малек Туджар, т. е. царь купцов, купеческий голова не только Тегерана, но и всего Азербайджана, из которого он сам родом.

Хаджи Малек Туджар — человек весьма популярный и имеющий огромную партию, состоящую из очень богатых купцов и многих главных моджтахедов». Он был одним из инициаторов бунта 1893 г. против табачной концессии.

[46] Бадгир — дворец, выстроен при Фатх Али-шахе, получил такое название благодаря двум вытяжным трубам, возвышавшимся над его крышей. Описание см.: Муайяр оль-Мамалек, *Йаддаштха*, стр. 51; Feuvirer *Trois ans*..., p. 150—151.

[47] Джелоудар — стремянный, конюх.

[48] Гулям Али Азиз ос-Султан — любимец Насер эд-Дина-шаха, который выдал за него свою дочь. После смерти шаха его титул («Возлюбленный шаха») потерял смысл и был заменен новым: Сардар-и Мухтарам. См.: Муайяр оль-Мамалек, *Йаддаштха*, стр. 112—115.

[49] Известный реакционер, министр двора и военный министр при Мохаммед Али-шахе.

[50] Косоговский, л. 638: «27 мая в 11 часов утра был назначен торжественный «салям». Пускали по билетам, лично выдаваемым обер-церемониймейстером».

[51] Казнь Мирзы Резы см.: Косоговский, л. 714.

[52] Мирза Мохаммед Али-хан Каввам од-Доуле в 1908 г. был министром финансов. См.: М. С. Иванов, *Иранская революция*..., стр. 278, 391.

[53] Был соправителем Мозаффар эд-Дина в Азербайджане в бытность последнего наследником престола. С воцарением Мозаффар эд-Дина стал также контролером военного министерства.

[54] См. прим. 2 и 32; он же Сардар-и Акрем.

[55] Начальник главного штаба.

[56] Начальник конницы гулямов «махдийе» и «мансур», бывший губернатор Зенджана, впоследствии губернатор Луристана. См. прим. 20д. См. также: М. С. Иванов, *Иранская революция*..., стр. 68, 155, 390 и др.

[57] Впоследствии первый председатель меджлиса, министр финансов, министр просвещения. Убит в 1911 г. См.: М. С. Иванов, *Иранская революция*..., стр. 90, 191, 260 и др.

[58] Абд оль-Хосейн-мирза Фарман-Фарма Салар-и Лашкар играл крупную роль при дворе Мозаффар эд-Дин-шаха в первые месяцы после его воцарения, занимал пост военного министра. См.: Мустоуфи, *Шарх-и зендагани*, т. II, стр. 18. Ср. также прим. 59.

[59] Лейб-медик Мозаффар эд-Дина в бытность последнего наследником престола и шахом. Принимал активное участие в борьбе партий при дворе; был назначен министром строительных работ и построек, впоследствии стал министром двора.

Архив ИВ АН СССР, разряд I, оп. 6, № 41, стр. 232—233 («14 декабря 1896 г. ... Когда был свергнут садр-азам 12 ноября 1896 г., претендентами на пост садр-азама называли трех наиболее влиятельных в то время: 1. Фарман-Фарму, 2. Эйн од-Доуле, 3. Хаким оль-Молька... [Последний] вопреки всеобщим ожиданиям не выдвинулся и... примкнул пока к Фарман-Фарме... А пока... он избрал себе благую долю и занялся коплением денег: со времени приезда из Табриза в Тегеран он уже положил в банк 40 000 туманов; шах назначил ему ежегодного жалованья 5000 туманов и 300 харваров (300×18=5400 пудов) пшеницы (что составляет от 1500 до 2000 туманов) в качестве джире (суточные или кормовые). Кроме того, Хаким оль-Мольк назначен министром построек, что, в общем, в зависимости от качества возводимых построек, может давать ему еще от 6000 до 20 000 туманов ежегодно доходов...» (см. прим. 15).

О племяннике Хаким оль-Молька, реакционном депутате меджлиса, министре финансов в кабинете Мустоуфи оль-Мамалек (июль 1910 г.) и т. д. см.: М. С. Иванов, *Иранская революция*..., стр. 280, 433 и др.

[60] См. стр. 64.

П. П. БУШЕВ

К ВОПРОСУ О ПЕРВОЙ ПОЕЗДКЕ В. А. ЖУКОВСКОГО В ИРАН (1883—1886 гг.)[1]

В формировании Валентина Алексеевича Жуковского как востоковеда-ираниста большую роль сыграла его трехгодичная научная командировка в Иран.

После окончания факультета восточных языков Петербургского университета (1880) и получения степени магистра персидской словесности (1883), Жуковский был командирован университетом в Иран. Цель поездки молодого ученого — совершенствование в персидском языке и сбор диалектологических материалов для докторской диссертации. Кроме того, Жуковскому было поручено приобрести персидскую литературу (по возможности рукописи).

Выехав из Воронежа 4 мая 1883 г., Жуковский в начале июня прибыл в Тегеран. Здесь он был хорошо встречен работниками русской дипломатической миссии.

Для выполнения своей научной программы Жуковскому необходимо было получить доступ в библиотеки, которые в те времена принадлежали частным лицам. Проникать в такие библиотеки можно было лишь благодаря высоким связям. Однако русский посланник и драгоман миссии Григорович недостаточно содействовали в этом Жуковскому, и он с горечью писал Розену, что ему приходится завязывать знакомства с владельцами библиотек через своего учителя-муллу [2].

В письмах Жуковского имеется интересный материал о жизни и быте членов русской миссии и консульств в Иране. Не без осуждения в одном из них он писал о чиновничьем отношении дипломатических работников к своим обязанностям. Жуковский одобрительно отзывался о тех, кто интересовался жизнью и бытом страны.

---

[1] В «Очерках по истории русского востоковедения», т. IV опубликована статья о жизни и деятельности В. А. Жуковского.

[2] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 163, л. 2—3.

Например, консул в Реште П. М. Власов работал над географическим и экономическим описанием Ирана, а юрист Панафидин за 9 лет пребывания в стране составил описание ее в двух частях[3]. А вот Игнатьев, писал далее Жуковский, как и многие другие, «ничего не делает». Даже драгоман Григорович, ближе других соприкасавшийся с населением Ирана, интересовался только кранами, чинами и интригами[4].

В письмах Жуковского мы находим также описание отдельных деталей тегеранской жизни. В одном из них он писал Розену «по секрету» о знакомстве со старшим сыном Насер эд-Дин-шаха Зилл ос-Султаном — губернатором Исфагана и Шираза и об интригах этого претендента на шахский трон. Рожденный от наложницы, а не от каджарской принцессы, Зилл ос-Султан не мог рассчитывать на назначение его наследником шаха. Поэтому, как пишет Жуковский, Зилл ос-Султан готовил почву среди иностранцев в Тегеране, рассчитывая с их помощью взойти на престол после смерти отца[5].

Описывая салям[6] у шаха, Жуковский приходит в ужас от бескультурья и грубости нравов придворных: «Это такая комедия, что ни в сказке сказать, ни пером описать»[7].

В переписке Жуковского с тем же Розеном мы находим характеристику нравов учителей персидского языка. Своего первого учителя он сменил за недобросовестность. По мнению Жуковского, он «слишком понатерся среди европейцев, в особенности англичан, и утерял поэтому много чисто персидского, а во-вторых, до такой степени бывал нагл, что я положительно из себя выходил: ни над какой трудностью, ни над какой ошибкой [он] не задумывается: объясняет во все тяжкие и, как нарочно, в это время начинает говорить особенно быстро, в надежде благополучно миновать подводные камни, но, о ужас! несколько раз разбивался о мое внимание. Я старался его отучить от такой дрянной замашки и слишком дешевой самоуверенности в непогрешимости, но все напрасно»[8]. Другой учитель — Ибрагим Мазендеранский, «странный чудак и оригинал»[9], был «ярким поклонником Джелял-эддина, суфия, по-

---

[3] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 162, л. 20.

[4] Кран — серебряная монета, десятая часть тумана (в современном Иране — риал).

[5] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 163, л. 3.

[6] Салям — прием у шаха, в данном случае по поводу ноуруза (Нового года).

[7] Архив АН СССР, ф 777, оп. 2, № 163, л. 6—7.

[8] Там же, л. 1. — Письмо от 15. II. 1884.

[9] Там же, л. 8. — Письмо от 11. V. 1884.

своему существу»[10] и очень образованным человеком и хорошим знатоком маснави[11], который интересовался только этим видом стихов[12]. С этим учителем Жуковский занимался длительное время. Несмотря на долгое знакомство, Ибрагим Мазендеранский не смог ввести Жуковского в круг персидских писателей и поэтов, так как «они сторонятся русских»[13].

Первые полгода своего пребывания в Иране Жуковский называл подготовительными, так как занимался совершенствованием разговорного языка, без чего не представлял себе дальнейшей успешной научной работы. «С приглашенным мною ученым туземцем проводил я ежедневно, начиная с октября месяца[14], от трех до пяти часов в беседе по поводу читаемых под его руководством сочинений, стараясь время от времени касаться и других вопросов, чтобы по возможности всесторонне обнимать разговорную речь, не приучая языка и слуха к более или менее однообразным оборотам»[15].

Начав с текста Ферид эд-Дин Аттара, Жуковский перешел к логике и грамматике. «И та и другая, — писал он, — мною усвоена по учебникам, принятым во всех медресэ[16] персидских...»[17].

Насколько Жуковский выполнил свою «первую задачу» — «усвоить разговорный язык», видно из того, что уже через шесть месяцев пребывания в Тегеране он мог довольно бегло «поддерживать разговор о чем угодно». Так, на приеме у Насер эд-Дин-шаха он беседовал с ним «без всякой помощи Григоровича»; в связи с этим в городе пошли слухи о возможном назначении Жуковского директором персидского университета Дарольфонун.

Жуковский сообщал интересные подробности, об изучении в персидских школах арабской грамматики. Сборник или свод основ этой грамматики, называемый Жуковским «джам-е», персидскими учащимися-талибами «штудируется самым бессовестным образом от первой страницы до последней, задалбливается

[10] Там же, л. 1. — Письмо от 15. II. 1884.

[11] Маснави — разновидность персидского стиха.

[12] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 163, л. 8. — Письмо от 11. V. 1884.

[13] Там же.

[14] Жуковский начал занятия с октября месяца лишь потому, что с июня до октября проживал в Зергендэ — летней резиденции русской миссии, в 15 *км* от Тегерана, где не было учителя нужной ему квалификации.

[15] Архив востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР, ф. 17, ед. хр. 10-а, 427, л. 86 (далее — Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР).

[16] Медресе — духовное училище.

[17] Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 17, ед. хр. 10—а/427.

до такой степени, что истинный студент в стенах медресэ не станет с вами вести беседы о предметах, изложенных в... [„джам-е"] иначе, как словами того же... [„джам-е"]. Посетив проездом через Решт одно медресэ и заведя после обычных приветствий беседу о формах арабского глагола, я был немало поражен, когда на мои вопросы талиб подал мне раскрытый... [„джам-е"], а сам, спеша и захлебываясь, начал осыпать меня фразами арабского грамматического трактата. Такое знание названного сборника «на зубок» не исчезает в студенте с разлукою со стенами его... [альма матер], но сопутствует ему и на поприще «муаллимства» [18]. Я знаю примеры, когда подвизающийся в качестве муаллима [19] 15—20 лет так же свободно излагал на память трактаты по логике, грамматике и пр., как будто он эту мудрость постиг только вчера.

Покончив на время счеты с грамматикой, я вновь обратился к поэзии и взялся за диван Насир-Хосроби Аляви (ум. 534 г.) ...По существу своему моралист, философ и богослов, он в некоторых местах представляется крайне загадочным, благодаря смелости в мыслях и выражениях, мало чем уступающих избранным перлам Омара Хайама. К моему глубокому сожалению, я должен был скоро оставить его диван, потому что весьма многое, несмотря на наши соединенные усилия, оставалось непонятным, и я не решаюсь положительно сказать, виновата ли в этом не особенно хорошая рукопись, или своеобразный язык, полный идиотизмов (т. е. идиоматических выражений.—*П. Б.*) и слов, на которые подчас не дают никакого удовлетворяющего значения имеющиеся персидские лексиконы. Что касается вопроса о сличении манускриптов, то здесь его нужно поднимать с большой осторожностью. Правда, иногда случайно можно напасть на желаемую рукопись в руках китабфуруша [20] или другого лица, которые за незначительное вознаграждение охотно дадут ее на подержание, но воспользоваться для занятий книгою чьей-либо библиотеки — весьма трудно. Доступ в них для ференги [21] окончательно закрыт; еще можно добиться при рекомендации и настоятельных просьбах влиятельных лиц; человек же, который во всех мелочах предоставлен самому себе, кроме любезного отказа, ничего не встретит. Благодаря этому обстоятельству пишущий эти строки до сих пор только питается слухами о библиотеках разных величин и достоинств, не имея возможности посмотреть на все сокровища этих книгохра-

18 Муаллимство — преподавание.
19 Муаллим — учитель.
20 Китабфуруш — книготорговец.
21 Ференги — европеец, иностранец.

нилищ собственными глазами. Я не теряю, однако, надежды и при моих единичных стараниях проникнуть в китабханэ[22] при мечети, строящейся в настоящее время в Тегеране на средства покойного сипехсалара[23] Мирзы Хусейн-хана. Коллекцию, как мне говорили, в 8000 рукописей он составил главным образом из книг покойного И'тизад ус-Салтанэ Али Кули-мирзы, младшего сына Фетх Али-шаха. Незначительная часть перешла к его наследникам, в частности к Абдус-Семед-мирзе, женатому на дочери царевича, часть, по обыкновению Востока, была неизвестно кем расхищена, остальные же книги купил сипехсалар за 15 000 туманов и, прибавив к ним манускрипты, приобретенные от других лиц, составил таким образом драгоценную библиотеку для колоссальной мечети[24]. В настоящее время книги покоятся в мешках в ожидании окончания постройки. Брат сипехсалара, министр юстиции Мушир эд-Доулэ (Яхья-хан), заведующий постройкой мечети и имуществом Мирзы Хусейн-хана, замечательно внимательный ко мне и предупредительный, обещал мне показать библиотеку и даже разрешил в ней заниматься. Насколько последнее, т. е. разрешение, более чем заурядная персидская любезность, — я сказать не могу до тех пор, пока предо мною на самом деле не раскроют заповедных дверей, чего я ожидаю со дня на день. Не столь драгоценной, как библиотека сипехсалара, но во всяком случае заслуживающей внимания является китабханэ Сани уд-Доулэ[25]. Это издатель пустой тегеранской газеты «Иран», громко именующийся везирем изданий и собственного Его Величества драгоманата... Все это везирство над издаваемыми книгами заключается, кажется, во взимании с каждого издания установленного побора натурою и деньгами и в приложении печати. Всякий, желающий пустить книгу в обращение, обязан представить упомянутому везирю два экземпляра ее и уплатить 2 крана (около 70 к. с.)[26] независимо от ее содержания, объема и числа напечатанных экземпляров, за исключением тех случаев, когда напечатанная книга будет Кораном, который оплачивается теми же двумя экземплярами, но уже тремя (3) туманами[27]. После этого на книгу накладывается печать с изображением Льва и Солнца и словами... («рассмотрено»), которая, так сказать, разрешает

[22] Китабхане — библиотека.

[23] Сепахсалар — военачальник, полководец, главнокомандующий.

[24] Эта мечеть называется мечеть Сепахсалара.

[25] Сани од-Доуле; см. о нем некролог В. А. Жуковского «Мухаммед-Хасан-хан (И'тимад ал-сальтанэ)» (ЗВОРАО, т. X, вып. 1—4, 1897, стр. 187—191).

[26] к. с. — копеек серебром.

[27] Туман=10 кранов.

книгу, но отнюдь не гарантирует ее от изъятия из обращения. Побор натурою дал возможность Сани уд-Доулэ составить очень порядочную библиотеку печатных книг, не говоря о рукописях, которые он тщательно собирает через своих агентов. Остается только сожалеть, что «везирь» — человек, получивший очень приличное образование, ученый, ревностный издатель, в душе поклонник реформ, «молодой» перс, более чем кто-либо другой, сторонится европейцев благодаря тому только, что слишком близко стоит к Шаху. Предоставляя себе уведомить Факультет о рукописях названных библиотек своевременно, я теперь препровождаю список новейших персидских литографий. Считаю нужным заметить, что в него не вошли издания, указанные Дорном в его (Каталоге [28]. — *П. Б.*), а также литографии, которыми обладает библиотека нашего университета. Я не ограничился в списке исключительно персидскими литографиями, т. е. тегеранскими и тавризскими (остальные города, в том числе и Исфагань, нельзя брать в расчет, потому что в них книгопечатного дела совсем нет никакого), но включил в него и индийские издания (бомбейские) потому, во-первых, что они составляют весьма значительный процент в здешних книжных лавках, а во-вторых, потому, что Индия по преимуществу издает диваны персидских поэтов в полном объеме, а не в извлечениях; наконец, бомбейские издания как по наружной чистоте, так и по исправности текста стоят неизмеримо выше тегеранских и тавризских. В списке моем есть отдел литературы сказочной и детской... на который я должен обратить внимание. В первоначальных персидских училищах... [мектабхане] обучаются по преимуществу дети мужского пола, и только в некоторых можно встретить девочек, но они долго не остаются: достигших десятилетнего возраста родители спешат взять под свое крыло. Главная цель — обучение чтению и письму. Всюду принятым и распространенным учебником служит... [„эмме-е джозв“] иначе называемый... [„пандж аль-мохаммед“]. Это один из тридцати джузвов [29] Корана — последний, содержащий все коротенькие суры. Вначале приложен «алифба» [30]. Прочтя эту книженку, мальчик получает Коран, который поглощает с самого начала, поглощает в смысле простого чтения, потому что содержимое остается непонятным. После того переходят к чтению книг легкого удобопонятного содержания, вроде,

[28] «Catalogue des ourages arabes, persans et turcs, publiés à Constantinople, en Egypte et en Perse, qui se trouvent en Musée Asiatique de l'Academies, St. Petersbourg, 1866».

[29] Джозв — часть, деталь, а также 1/30 часть Корана.

[30] Алифба — алфавит.

напр. ...[«Муш ве Горбе»] соч. Убейда Заканского (Закан — деревня недалеко от Казвина). Эта побасенка пользуется большой популярностью, и редко можно встретить ребенка, женщину, мужчину, которые не помнили из нее стихов. Можно не знать многого и очень важного, но не знать... [«Муш ве Горбе»] — стыдно и непозволительно! Курс чтения подобного рода книг растягивается на 3—4 года, после чего имеющие возможность продолжать дальнейшее образование переходят в медресэ, прочие же берутся за какое-нибудь ремесло, иногда становятся мирзами [31] и пр. Таким образом, исключительно соками этой «детской» литературы питается значительная часть персидского населения...» [32].

Прожив в Тегеране 15 месяцев, после «подготовительного периода», Жуковский выехал с женой Варварой Александровной в Исфаган и прибыл туда во второй половине сентября 1884 г. Здесь за 18 месяцев [33] Жуковский выполнил бóльшую часть своей научной работы, ради которой был командирован в Иран.

При этом интересно отметить, что ни учителя Жуковского, ни он сам не очень верили в возможность найти новый материал по диалектам. В востоковедной науке того времени укоренилось мнение, что исследования таких русских и западноевропейских востоковедов, как Березин, Дорн, Жаба, Лерх, Мельгунов, Росс, Ходзько, Юст и других, исчерпали вопрос о диалектах и их труды «надолго, если не навсегда, останутся капитальными...». Жуковский писал: «Я сильно усумнился, чтобы в этой области мои будущие поиски могли увенчаться успехом» [34], еще и потому что маршрут лежал «по большой и самой обыкновенной, избитой караванной дороге... Тегеран, Исфагань, Шираз...» [35]. Однако это неправильное представление опроверг сам Жуковский. Он пришел к выводу, что Иран в отношении диалектов персидского языка «представляет из себя такое золотое дно, которое много лет еще будет давать неистощимый и вечно новый материал исследователям» [36].

В Исфагане, а отчасти и в Ширазе, где Жуковский пробыл

---

[31] Мирза — в данном случае — писец, секретарь.

[32] Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 17, ед. хр. 10—а/427, л. 86—94.

[33] Из Исфагана в Шираз Жуковские выехали 21 марта 1886 г. (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 165, л. 10. — Письмо к Розену от 15. IV. 1886).

[34] В. А. Жуковский, *Материалы для изучения персидских наречий*, ч. I, СПб., 1888, стр. 1.

[35] Там же.

[36] Там же, стр. II.

только полтора месяца [37], им был собран материал в несколько раз больший, чем потребовалось ему для защиты в 1888 г. докторской диссертации.

Возникает вопрос, почему Жуковский, сомневаясь в успехе задания, все же поехал в Иран. Мы полагаем, что у Жуковского была вторая тема исследования — изучение фольклора и других видов народного творчества. Известно, что Жуковский в первую поездку в Иран собрал богатый материал, который после дополнительного сбора им сведений во вторую поездку в Иран летом 1899 г. был издан в 1902 г. [38]. Это была блестящая работа, за которую автор получил большую золотую медаль Российского географического общества.

То, что исследовательская работа Жуковского по наречиям с первых дней пребывания в Иране переплеталась с изучением образцов народного творчества, — видно из его письма к Розену от 5 января 1885 г., в котором он сообщал, что заканчивает работу над переводом 1000 стихов бахтиарского наречия: «На мой взгляд, этого совершенно достаточно как для того, чтобы составить верное понятие о народном творчестве бахтиаров, так и для того, чтобы ознакомиться со строем бахтиарского наречия» [39].

Только общаясь с населением, прислушиваясь, о чем и как говорил народ, можно было изучать народные диалекты. Метким словом, остроумной поговоркой, злой пословицей, острым стихом и язвительной сатирой отвечал народ на произвол и деспотизм господствующего класса, протестуя против тяжелых условий и бесправия. Жуковский собирал произведения народного творчества, классифицировал их; он пришел к выводу об огромном литературно-художественном богатстве этого творчества. Так, уже к концу своего первого пребывания в Иране Жуковский давал восторженную оценку художественной стороне произведений народного творчества. Он утверждал, что «подобных (сивендским) [40] прелестных произведений» он нигде не встречал [41]. Несколько позже, к 1903 г. Жуковский полностью оценил и другую сторону этих произведений — социально-политическую. Он писал, что так называемая парадная художествен-

[37] В Ширазе Жуковские прожили с 6 апреля до 27 мая 1886 г. (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 165, л. 14, 16).

[38] [В. А. Жуковский], *Образцы персидского народного творчества. Песни певцов-музыкантов, песни свадебные, песни колыбельные, загадки, образцы разного содержания. Собрал и перевел В. А. Жуковский*, СПб., 1902.

[39] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 164, л. 1.

[40] Сивенд — селение в районе Шираза.

[41] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 165, л. 16.

ная литература изображала в розовых тонах неприглядную иранскую действительность, «справедливость шаха, изобилие плодов земных...», тогда как народные литературные произведения изображают жизнь «правдиво, без всяких прикрас...» [42].

В 1885—1902 гг. Жуковский опубликовал ряд статей, освещающих современную жизнь народов Востока. Однако он не ограничился этим. Подготавливая к печати первую часть своих «Материалов...» для защиты докторской диссертации, он поставил вопрос о допуске его в архив Азиатского департамента Министерства иностранных дел для работы над изучением донесений русских посланников «при дворе шаха о голоде 70-х годов, бывшем в Персии» [43]. 13 мая 1887 г. Жуковский получил это разрешение, но воспользовался ли он им — неизвестно. Ни в письмах, ни в материалах, оставшихся после Жуковского, не обнаружено следов его работы в архиве. Известно лишь, что Жуковский переводил таснифы [44] из коллекции Н. В. Ханыкова, среди которых были и таснифы об этом голоде. Возможно, что Жуковский, изучая в Иране в 1883—1886 гг. произведения народного творчества, в которых говорится об этом огромном стихийном бедствии, хотел найти ему подтверждение в документах русских дипломатических работников в Иране.

Занимаясь изучением образцов народного творчества, Жуковский отступил от традиций русских востоковедов, исследовавших в основном древнюю и средневековую историю и культуру Востока. Жуковский не только лингвист-филолог старой классической школы русского востоковедения, ученик К. Г. Залемана и В. Р. Розена, И. Н. Березина и других, но и новатор в науке, возведший в степень научного исследования народное творчество. Он отмечал: «Персидское народное творчество, интересное в отношении языка, формы и содержания, остается до настоящего времени областью совершенно необследованной и неизвестной» [45]. Единственный из востоковедов, писал Жуковский в 1902 г., который работал в этом направлении, был Ходзько, однако им в «Образцах народной поэзии...» [46] «элементу чисто персидскому удѐлено самое незначительное место... без персидского оригинала, только в переводе» [47], тогда как

---

[42] В. А. Жуковский, *О чертах современного положения в Персии в ее литературных произведениях* (ЗВОРАО, т. XVI, вып. 1, 1904, стр. XVI).

[43] ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 64.

[44] Тасниф — романс, песня, рассказ в стихах о событиях, зачастую злободневных.

[45] В. А. Жуковский, *Образцы персидского народного творчества*, стр. 1.

[46] «Speciment of the popular poetry of Persia», London, 1842.

[47] В. А. Жуковский, *Образцы персидского народного творчества*, стр. 1.

«мои образцы, — продолжал Жуковский, — исключительно персидские» [48]. К этому можно добавить, что материалы о народном творчестве Жуковского отличаются богатством, разнообразны по форме и содержанию, прекрасно обработаны и систематизированы.

Ученик Жуковского А. А. Ромаскевич, исколесивший почти весь Иран, писал, что Жуковский первый начал систематически собирать народные произведения Ирана не как вспомогательный материал к иранской филологии, а как образцы народной словесности, выражающей «характерные черты быта и воззрений персидского народа...» [49].

Подводя итог вышесказанному, мы можем сделать следующие выводы.

Первая поездка Жуковского в Иран в 1883—1886 гг. оказала большое воздействие на формирование его как ученого-ираниста.

Жуковский первый обратил внимание на высокую художественную форму народных произведений Ирана и на правдивое отображение в них социально-политических и бытовых сторон жизни народа.

Материалы по наречиям персидского языка легли в основу докторской диссертации, которая в 1888 г. была опубликована в виде первой части «Материалов для изучения персидских наречий». Эта работа принесла ему европейскую известность.

Жуковский первый применил способ сплошного, по районам (полосам) изучения наречий персидского языка.

Вопреки установившемуся в востоковедной науке мнению, Жуковский доказал, что в Иране народ говорит на многочисленных диалектах, а литературный язык является языком только привилегированных классов и больших городов.

Таковы далеко не полные результаты поездки Жуковского в Иран.

---

[48] Там же.

[49] А. А. Ромаскевич, *В. А. Жуковский и персидская народная поэзия* (ЗВОРАО, т. XXV, вып. 1—4, 1921, стр. 415).

С. В. ЖУКОВСКИЙ

МОЙ ОТЕЦ

Советские ученые-востоковеды осветили научную и педагогическую деятельность В. А. Жуковского. Я же хочу поделиться личными воспоминаниями об отце.

Аккуратность — одна из самых характерных черт отца. Аккуратен он был во всем. Он прекрасно знал, где стоит нужная ему книга на полке, и мог в темноте безошибочно найти ее. Вечером, закончив работу, отец ничего не складывал и на следующее утро мог продолжать прерванный накануне труд.

Валентин Алексеевич никогда не ставил себе целью написать больше и скорее. Он не разбрасывался и не перескакивал с одной темы на другую, а тщательно отшлифовывал собранный им материал. По словам академика С. Ф. Ольденбурга, манера излагать свои мысли отчетливо и ясно «вполне характеризовала писавшего: ясность и отчетливость мысли, отвращение от туманных или неопределенных общих построений и гипотез, большая фактичность».

Аккуратность отца послужила основанием к приглашению его нести кропотливые секретарские обязанности на факультете, которые он выполнял с 1892 по 1902 г. В 1902 г. Жуковский был избран деканом факультета восточных языков. В деканате ему приходилось вести большую и сложную работу, которая, естественно, мешала научным занятиям. За годы деканства ему неоднократно приходилось временно исполнять обязанности ректора университета. Его университетские друзья не раз предлагали ему выставить свою кандидатуру на должность проректора университета, гарантируя блестящие выборы на общем собрании. От этого он категорически отказывался, полагая, что высокий административный пост отнимет у него слишком много времени и не даст возможности заниматься научной работой. Он не счел для себя возможным принять по этой же причине и сделанное ему (не помню точно, в каком году) предложение занять пост товарища министра народного просвещения.

Воспитывать новое поколение востоковедов — такова была одна из целей его жизни. Он читал лекции студентам на протяжении тридцати двух лет, с 1886 г. и до самой смерти. Насколько мне известно, он не пропустил за свою жизнь ни одной лекции, не считая тех случаев, когда бывал присяжным заседателем.

Отношение Жуковского к студентам было исключительным, а иногда чисто отеческим. Приведу несколько примеров.

Поздняя осень. Глубокой ночью звонок в нашу квартиру в районе Пяти углов. Отец с тревогой идет к входной двери. «Кто тут?» — спрашивает он. С лестницы что-то отвечают, и отец открывает дверь. В квартиру входит с корзиной на спине молодой красивый студент, восточного типа, со взъерошенными волосами, почти обезумевший от страха. «Что случилось?» — спрашивает отец. «Я к вам, Валентин Алексеевич. У меня на Васильевском острове сейчас был пожар. Все сгорело. Вот только это удалось мне спасти», — показывает погорелец на корзину. «Здесь казенные, университетские книги и кое-что из белья. Мне некуда деться, и я прибежал к вам». Отец приглашает студента, Н. Я. Марра, будущего академика, войти и успокаивает его. Вместе с матерью он устраивает студента на ночь, напоив его горячим чаем. Утром потерпевший снабжается всем необходимым на первое время, и благодарный ученик покидает гостеприимного учителя.

В другой раз днем приходит совершенно растерянный студент Л. Ф. Богданов. У него умерла мать. Хоронить не на что. Да и вообще, что же он теперь будет делать? У него нет никого и ничего. И на этот раз студент получает ряд добрых советов и материальную поддержку.

Был и такой случай. Идем мы с отцом вместе по дворцовому мосту в университет. Навстречу идет великовозрастный студент И. И. Шубин. До поступления на Восточный факультет он окончил Духовную академию и уже был на службе. «Вы куда идете, молодой человек? — обращается к нему отец. — Ведь у вас сейчас экзамен, а вы идете в обратную от университета сторону». «Я не могу идти на экзамен, господин профессор». — «Почему?» — «Я ничего не знаю и провалюсь». — «Пустяки, идем в университет». — «Да нет, Валентин Алексеевич, я не пойду. Я знаю, что не выдержу экзамена». — «Пустяки, — настаивает отец. — Идемте вместе, я знаю, что вы экзамен выдержите. Вам бояться нечего». Шубин продолжает отказываться. Тогда отец совершенно спокойно берет его под руку, и мы втроем идем в университет. Мой однокурсник Шубин прекрасно выдержал экзамен. Отец хорошо знал каждого из своих уче-

ников и никогда не пользовался замешательством студента на экзамене, чтобы его «срезать». Наоборот, знающего, но робеющего студента он старался навести на правильный ответ, и, если даже студент почему-либо отвечал хуже, чем были его познания, Валентин Алексеевич ставил ему хорошую отметку. Этого нельзя было наблюдать в отношении тех молодых людей, которые в течение года не занимались и не присутствовали на лекциях. Здесь была строгая, но всегда справедливая оценка их познаний.

Приведу еще один случай с моим однокурсником, оставленным при университете по кафедре арабской словесности, будущим академиком И. Ю. Крачковским. Наша семья пригласила его на время поселиться у нас, когда Крачковский тяжело переживал болезнь и смерть своего учителя В. Р. Розена.

Приведенные случаи не были единственными. Валентин Алексеевич пользовался большой любовью своих учеников, которые по окончании университета служили на Востоке. Приезжая в Петербург, они всегда заходили к отцу поделиться с ним своими впечатлениями о странах, где протекала их работа. Многие из них находились в переписке с отцом и присылали и привозили ему интересующие его научные материалы. Назову лишь нескольких из таких учеников: Г. Д. Батюшков, А. К. Беляев, А. Я. Миллер, В. П. Никитин, И. Ф. Похитонов, С. М. Шапшал и другие.

Я позволю себе более подробно остановиться на деятельности моего отца в Учебном отделении восточных языков Министерства иностранных дел.

В 1904 г. Жуковскому предложили пост директора Учебного отделения восточных языков, готовившего в течение двух лет дипломатических и консульских работников для стран Ближнего и Среднего Востока. До назначения моего отца Учебное отделение в министерстве называли «лавочкой». И не случайно. Как только освобождалась должность на Востоке, министерство в любое время года и вне зависимости от курса обучающегося отправляло того или иного слушателя туда на службу.

Жуковский, став директором, категорически воспротивился таким порядкам и запретил произносить слово «лавочка». Вторым его шагом была замена малопригодных преподавателей и переводчиков более квалифицированными, но, чтобы провести эту, казалось бы, простую реформу, потребовалось два-три года.

При Жуковском учебный год начинался в строго определенное время — 1 сентября. Все поступавшие сдавали вступительные экзамены.

Жуковский приступил к разработке проекта реформы Отделения, согласно которой оно должно было готовить дипломатов не только для Ближнего и Среднего, но и для Дальнего Востока. Жуковский начал собирать материалы о постановке изучения восточных языков на родине и за границей. Жуковский собрал данные о Московском Лазаревском институте восточных языков, о Владивостокском институте, о вновь образовавшейся Практической восточной академии, о специальных курсах для военных и т. д. Сложнее было найти материалы о постановке дела за границей. Отца особенно интересовала школа живых восточных языков в Париже, с директором которой Полем Буайе он был хорошо знаком. Проект, подготовленный Жуковским, предусматривал: увеличение числа слушателей более чем вдвое, а также увеличение числа профессоров и преподавателей, так как вводились языки Дальнего Востока, курсы политической экономии, исторической географии, консульского и торгового права; предусматривались летние командировки для практической работы на Востоке; обязательные выпускные экзамены. Срок обучения оставался двухгодичным.

Осуществление проекта Жуковского превратило бы Учебное отделение в отвечающую всем требованиям того времени школу, готовившую квалифицированных специалистов. Но претворению в жизнь проекта помешало противодействие генерала Шведова, возглавлявшего Практическую восточную академию.

Одобренный Министерством иностранных дел план реформы Учебного отделения был представлен на рассмотрение Государственной Думы. Однако план этот не был принят думской комиссией. Отец присутствовал на заседаниях этой комиссии и был поражен равнодушием депутатов и их полным непониманием вопроса.

До конца своей жизни Жуковский с благодарностью вспоминал о своих учителях. В 90-х годах, во время каникул, мы проездом остановились на один день в Феодосии. Случайно отец узнал, что директором местной средней школы был его учитель гимназии. Отец отправился к нему и, не застав его дома, пришел к нему вторично и провел с ним много часов. Но особые чувства питал отец к арабисту В. Р. Розену. Розен очень хорошо относился к своим студентам, но Жуковского он любил, как родного сына. Хотя Розен был специалистом по арабскому языку, он, прекрасно зная персидский язык, помогал моему отцу, оставшемуся после окончания университета без руководителя. Можно с уверенностью сказать, что именно Виктор Романович вывел моего отца в ученые. Их взаимная дружба прервалась лишь со смертью Розена в 1908 г. На про-

тяжении более двадцати лет отец делился с ним всеми своими планами и мыслями и мог в любое время посетить своего учителя, чтобы воспользоваться его советом. Розен приезжал к нам каждый понедельник, чтобы за чашкой чая побеседовать о делах. Смерть любимого учителя нанесла моему отцу жестокий удар.

Отец относился ко мне с большой требовательностью. На втором курсе открылась возможность летней командировки в Персию с экспедицией, организуемой Министерством торговли и промышленности. В связи с этим к нам приехали профессор Н. Я. Марр и поставленный во главе экспедиции Н. И. Аматуни с просьбой отпустить меня в командировку, как студента, проявляющего способности и интерес к Персии. Отец ответил отказом, заявив: «На курсе имеются студенты, так же хорошо разбирающиеся в персидском языке и интересующиеся Персией, как и мой сын. Им такая поездка будет гораздо полезнее, чем Сергею». И вместо меня поехал мой однокурсник А. И. Горячкин.

Еще один случай. Мой отец на протяжении многих лет назначался председателем Испытательной комиссии государственных экзаменов. Во время экзамена по персидскому языку и литературе ассистентами были акад. К. Г. Залеман, в лицо меня не знавший, и проф. А. Э. Шмидт, с которым я был знаком. Отец вызывает студентов не по фамилии, а жестом приглашает подойти к экзаменационному столу. Таким же жестом он предлагает приблизиться к столу и мне. Когда я занял место, отец спокойно поднялся и сказал: «Карл Германович, я очень прошу Вас проэкзаменовать этого молодого человека, а я пойду покурю и скоро вернусь». Когда В. А. Жуковский вернулся, меня еще экзаменовали и ассистенты предложили ему закончить экзамен, но он отказался. По окончании экзамена, отец спросил К. Г. Залемана. «Как Вы нашли познания этого молодого человека?» — И получив соответствующий ответ, Валентин Алексеевич сказал ему тихо: «Это мой сын».

Мало кому известно, что отец был большим любителем искусства. В юношеские годы он рисовал акварелью. Это были прекрасно исполненные пейзажи миниатюрных размеров, нарисованные в нежных, приятных глазу тонах. Но больше всего он любил музыку. Сам он хорошо играл на рояле и цитре, хотя при мне отец на ней не играл. Любимыми его операми были «Руслан и Людмила», «Князь Игорь» и «Демон», возможно, потому, что в них было много дорогих его сердцу восточных мотивов.

Жуковский принял большое участие в постановке на сцене

9 Заказ № 2197

театра А. С. Суворина в Петербурге (примерно в 1910 г.) пьесы «Баб» из персидской истории, написанной в стихах поэтессой И. А. Гриневской. Гриневская вместе с отцом выработала все детали оформления пьесы. К работе в театре по совету Жуковского был привлечен талантливый художник-передвижник В. Я. Суреньянц, побывавший в Персии и прекрасно знавший персидскую историю и быт. Декорации, костюмы и бутафория были выполнены под наблюдением Валентина Алексеевича.

Наш дом посещал и драматург В. И. Величко. Работая над своими «Восточными мотивами». он обратился к отцу с просьбой ознакомить его с подлинным персидским поэтическим творчеством. Между поэтом и профессором завязалась дружба. Написав новое стихотворение, Величко приходил ознакомить отца с ним. Их дружеские беседы затягивались далеко за полночь. У Величко, жившего неподалеку от нас, Жуковские встречались с известными в то время литераторами, в частности с Н. А. Лесковым, философом Владимиром Соловьевым.

В заключение мне остается лишь добавить, что Валентин Алексеевич хорошо владел западными языками — немецким, французским и английским. Всю научную литературу на этих языках он читал без словарей, но он никогда не говорил на них. Он был подлинно русским человеком, горячо любившим свою родину и родной русский язык. Его лозунгом было не «что скажет запад», а «что скажет Россия». И ей, дорогой родине, он остался верен до гроба.

С. М. ШАПШАЛ

ВАЛЕНТИН АЛЕКСЕЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ

Впервые я встретился с Жуковским в 1894 г. на Факультете восточных языков Петербургского университета, где он преподавал студентам персидский язык и литературу.

Во время лекций Валентин Алексеевич редко находился на кафедре: он присаживался на первой скамейке, рядом со студентом, и по одной книжке с ним следил за правильным чтением персидского текста. Лишь время от времени он вставал, подходил к доске и писал те или иные слова, объясняя их корни, значение и пр. Студенты также запросто беседовали с ним, задавали многочисленные вопросы. Случалось, что иной раз Жуковский затруднялся дать ответ на вопрос. Тогда он просил отложить беседу до следующего раза, с тем чтобы дома ознакомиться с соответствующей литературой. Может быть, это обстоятельство и послужило поводом к тому, что на одном собрании, воздавая дань благодарности бывшим своим учителям, он сказал, что многому научился не только у них, но и у своих учеников-студентов.

Окончив университет в январе 1901 г., я получил по рекомендации Жуковского назначение в Тавриз, где должен был преподавать русский язык. Находясь в Персии, я вел с ним переписку. В одном из своих писем Валентин Алексеевич просил меня выяснить, что означает в разговорном языке иранцев слово *шамаиль* (множественное число от арабского слова, означающего — врожденное свойство, качество, характер, достоинство). Мне удалось узнать, что так называются художественные изображения мусульманских святых. Никто из тогдашних ориенталистов, в том числе и Жуковский, никогда не слышали о существовании мусульманских икон. Несмотря на все старания, мне долгое время не удавалось увидеть эти иконы, так как местные мусульмане держат их закрытыми густой кисеей в особых нишах, устроенных в одной из стен дома.

Однажды в Тавризе, находясь в доме своего приятеля-пер-

*

са, благодарного мне за оказанные ему услуги, я был введен в комнату, где раньше никогда не бывал. Там я заметил нишу с прислоненной к ней рамой, покрытой густой кисеей. Я спросил хозяина дома, что это за предмет, покрытый кисеей. Он подошел к нише, прошептал краткую молитву, снял покрывало, и я увидел изображение мужчины, сидящего на волосяной шкуре и держащего на коленях меч с раздвоенным концом. Вокруг его головы был нимб, как и на христианских иконах. По форме меча я догадался, что это изображение Али. Хозяин дома подтвердил мою догадку.

Я сразу же написал об этом Жуковскому. В ответ он усиленно просил меня во что бы то ни стало раздобыть такую икону. Но в Табризе я так и не смог приобрести икону, хотя со многими местными жителями дружил.

Будучи в Тегеране, я совершенно случайно, проходя мимо одного антикварного магазина, в окне увидел завешенную сверху донизу картину. Слегка отогнутый кончик покрывала позволил мне увидеть очертания колен и лежащий на них меч с раздвоенным концом — «эюль-фикар», доставшийся Али, по преданию, от самого Мухаммеда. Я сильно сомневался, продаст ли хозяин магазина чужестранцу мусульманскую икону. Но моя барашковая шапка персидского покроя и знание персидского языка не делали меня похожим на «ференги», т. е. европейца. Я заговорил с хозяином магазина так, как обыкновенно говорят мусульмане, покупая экземпляр Корана. Дело в том, что спрашивать, сколько стоит Коран, нельзя, так как это является богохульством. Поэтому, войдя в магазин, я задал вопрос: «Что я должен подарить Вам в обмен за уступку мне иконы?» Мне ответили: «20 туманов» (40 рублей на тогдашние русские деньги).

Немедленно я сообщил о своем приобретении Жуковскому, и он с нетерпением ждал моего приезда в Петербург. Вернулся я только осенью 1908 г., к тому времени купив еще несколько икон, причем на некоторых из них, кроме самого Али, были изображены и два его сына — Хасан и Хусейн — внуки Мухаммеда. Иконы с открытым лицом Мухаммеда мне не приходилось видеть, так как он всегда изображался с завуалированным, как у мусульманских женщин, лицом. Имеются также иконы с изображением коня «Аль-Барак», на котором, по мусульманской легенде, Мухаммед улетел со двора храма Соломона на небо.

По возвращении в Петербург я поступил на службу в III (политический) отдел Министерства иностранных дел и стал преподавателем Учебного отделения восточных языков (при

том же министерстве), директором которого в то время был Жуковский. Кроме того, меня зачислили штатным преподавателем турецкого языка в университете. Таким образом, я очутился под непосредственным руководством Валентина Алексеевича. Ежедневное общение с ним позволило мне узнать его еще ближе.

В министерство поступали консульские донесения из Турции, Ирана, Индии и стран Дальнего Востока, содержавшие много интересных сведений. Жуковскому в 1912 г. пришла мысль основать особое Общество русских ориенталистов с привлечением служащих министерства и преподавателей восточных языков университета. Сам Жуковский официально не числился среди руководителей общества, но через своего сына Сергея Валентиновича, секретаря общества, и пишущего эти строки — товарища председателя неустанно принимал участие в редактировании издаваемого обществом ежегодника «Восточный сборник». В том же году вышли в свет два тома сборника (с началом первой мировой войны издание прекратилось).

Административные должности декана в университете и начальника Учебного отделения восточных языков отнимали, повидимому, очень много времени у Жуковского, мешая ему непосредственно заниматься научной работой. Он показывал мне кипу ненапечатанных своих трудов, которые он не успел окончательно обработать.

И. И. УМНЯКОВ

ВОСПОМИНАНИЯ О В. А. ЖУКОВСКОМ

Я имел счастье под руководством Жуковского изучать персидский язык на факультете восточных языков в Петербургском университете (1909—1913 гг.). Его метод преподавания был своеобразен. Навсегда осталась в памяти первая лекция Валентина Алексеевича. Войдя в аудиторию, он попросил у сидевшего на передней скамейке студента грамматику новоперсидского языка, составленную им совместно с К. Г. Залеманом, и начал из нее читать места, на которые нам следовало обратить особое внимание. Помнится, например, что в главе «Учение о формах» Жуковский подчеркивал важность правильного употребления изафета в персидском языке. На ознакомление студентов с персидской грамматикой он затрачивал не более трех лекций, предлагая изучать ее самим, а затем переходил к чтению легкого персидского текста («Сказки попугая»), на материале которого закреплялись пока еще слабые познания студентов. Жуковский не рекомендовал зубрить грамматические правила в отрыве от текста. На лекциях он читал поэтические произведения Саади, Фирдоуси и Хафиза, четверостишия Омара Хайяма, тексты из исторического труда Мирхонда и из биографии шейха Абу Саида Мейхенейского. Жуковский не ставил перед собой задачу сделать своих учеников лингвистами, он требовал от них лишь понимания текстов и точного перевода их на русский язык.

Известно, что Жуковский дважды (в 1890 и 1896 гг.) посетил Среднюю Азию с целью археологических изысканий. Результатом его первой поездки был капитальный труд о развалинах старого Мерва. Ни один из городов Средней Азии не имеет до сих пор подобного исследования. Еще студентом IV курса, отправляясь впервые в Бухару, я обратился к Валентину Алексеевичу за некоторыми советами. Несмотря на кажущуюся суровость, он принял меня весьма радушно и дал ряд ценных указаний и наставлений. С той же теплотой он

прощался со мной в октябре 1916 г. перед моим отъездом из Петрограда на службу в Бухару. Жуковский горячо советовал мне не зарываться целиком в административную работу и рекомендовал изучать не только историю Бухары, но и современную ее жизнь, предложил следить за состоянием книжного рынка в Бухаре, где могут еще встретиться редкие восточные рукописи. Поскольку главным предметом занятий Жуковского была религиозная жизнь персидского народа в прошлом и настоящем, он продолжал интересоваться бухарскими бабидами и вообще литературой о суфизме.

Память о замечательном ученом и человеке В. А. Жуковском навсегда сохранится у тех, кто близко его знал.

А. М. МУГИНОВ

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ПЕРСИДСКОГО ГЛАГОЛА ДАШТӒН ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ЗНАЧЕНИЯ БЛИЖАЙШЕГО БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ

Вопрос об употреблении персидского глагола داشتن *даштӓн* в служебной функции при передаче значения ближайшего будущего давно привлекал внимание исследователей. Однако до сих пор нет специальных работ на эту тему, кроме заметки известного русского востоковеда проф. В. А. Жуковского, опубликованной в 1889 г. [1].

В. А. Жуковский отметил случаи, когда глагол *даштӓн* служит для образования «такого будущего времени, которое должно совершиться немедленно, и такого прошедшего времени, которое совершилось только что» [2]. Большинство же других авторов [3] отмечают употребление этого глагола для образования особых форм настоящего и прошедшего времени, не касаясь вопроса о будущем времени даже в случаях, когда делается ссылка на высказывания В. А. Жуковского.

В. Иванов в своей работе «The gabri dialect spoken by the Zaroastrians of Persia» (изд. в Риме, в 1936 г.) отмечает, что для выражения действия, которое еще продолжается или должно

---

[1] В. А. Жуковский, *Особенное значение глагола* داشتن *в персидском разговорном языке* (ЗВОРАО, т. III, вып. 4, 1889, стр. 376—377).

[2] К. Г. Залеман и В. А. Жуковский, *Краткая грамматика новоперсидского языка*, СПб., 1890, стр. 53; см. также: В. А. Жуковский, *Образцы персидского народного творчества*, СПб., 1902.

[3] См. например: М. А. Гаффаров, *Персидско-русский словарь*, т. I, М., 1914, стр. 317; Мирза Джафар, *Грамматика персидского языка*, М., 1901, стр. 77—78; Р. Галунов, *Краткая грамматика персидского языка*, М., 1922 [Литогр.], стр. 38; Б. В. Миллер, *Персидско-русский словарь*, М., 1950, стр. 334; В. С. Расторгуева, *Краткий очерк грамматики персидского языка* (в кн.: Б. В. Миллер, *Персидско-русский словарь)*, стр. 1124—1125; А. А. Ромаскевич, *Лар и его диалект* (сб. «Иранские языки», I, Л., 1916), стр. 50; Phillot. *Higher Persian grammar*, Calcutta, 1919, p. 265; W. Iwanow, *Rustic poetry in the dialect of Khorasen*, JASB, XXI, 1925, p. 253.

начаться вот-вот, габри употребляют глагол *durtwun* (соотв. лит. *даштäн*); этот же способ имеет место также в разговорном языке и в диалектах.

Иной точки зрения придерживается А. З. Розенфельд[4]. По ее мнению, глагол *даштäн*, будучи присоединен к спрягаемому глаголу, стоящему в форме настояще-будущего времени, придает значение не будущего, а настоящего времени. А. З. Розенфельд предлагает переводить примеры В. А. Жуковского داره میرقصه، دارم میایم, не «вот-вот запляшет», а «он пляшет», не «сейчас приду», а «иду». Такой перевод возможен, если взять глагол в отрыве от контекста, так как данная форма означает действие как в плане настоящего, так и в плане будущего.

Однако последний куплет песни, приводимый В. А. Жуковским в качестве примера, гласит پولیس ساز میزنه داره میرقصه Перевод В. А. Жуковского — «Полиция играет на сазе, вот-вот запляшет»[5]. В этом предложении одно подлежащее *полис* и два сказуемых — *саз мизäна* и *дара мирäкса*. По-видимому второй глагол употреблен вместе с глаголом *даштäн* именно потому, что подчеркивается значение будущего действия, которое вот-вот должно совершиться в отличие от значения первого сказуемого. В том, что этот глагол следует перевести будущим временем, можно убедиться, если учесть еще одно важное обстоятельство. Жуковский[6] сообщает, что песня, из которой взят пример, посвящена приезду в Иран главы австрийской миссии графа де-Монтефорти и австрийских военных инструкторов, вызванных Насер эд-Дин-шахом для европеизации полицейского дела в Тегеране. Во главе миссии в течение долгих лет находился де-Монтефорти. Необходимо учесть сатирическую направленность песни. «Вообще в народе,—пишет В. А. Жуковский,— язвили над де-Монтефорти и его полицией изрядно»[7]. Вряд ли полицейские действительно танцевали на церемонии встречи иностранных представителей; музыка же, по всей вероятности, была. Разумеется, в песне речь идет не о том, что полиция «играет на сазе» и «пляшет»; здесь звучит насмешка над полицией, которая настолько радуется приезду «прославленного» графа, что готова плясать. Перевод В. А. Жуковского в этом случае не вызывает сомнений.

---

[4] А. З. Розенфельд, *Вспомогательные функции глагола dašlan в современном персидском языке* («Советское востоковедение», V, 1948, стр. 305—310).

[5] В. А. Жуковский, *Особенное значение глагола даштан...*, стр. 376.

[6] Там же, стр. 377; В. А. Жуковский, *Образцы...*, стр. 79—80, 249—250.

[7] В. А. Жуковский, *Образцы...*, стр. 80.

Нельзя согласиться с толкованием А. З. Розенфельд и другого примера В. А. Жуковского — в переделке стиха Хафиза на наречии кеурон:

ру гам у дерд мéкі нŏлé у феріŏд, rohezze
бімгіті фŏлі у феріŏд-рéсі дōрӯ іӯе...

От горя и болести не плачь и не стенай,
потому что вчера вечером — я гадал и
помощник вот-вот придет...[8]

Перевести фразу: «феріŏд-рéсі дōрӯ іӯе» настоящим временем («помощник идет»), как это предлагает А. З. Розенфельд, можно только в случае, опять-таки если оторвать этот пример от контекста. Между тем в вышеуказанном примере речь идет о воображаемом действии, следовательно, нельзя говорить, что оно происходит в данный момент. В то же время вполне допустим перевод типа «вот-вот он придет» или «скоро придет».

Перевод В. А. Жуковского и в данном случае безусловно правилен.

Интересно привести примеры из перевода на персидский язык произведения Л. Н. Толстого «Власть тьмы», выполненного Хамидом Аляви.

Матрена (закрывает ей рот): Что ты! Очумела. Он пойдет... Иди, сынок (Л. Н. Толстой, *Власть тьмы*, М.—Л., 1940, стр. 93). ماتریونا—(دستش را میبرد جلو دهنش)چه کار میکنی؟ دیوانه شدی؟ او که دارد میرود برو نیکیتا (پیام نو، ۱۳۲۵، شماره ۷—۸، ص ۵۵)

Петр: Нет, чую я, что нынче помру, чую (стр. 43).
پتر—خیر حس میکنم که دارم تمام میکنم میفهمم (ص ۲۸)

Примечательно, что переводчик оставил в данном случае без перевода слово «нынче»; видимо, употребление глагольной формы со значением ближайшего будущего само по себе содержит значение «вот-вот», «скоро», «нынче» и т. д. Об этом свидетельствуют также следующие примеры, взятые из перевода пьесы-сказки Маршака «Двенадцать месяцев», выполненного Бозоргом Хамиди.

Начальник королевской стражи: Скоро стемнеет, Ваше величество (С. Маршак, *Двенадцать месяцев*, Л., 1946, стр. 66). رئیس نگهبانی سلطنتی — قربان هوا داره تاریک میشه (پیام نو، ۱۳۲٤، شماره ۱، ص ۵۵).

[8] В. А. Жуковский, *Особенное значение глагола даштан...*, стр. 377.

Королева: Я и сама скоро обледенею. Велите подать сани (стр. 71). ملیکه — خود من هم دارم یخ میزنم دستور بدید که سورتمه را بیارند (ص ۵۷)

Вот еще (в одном предложении) два примера, взятые из рукописи А 1578, л. 104а, относящейся ко второй половине XIX века, философского содержания: هیچ نمیدانی که در این سال بلاها برتو دارد میآید یا رحمت پروردگارست که بر تو دارد میاید

'Ты совсем не знаешь, в этом году постигнут тебя бедствия или господь окажет тебе милость'.

Приведенные примеры позволяют утверждать, что форма типа دارم میروم употребляется не только в значении настоящего времени определенного момента, но и в значении такого будущего действия, которое должно совершиться в самом ближайшем времени.

СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ В. А. ЖУКОВСКОГО *

Монографии и публикации

«Али Аухадэддин Энвери. Материалы для его биографии и характеристики», СПб., 1883, XXIV+146+90 стр. персидского текста.

Рец.: К. Г. Залеман («Журнал Министерства народного просвещения», ч. 230, 1883, ноябрь, стр. 160—176).

«Материалы для изучения персидских наречий», ч. I, СПб., 1888, 251 стр.

«Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва», СПб., 1894, 216 стр.

Рец.: А. Туманский (ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 300—303); В. Г. Тизенгаузен (ЗВОРАО, т. XI, вып. 1—4, 1899, стр. 327—333).

«Человек и познание у персидских мистиков». Речь, читанная на годичном акте Императорского С.-Петербургского университета 8 февраля 1895 г., СПб., 1895, 32 стр.

«Тайны единения с богом в подвигах старца Абу-Са'ида. Толкование на четверостишие Абу-Са'ида. Персидские тексты», СПб., 1899, 529 стр.

«Жизнь и речи старца Абу-Са'ида Мейхенейского. Персидский текст», СПб., 1899, 6+84 стр.

«Образцы персидского народного творчества. Песни певцов-музыкантов, песни свадебные, песни колыбельные, загадки, образцы разного содержания. Собрал и перевел В. А. Жуковский», СПб., 1902, IX+281 стр.

«Материалы для изучения персидских наречий», ч. II, Пг., 1922, II+432 стр.

---

* Список, составленный А. А. Ромаскевичем, проверен, дополнен и исправлен П. П. Бушевым. Работы Жуковского разделены на четыре части: монографии и публикации персидских текстов, учебники и учебные пособия, статьи и заметки, рецензии. Внутри каждой из этих групп работы размещены в хронологическом порядке.

«Материалы для изучения персидских наречий», ч. III, Пг., 1922, 205 стр.

«Раскрытие скрытого за завесой („Кяшф-аль-Махджуб")», Л., 1926, 607 стр.+64.

Учебники и учебные пособия

«Сказки попугая. Спор чашки с кальяном. Выбрал и словарем снабдил В. А. Жуковский», СПб., 1887, 56 стр. персидского текста, 64 стр. — словарь, второе издание, СПб., 1901.

«Persische Grammatik mit litteratur Chrestomathie und Glossar von Carl Salemann und Valentin Shukovski», Berlin, 1889, XII+ 140 S.

«Краткая грамматика новоперсидского языка с приложением метрики и библиографии». Составители К. Г. Залеман и В. А. Жуковский, СПб., 1890, 100 стр.

Статьи и заметки

«О положении гебров в Персии» («Журнал Министерства народного просвещения», ч. 237, 1885, январь, стр. 77—94).

«Предварительные заметки о некоторых персидских наречиях» (ЗВОРАО, т. I, вып. 1, 1886, стр. 23—27).

«Образчик персидского юмора» (ЗВОРАО, т. I, вып. 4, 1887, стр. 316—318).

«Секта „Людей истины" — A'hлi hakk — в Персии» (ЗВОРАО, т. II, вып. 1—2, 1887, стр. 1—24).

«Толкование притчи в сатире Фирдоуси» (ЗВОРАО, т. II, вып. 3—4, 1888, стр. 263—266).

«Ђāлī (غالى) — название современных персидских сектантов» (ЗВОРАО, т. III, вып. 1—2, 1888, стр. 119—121).

«Особенное значение глагола داشتن в персидском разговорном языке» (ЗВОРАО, т. III, вып. 4, 1889, стр. 376—377).

«Песнь Насири-Хосрова» (ЗВОРАО, т. IV, вып. 3—4, 1890, стр. 386—393).

«Колыбельные песни и причитания оседлого и кочевого населения Персии» («Журнал Министерства народного просвещения», ч. 261, 1889, январь, стр. 93—126).

«Персидский шах Наср-эддин — писатель» (газ. «Новое время», СПб., 1889, № 4741).

«Юмор персидско-индийский» (ЗВОРАО, т. V, вып. 1, 1890, стр. 111—112).

«Персидские версии „Шемякина суда“» (ЗВОРАО, т. V, вып. 2—4, 1891, стр. 157—178).

«Персидские летописцы о смерти А. С. Грибоедова» (газ. «Новое время», 1890, № 5068).

«Краткий обзор поездки в Закаспийский край ОАК», СПб., 1890, стр. 79.

«Могила Фирдоуси. (Из поездки в Хорасан летом 1890 г.)» (ЗВОРАО, т. VI, вып. 1—4, 1892, стр. 308—314).

«Из прошлого Султанбенда — плотины на Мургабе» (газ. «Новости и биржевая газета», СПб., 1891, № 99).

«Мусульманство Рустема Дастановича» (журн. «Живая старина», вып. IV, СПб., 1891, стр. 109—117).

«Недавние казни бабидов в городе Езде» (ЗВОРАО, т. VI, вып. 1—4, 1892, стр. 321—327).

«Легенда об Иисусе и черепе в персидском стихотворном сказе Аттара» (ЗВОРАО, т. VII, вып. 1—4, 1893, стр. 63—72).

«Разъяснения к заметке „Недавние казни в городе Езде“» (ЗВОРАО, т. VII, вып. 1—4, 1893, стр. 327).

«Песни Хератского старца» («Восточные заметки», СПб., 1895, стр. 79—113).

«Мухаммед-Хасан-хан (И'тимад-ал-сальтанэ)» (ЗВОРАО, т. X, вып. 1—4, 1897, стр. 187—191).

«Омар Хайам и „странствующие“ четверостишия» («Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции 13-го ноября 1872—1897», СПб., 1897, стр. 325—363).

«Соловей и Муравей» (ЗВОРАО, т. XI, вып. 1—4, 1899, стр. 304—307).

«Культура опия в Персии» (газ. «С.-Петербургские ведомости», 1898, № 56).

«Живой царь (Легенда)» («Ежемесячные литературные приложения к журналу „Нива“ на 1898 г. за май, июнь, июль и август», СПб., стр. 235—258).

«Переход 120 армян в Персии в мусульманство» («С.-Петербургские ведомости», 1898, № 89).

«К истории персидской литературы при Саманидах» (ЗВОРАО, т. XII, вып. 1, 1899, стр. 04—07).

«К истории старца Абу-Са'ида Мейхенейского» (ЗВОРАО, т. XIII, вып. 2—3, 1901, стр. 145—156).

«Кое-что о Баба-Тахире Голыше» (ЗВОРАО, т. XIII, вып. 4, 1901, стр. 0104—0108).

«Российский императорский консул Ф. А. Бакулин в истории изучения бабизма» (ЗВОРАО, т. XXIV, 1917, стр. 33—90).

Рецензии

«Путешествие Шаха Наср-эд-дина по Мазандерану (Собственный Его Величества дневник). Перевел с персидского горный инженер Э. Кориандер, СПб., 1887, стр. 60» (ЗВОРАО, т. II, вып. 3—4, 1888, 280—282).

«Современная Персия. Картинки современной персидской жизни и характера. Доктора Уильса. Перевел с английского И. Коростовцев, СПб., 1887, 279 стр.» (ЗВОРАО, т. II, вып. 3—4, 1888, стр. 282—283).

«Риза-Кули-хан رياض العارفين 1305 г. хиджры, Тегеран, стр. XVI+365, с портретом автора» (ЗВОРАО, т. IV, вып. 3—4, 1890, стр. 455—458).

Рецензия на книгу «Neupersische Schauspiele von Muhaemmaed Gaefaer Qaragadgi im persischen Texte, mit wörtlicher deutscher Übersetzung, Anmerkunden und vollständigem Wörterverzeichniss zum Gebrauche der K. K. Öffentlichen Lehranstalt für orientalische Sprachen herausgegeben von Prof. Dr. Adolf Wahrmund». Heft I: Monsieur Jourdan, der Pariser Botaniker, im Quarabad Vien, 1889, VIII+36+34+30» (ЗВОРАО, т. V, 1891, 129—132).

«Походы Надир-Шаха в Герат, Кандагар, Индию и события в Персии после его смерти. Составил ген-лейт. С. О. Кишмишев. Издано Военно-историческим Отделом при штабе Кавк. военн. окр. С прилож. географ. карт на пяти листах, Тифлис, 1889, II + 303 стр.» (ЗВОРАО, т. VI, вып. 1—4, 1892, стр. 351).

«Кн. Эспер Ухтомский. От Калмыцкой степи до Бухары, СПб., 1891, I+211 стр.» (ЗВОРАО, т. VI, вып. 1—4, 1892, стр. 351—354).

«Die Denkwürdigkeiten Schâh Tahmâsp's des Ersten von Persien (1515—1576) aus dem Originaltext zum ersten Male übersetzt und mit Erläuterungen versehen von Paul Horn, Strassburg, K. J. Trübner, 1891, p. 156»; «Die Denkwürdigkeiten des Šâh Tahmâsp I von Persien. Von Paul Horn, Zeitsch. d. Deutsch. Morgenl. Gesellsch, Bd XLIV, p. 563—649» (ЗВОРАО, т. VI, вып. 1—4, 1892, стр. 377—283).

Das Mujmil et-târîkh-i ba‘ dnâdirîje des Ibn Muḥammed Emîn Abu‘ l-Hasan aus Gulistâne (Fasc. I. Geschichte Persiens in den Jahren 1747—1750). Nach der berliner Handschrift herausgegeben und mit einer Einleitung und mit Indices versehen von Oskar Mann, Leiden. Brill, 1891, стр. 48+72» (ЗВОРАО, т. VII, вып. 1—4, 1893, стр. 361—362).

Кроме того, В. А. Жуковским были прочитаны рефераты на

заседаниях Восточного отделения Русского археологического общества. Сообщение о них см. в ЗВОРАО:

т. II, вып. 1—2, 1887, стр. II — о персидской «A'hлi hakk» (Мужах Истины) (29.I.1887);

т. II., вып. 3—4, 1888, стр. V — о книге Белозерского «Письма о Персии» (24.IX. 1887);

т. III, вып. 1—2, 1888, стр. II — о персидских колыбельных песнях (30.I.1888);

т. IV, вып. 1—2, 1889, стр. I — о рукописи Николая Семено, содержащей заметки о военных событиях 1827 г. в Персии (27.I.1889);

т. V, вып. 2—4, 1890, стр. X — о поездке в Закаспийскую область для археологических изысканий (28.XI.1890);

т. VIII, вып. 1—2, 1893, стр. IV — об образцах персидского базарного стихотворства на современные темы (6.V. 1893);

т. X, вып. 1—4, 1897, стр. XV — некролог Мирзы Мухаммед-Хасан-хана И'тимад-ал-сальтанэ (19.IV. 1896);

т. X, вып. 1—4, 1897, стр. XX—о шейхе Абу-Саиде и его гробнице Меяна-Баба в Мехне (8.XI.1896);

т. XII, вып. 1, 1899, стр. III — о персидской версии фабло «Constant du Hamel»из персидской современной лубочной литературы (14.I.1899);

т. XII, вып. 4, 1899, стр. XXIII—XXIV — о беседах с дервишами современной Персии (18.XI.1899);

т. XIII, вып. 4, 1901, стр. 0104—0108 — о Баба-Тахире Голыше (21.XII.1900);

т. XIV, вып. 1, 1902, стр. IV — о некоторых персидских рукописях из собрания Мин-Тюбинского ишана (22.II.1901); стр. VII — о последних днях Насер эд-Дина (22.III.1901);

т. XV, вып. 1, 1903, стр. XVII — о персидской литературе (25.IV.1902);

т. XVI, вып. 1, 1904, стр. XVI — о современном положении Персии по ее литературным произведениям (20.XI.1903);

т. XVII, вып. 4, 1907, стр. XXII—XXIII — о мистике Джуллаби (XI в.) и его сочинениях (26.I.1906); стр. XXXI—XXXII — о персидском лубочном издании повести о Варлааме и Иосафе 1269 г. х. (23.III.1906);

т. XIX, вып. 4, 1910, стр. VII — о поступлениях мусульманских рукописей в библиотеку Учебного отделения восточных языков (28.II,1908);

т. XXII, вып. 1—2, 1914, стр. XXI — об истории изучения бабизма (19.XII.1913);

т. XXII, вып. 1—2, 1914, стр. IV—V — о книге «Henry-Rene D'Allemagne, du Khorassan au pays des Backhtriaris. Trois mois de voyage en Perse», t. I—IV, Paris, MCMXI» (28, II. 1913);

т. XXII, вып. 3—4, 1915, стр. XXXVI — о рассказе современника о Халладже (30.X.1914).

ИРГО, т. XXV, вып. III, 1889, стр. 28—29 — о персидской свадьбе в песнях.

СОДЕРЖАНИЕ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Сборник V
Памяти В. А. Жуковского

*

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

*

Редакторы издательства
И. В. Альтман, И. М. Дижур, М. Д. Панасьянц
Технический редактор *А. К. Красная*
Корректоры *Е. А. Мамиконян* и *Л. Г. Тумасова*

*

Сдано в набор 3/XI 1959 г.
Подписано к печати 16/II 1960 г. Т-00296.
Формат 60×92$^1/_{16}$ Печ. л. 9,25+0,125 вкл.
Усл. п. л. 9,375 Уч.-изд. л. 8,99
Тираж 1400 экз. Зак. 2197
Цена 6 р.

*

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Типография Издательства восточной литературы
Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4.

ИСПРАВЛЕНИЕ

На стр. 123 6 строка сверху напечатано «народов Востока» вместо «народов Ирана».

Зак. 707

6 руб.